

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Факультет истории и международных отношений
Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Вопросы
новой и новейшей истории
зарубежных стран

Межвузовский сборник
научных трудов

Рязань 2011

ББК 63.3(3/8)
В74

Рецензенты: *М.Ю. Золотухин*, д-р ист. наук, проф. (МПГУ),
А.С. Соколов, д-р ист. наук (РГРТУ)

В74 **Вопросы** новой и новейшей истории зарубежных стран : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. М.В. Жолудов, Ю.И. Лосев ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2011. — 136 с.

ISBN 978-5-88006-715-2

В сборнике публикуются статьи ученых-историков России и Беларуси, посвященные актуальным и малоизученным проблемам новой и новейшей истории стран Запада и Востока.

Адресован специалистам-историкам, преподавателям школ и вузов, студентам и аспирантам исторических факультетов.

новая и новейшая история, история международных отношений, история Великобритании, историография.

ББК 63.3(3/8)

Редакционная коллегия:

М.В. Жолудов, Ю.И. Лосев (ответственные редакторы),

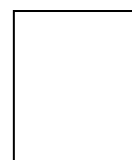
В.В. Аболмасов, А.И. Минаев, Б.В. Сафронов,

О.И. Ухнина (секретарь)

ISBN 978-5-88006-715-2

© Жолудов М.В., Лосев Ю.И., отв. ред., 2011

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аболмасов В.В.</i> К вопросу о развитии англо-советских экономических отношений в 1920-е гг	4
<i>Ананьева Н.П.</i> Синьхайская революция и Юань Шикай в американских планах порабощения Китая.....	9
<i>Беляев М.П.</i> Талейран Вестфальского конгресса (Максимилиан Траутмансдорф).....	15
<i>Глубокова Н.Г.</i> Итало-абиссинская война и британская внешняя политика (1935-1936 годы).....	24
<i>Ерохин В.Н.</i> Католическая церковь в Англии в предреформационные десятилетия XVI века.....	35
<i>Жолудов М.В.</i> Лорд Пальмерстон и британская либеральная дипломатия XIX века	46
<i>Ивонина Л.И.</i> Война и мир в теории и практике международных отношений Вестфальской системы	54
<i>Кацай В.Б.</i> Женевская декларация как альтернатива югославянского объединения в 1918 году	64
<i>Лабутина Т.Л.</i> Проблема стереотипов в исследовании межкультурных коммуникаций	69
<i>Минаев А.И.</i> М.М. Ковалевский о британской политической системе	76
<i>Мостяев Ю.Н.</i> Участие индийских войск в обороне Бирмы в условиях японского наступления в годы Второй мировой войны	83
<i>Петелин Б.В.</i> Пределы и возможности интерпретации исторических событий современной истории.....	95
<i>Писчикова Н.П.</i> Внешнеторговая деятельность России и США в начале XX века.....	105
<i>Попова Е.В.</i> К вопросу об особенностях внутренней политики первого правительства Беназир Бхутто (1988-1990 годы)	115
<i>Соколов А.С.</i> Советско-германские финансово-экономические отношения в 1922-1928 годах.....	121
<i>Якубова Л.А.</i> Социальный вопрос в интерпретации британских лейбористов и консерваторов в 1979-1997 годы (К историографии вопроса).....	128

К вопросу о развитии англо-советских экономических отношений в 1920-е гг.

После провала интервенции Англия берет курс на восстановление торговых отношений с Советской Россией, рассматривая торговлю как лучший путь содействия капиталистической реставрации в России.

Начатые в конце мая 1920 г. в Лондоне торговые переговоры, прерванные затем в связи с советско-польской войной, были возобновлены в конце октября 1920 г. К этому времени Советская Россия начала вести переговоры об установлении торговых отношений с Италией, Германией, Францией и другими странами. Англия боялась опоздать, упустить свою долю в выгодной и прибыльной торговле с Советской страной.

Экономическое положение Англии было в это время исключительно трудным. Кратковременный послевоенный бум к концу 1920 г. сменился острым кризисом. Проблема рынков была решающей проблемой. Английские капиталисты надеялись, что русский рынок поможет найти выход из надвигавшегося экономического кризиса. Огромное значение имела Россия и как поставщик сырья для Англии.

Проблема установления торговых отношений с Россией рассматривалась как важнейшая проблема восстановления английской экономики.

Английские капиталисты надеялись также, что восстановление торговых отношений с Советской Россией приведет к признанию советским правительством царских долгов и к восстановлению или возмещению национализированной собственности иностранных капиталистов в России.

Переговоры о заключении торгового соглашения, возобновленные в конце октября 1920 г., велись лично Ллойд Джорджем. Премьер не доверял этого деликатного дела Керзону, да и последний сам не хотел участвовать в переговорах с Советской страной.

16 марта 1921 г. был заключен англо-советский торговый договор. Как указано в самом договоре, он является как бы предварительным соглашением, за которым должен последовать формальный договор, регулирующий все экономические и политические отношения между обеими странами.

Значение англо-советского торгового договора выходило далеко за пределы чисто торгового соглашения. Впервые Советская страна была признана «де-факто» со стороны крупнейшей капиталистической державы. Антисоветская экономическая блокада была прорвана. Этим был дан толчок к установлению фактических отношений и с целым рядом других стран.

Англо-советский торговый договор означал брешь в едином фронте Антанты, направленном против Советской России. Не случайно вопрос о торговом договоре стал предметом острой англо-французской дипломатической дискуссии¹. Еще 25 ноября 1920 г. Бриан обратился к

английскому правительству с нотой, в которой упоминал о необходимости тесного англо-французского сотрудничества в «русском вопросе». Он в своей ноте выдвигал план англо-французского экономического и политического сотрудничества в «русском вопросе».

Английское правительство ответило на ноту Бриана уже после заключения торгового соглашения с Советской Россией. 22 марта 1921 г. Ллойд Джордж заявил в парламенте, что вопрос о долгах - это самостоятельный вопрос и что Великобритания окажет поддержку Франции в вопросе о русском долге на будущей конференции по установлению мира между Россией и западными державами². В ноте, переданной французскому правительству 14 июня 1921 г., английское правительство выразило несогласие с французским тезисом о том, что возобновление торговых отношений с Россией и признание долгов не могут быть разрешаемы отдельно друг от друга. При этом подчеркивалось, что Англия имела право вести самостоятельно переговоры с Россией, ибо общие переговоры, начатые своевременно по постановлению Высшего экономического совета Антанты, были прекращены, а созданный для этих переговоров в апреле 1920 г. постоянный комитет самораспустился, предоставив свободу действий всем странам³.

Между тем экономические затруднения Англии все больше увеличивались. Разразившийся в конце 1920 г. кризис приобретал все более тяжелые формы.

Англия нуждалась не только в новых рынках, но и в мире. Как с той, так и с другой точки зрения урегулирование «русского вопроса» представляло большую важность. Перед правительством Ллойд Джорджа уже вырисовывалась перспектива новых выборов. «Русский вопрос» все еще был не разрешен, а он всегда занимал исключительно важное место в английской внешней политике. Для правительства Ллойд Джорджа, и в частности лично для премьера, важно было во что бы то ни стало добиться некоторого умиротворения Европы – политического и экономического. От этого зависела судьба коалиционного правительства и личная карьера Ллойд Джорджа.

Важным стимулом для скорейшего разрешения «русского вопроса» было также опасение, что другие страны перехватят все выгоды от торговли с Советской Россией. Советское правительство в то время вело переговоры со скандинавскими странами и рядом стран Центральной Европы. Английская дипломатия была встревожена слухами о советско-французских переговорах⁴. В конце декабря 1921 г. было заключено предварительное соглашение между Советской Россией и Италией.

На заседаниях Верховного Совета в Каннах, происходивших 6—13 января 1922 г., британская делегация представила меморандум о необходимости разрешения «русского вопроса» как решающего звена в деле экономического восстановления Европы. Одновременно Ллойд Джордж, как уже указывалось, сделал предложение Бриану о возобновлении англо-французского союза и об общем соглашении с Германией. Между Брианом и

Ллойд Джорджем была достигнута договоренность об общей линии поведения в отношении Советской России.

6 января Верховный Совет по предложению Ллойд Джорджа принял постановление о созыве 8 марта в Женеве международной экономической конференции, в которой приняли бы участие премьер-министры всех европейских держав, в том числе Германии, России, Австрии, Венгрии и Болгарии. В резолюции указывалось, что «совместные усилия наиболее мощных государств необходим для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной»⁵.

Не успела закончиться Каннская конференция, как правительство Бриана пало, и к власти во Франции пришел Пуанкаре. Перспективы Женевской конференции резко ухудшились. Пуанкаре добивался отсрочки конференции на 3 месяца, с тем, чтобы потом вообще похоронить ее.

Во время свидания с Пуанкаре в Булони 25 февраля 1922 г. Ллойд Джорджу удалось после трехчасовой беседы убедить французского премьера в необходимости созыва Женевской конференции⁶.

10 апреля 1922 г. в Женеве открылась европейская экономическая конференция с участием 34 стран (считая доминионы Англии). США отказались участвовать в конференции. Турция не была допущена, несмотря на требование советского правительства.

На Женевской конференции столкнулись две политические линии в отношении Советской России. С одной стороны, политика Ллойд Джорджа, направленная на поиски соглашения с Советской страной. Другая политическая линия, защищавшаяся в первую очередь наиболее реакционными политиками Франции и английскими твердолобыми, сводилась к тому, что надо изолировать Советскую Россию и общим фронтом принудить ее к капитуляции.

Для Ллойд Джорджа успех или неудача Женевской конференции были помимо всего прочего вопросом его политической карьеры. Он постарался избавиться от присутствия в Женеве министра иностранных дел Керзона, зная, что последний, проникнутый слепой ненавистью к Советской стране, может с самого начала сорвать переговоры⁷.

Во время переговоров, которые велись между советской делегацией, возглавлявшейся Чичериным, и Ллойд Джорджем на вилле Альбертис (резиденция английской делегации в Женеве), главным предметом обсуждения были долги и возмещение бывших владельцев национализированного имущества. Ллойд Джордж следующим образом сформулировал требования капиталистических стран: полное признание Советской Россией довоенных долгов с процентами на них; готовность государств-кредиторов уменьшить общую сумму военных долгов; возвращение национализированного имущества иностранным подданным; отказ советского правительства от контрпретензий, связанных интервенцией⁸. Эта программа была явно неприемлемой для Советской страны. Переговоры остановились на мертвой точке.

Советская страна, находившаяся в то время в состоянии экономической разрухи и военной слабости, шла на уступки, для того чтобы добиться соглашения.

16 апреля 1922 г. в результате переговоров, происходивших между советской и германской делегациями в Рапалло, был заключен договор между Советской Россией и Германией. Договор устанавливал дипломатические и торговые отношения между обеими странами и предусматривал отказ от взаимных претензий, связанных со старыми долгами, возмещением национализированной собственности и т. д. Советская Россия отказалась от своей доли германских репараций. Рапалльский договор означал прорыв единого фронта капиталистических держав, который последние пытались создать в Генуе с тем, чтобы навязать кабальные условия советскому народу.

На первых порах Ллойд Джордж сочувственно отнесся к советско-германским переговорам. Он хотел их использовать как средство нажима на Францию. С другой стороны, он надеялся, что советско-германские отношения будут находиться под британским контролем и строиться на основе тех планов эксплуатации богатств и рынков России, которые он развивал перед Ратенау в Каннах.

Когда же Ллойд Джордж понял, что Рапалльский договор является для советской дипломатии орудием борьбы против всяких планов закабаления Советской России, он забил отбой.

Советская делегация и после Рапалло не оставляла попыток добиться соглашения с Англией и Францией. В результате нового совещания на вилле Альбертис советская делегация написала 20 апреля письмо Ллойд Джорджу, в котором была изложена позиция Советской России и те максимальные уступки, на которые она готова пойти в целях достижения соглашения. Эти условия были уточнены в советском меморандуме от 24 апреля. Советская Россия требовала признания де-юре со стороны капиталистических держав, немедленной и достаточной финансовой помощи в деле восстановления народного хозяйства. На этих условиях Советская Россия соглашалась пойти навстречу предложению государств-кредиторов в отношении довоенных долгов, с тем, чтобы возмещение по ним началось через 30 лет после подписания соглашения. Точно так же она готова была частично удовлетворить претензии иностранных подданных - владельцев национализированного имущества - путем предоставления им преимущественного права на концессии, аренду или каким-либо иным способом в пределах социально-экономической системы и основных законов Советской страны⁹.

По настоянию Ллойда Джорджа французская делегация приняла письмо от 20 апреля за основу для переговоров. Потом, однако, она пошла на попятную. В результате длительных совещаний делегаций стран Антанты был выработан новый меморандум от 2 мая¹⁰.

Ответный меморандум советской делегации от 11 мая был в общем благоприятно воспринят английской и итальянской делегациями. Французская же делегация продолжала проявлять непримиримость.

Во время работ конференции Генуя была наводнена антисоветскими дельцами всех стран. Особую роль играла агентура упомянутого уже Уркварта и Генри Детердинга.

Детердинг добивался от советского правительства не только возвращения национализированного имущества, но и монопольной концессии на кавказскую нефть.

Когда советское правительство отвергло претензии Детердинга на монопольные концессии, Детердинг организовал кампанию бойкота против экспорта советской нефти как «краденой нефти», одновременно не отказываясь от выгодных сделок за счет этой самой нефти. За кулисами конференции развернули большую активность главные соперники и конкуренты Ройял Деч Шелл - представители американского Стандарт Ойл, весьма встревоженные пущенными кем-то слухами о том, что Детердинг получает монопольную концессию на кавказскую нефть. Так как компания Стандарт Ойл в послевоенные годы скупила акции Нобеля, крупнейшего нефтепромышленника на Кавказе в дореволюционное время, то этот американский трест был заинтересован именно в реституции национализированной собственности. Вот почему американские тресты и американский посол в Риме Чайльд, бывший негласным американским наблюдателем на Генуэзской конференции, оказывали в той или иной форме поддержку французской и бельгийской делегациям, занимавшим наиболее непримиримую позицию по отношению к советскому правительству.

Генуэзская конференция зашла в безвыходный тупик. Речь Пуанкаре, произнесенная 24 апреля в Бар-ле-Дюке, в которой он возвестил о самостоятельных действиях Франции в отношении репарационного вопроса, т. е. об оккупации Рура, по существу означала не только курс на разрыв англо-французской Антанты, но и курс на срыв Генуэзской конференции. Барту отказался подписать даже меморандум союзников от 2 мая 1922 г. как слишком мягкий по отношению к Советской России.

Чтобы сгладить впечатление от провала Генуэзской конференции, Ллойд Джордж предложил не объявлять ее распущенной, а перенести ее продолжение в Гаагу. В Гааге должна была собраться комиссия экспертов для достижения соглашения по неразрешенным еще вопросам. Предложение об этом было принято на заключительном заседании Генуэзской конференции 19 мая 1922 г. Одновременно между участниками конференции было подписано соглашение о ненападении сроком на 4 месяца. Между Англией и Францией была достигнута договоренность о незаключении сепаратных соглашений с Россией.

Гаагская конференция, так же как и Генуэзская, окончилась провалом. Капиталистические государства подписали в Гааге соглашение о незаключении сепаратных соглашений о концессиях в России. Это не помешало Уркварту усиленно добиваться от советского правительства

концессий. Соответствующее соглашение между советским правительством и Урквартом было заключено 9 сентября 1922 г. Однако перед лицом враждебных действий английского правительства по отношению к Советской стране, в частности в связи с отстранением Советского Союза от равноправного участия в Лозаннской конференции, Совет Народных Комиссаров постановил отклонить концессию Уркварта.

¹ Малафеев К.А. Международные отношения и дипломатия капиталистических держав в Европе в 1924-1936 гг. Рязань, 1988. С. 9.

² Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 гг. Пер. с англ. ¾ М., 1945. С. 55.

³ Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929-1939 гг.). М.: Межд. Отнош., 1965. С. 18

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Науменков А.А. Хесин Е.В. Консерваторы и метаморфозы британской экономики. //Великобритания: политика, экономика, история. Спб., 1995

⁶ Holderness B.A. Crisis, Recovery and War. An Economic History of Continental Europe, 1918-1945. New York: Philip Allan, 1991. P.112.

⁷ Ibid, P.114.

⁸ Ibid, P.121.

⁹ Ibid, P. 124

¹⁰ Ibid, P.126

Н. П. Ананьева

Синьхайская революция и Юань Шикай в американских планах порабощения Китая

В 1912 г. одной из основных проблем дальневосточной политики США стало отношение к происходившей в Китае революции. Балансируя между ставками на цинскую бюрократию и на лидеров революции, США пытались обеспечить себе влиятельные позиции в центральных правительственных органах Китая. Их внимание в первую очередь привлекал Юань Шикай, в котором Вашингтон с первых дней революции усмотрел «сильную фигуру».

Как и другие державы, США формально придерживались позиции нейтралитета, провозглашенного в самом начале революции в заявлении иностранных консулов в Ханькоу. Однако все заинтересованные державы активно вмешивались в ход событий. Инициатива назначения Юань Шикая на высокий пост принадлежала США. Именно американский посланник на заседании дипломатического корпуса, а затем на аудиенции во дворце предложил его кандидатуру в качестве советника и исполнителя императорской власти ¹.

Россия и Япония были озабочены сохранением своих позиций в Маньчжурии и менее всего проявляли готовность допустить распространения американских забот о нейтралитете и согласованности действий на этот район Китая. С полного одобрения России, японская дипломатия дала понять Ноксу, что «у Японии есть специальные интересы в Маньчжурии, для защиты которых японское правительство оставляет за собой свободу действий»².

После отречения династии, избрания Юань Шикая президентом и формирования в Пекине нового республиканского правительства перспективы роста американского влияния в Китае значительно расширились. В частности китайское правительство пригласило на роль советника по финансовым вопросам профессора Дженкса, а в качестве советника по дипломатической части бывшего посланника США в Китае Рокхилла³.

Центральное место в американской политике в связи с начавшейся в Китае революцией заняли вопросы об отношении к республиканскому правительству и о предоставлении ему международным банковским консорциумом крупного займа. При рассмотрении первого вопроса американская дипломатия, как отмечалось выше, заявила о намерении придерживаться курса согласованных действий. На практике, однако, она систематически отклонялась от этого курса. Так, едва Юань Шикай занял президентский пост, представитель США поспешил нанести ему визит, чем, по определению русского поверенного в делах, продемонстрировал отсутствие солидарности между иностранными миссиями и несогласованность их действий⁴.

Госдепартамент, после принятия конгрессом 29 февраля 1912 г. резолюции с приветствием нового строя в Китае⁵, заверил русское посольство в Вашингтоне, что эта резолюция является чисто формальной⁶. Впрочем, далеко не «формальный» характер американского приветствия, как нельзя лучше, подтверждался дальнейшей концентрацией войск США в Китае⁷.

Со своей стороны, не доверяя США и опасаясь, что признание ими правительства Юань Шикая даст им в случае опережения других держав серьезный политический выигрыш, Япония во второй половине февраля 1912 г. выдвинула предложение руководствоваться в вопросе о признании китайского правительства принципом «единства действий».

Заслуживает быть отмеченным, что желание признать республиканское правительство Китая овладело американской дипломатией лишь после перехода власти в руки Юань Шикая, тогда как в дни пребывания на посту президента Сунь Ятсена двукратное обращение республиканского правительства к США с просьбой о признании было Вашингтоном отклонено⁸.

Свидетельствуя об умении быть благодарным и о готовности расплачиваться за оказанные ему услуги национальными богатствами страны, Юань Шикай в дальнейшем предоставил американским компаниям

право на финансирование работ по очистке русла Хуан-хэ, выдал тресту Рокфеллера «Стандарт Ойл Ко» концессию на разведку нефтяных месторождений в Северном Китае и монополию на нефтедобычу в Яньчаке и Чэнде.

Это вызвало беспокойство в России. В основе этого беспокойства лежало неблагополучие с положением русских дел в Маньчжурии, в частности со сбытом нефтепродуктов. Быстро развиваясь, русская нефтяная промышленность перед мировой войной успела стать одной из наиболее доходных и влиятельных отраслей отечественной экономики. К лету 1912 г. добыча нефти в России достигла 35 млн. пудов⁹. Нефтепромысла приносили огромные прибыли, представлявшие немалый соблазн для российской бюрократии.

Конечно, эти цифры меркли при сравнении с американскими показателями, поскольку на долю США приходилось в то время 63 % мировой добычи нефти. Однако нефтяная промышленность занимала в России одно из ведущих мест, и перспектива потери для китайского рынка в результате его монополизации американцами не могла не заботить российских чиновников.

Такая перспектива вызвала недовольство не только России, но и Японии. По мнению японского посланника в Пекине, «Стандарт Ойл Ко» с помощью заключенного договора получила возможность установить в Китае свою фактическую монополию. Поэтому он обратился к китайскому правительству с требованием аннулирования договора или предоставления Японии достойной компенсации¹⁰.

Однако успех «Стандарт Ойл Ко» оказался мнимым, а, следовательно, охватившее японских и российских дипломатов беспокойство – напрасным, так как неумело организованная разведка нефtezалежей не принесла положительных результатов, вследствие чего договор был 7 апреля 1917 г. расторгнут и китайское правительство обязалось выплатить «Стандарт Ойл Ко» 543 тыс. долларов в возмещение половины понесенных ею издержек¹¹.

Но если бы это предприятие, как и ряд других, которые пытался организовать в Китае американский капитал¹², не оказались бесплодными, положение мало изменилось бы, так как отдельные коммерческие успехи не уменьшали значения политической неудачи, постигшей США при попытке выступить в роли организатора коллективного признания режима Юань Шикая. Убедившись в невозможности обеспечить себе такую роль, американское правительство, отбросив принцип «согласованных действий», задалось целью извлечь максимум политической выгоды из опережения других держав в признании Юань Шикая. Решение об этом стало одним из первых внешнеполитических шагов В.Вильсона после его вступления на пост президента.

Суть американского зигзага заключалась в том, что в борьбе за Китай США придерживались «согласованных действий» с единственной целью не упустить инициативу в деле признания республиканского правительства в надежде на вытекающие из этого политические выгоды. Когда же в

Вашингтоне убедились, что державы, в частности, Япония и Россия, отнюдь не склонны предоставить США такую возможность, Соединенные Штаты стали спешить с сепаратным признанием Юань Шикая.

США 8 апреля 1913 г. пригласили другие державы последовать их примеру, но, как и следовало ожидать, это приглашение было оставлено без всякого внимания. Реализуя свой план, американское правительство поторопилось направить посланнику в Пекине указание заявить 2 мая 1913 г. о признании Соединенными Штатами нового китайского правительства¹³.

В этот день «Пекин Дейли Ньюс» опубликовала письмо Юань Шикая В. Вильсону, в котором глава нового режима писал: «Благосклонность и чувство дружбы, которые питает китайский народ к американцам, могут служить гарантией того, что и впредь оба народа будут преследовать взаимную пользу и те узы дружбы, которые связывают оба народа уже 70 лет, не будут порваны»¹⁴.

Признание же нового правительства другими державами состоялось лишь в сентябре 1913 г., когда оно доказало свою жизнеспособность «обязательством соблюдать все международные договоры, которые были заключены правительством маньчжурских императоров, и все права, которым иностранцы пользуются в Китае как в силу подписанных соглашений, так и освященных практикой обычаев»¹⁵.

Бурный рост революционного движения в Китае, ставивший в повестку дня вопрос об организации вооруженной интервенции, требовал объединения их усилий. К тому же державы Антанты по мере приближения мировой войны проявляли возрастающую заинтересованность в развитии и укреплении своих отношений с Россией и Японией. Под влиянием этих причин весной 1912 г. французская и английская дипломатия стала решительно выступать за включение в банковский консорциум русских и японских банков. Со своей стороны российское правительство, опасаясь оказаться в изоляции, стало склоняться к участию в займовых операциях наряду с США.

18 июня 1912 г. состоялось подписание соглашения между представителями шести стран¹⁶, а двумя днями позже был окончательно оформлен акт об образовании шестерного консорциума¹⁷.

В этот период в Вашингтоне подчеркивали свою особую озабоченность отношениями с Японией и стремление к их первоочередному урегулированию. Большое значение в этом плане отдавалось поездке Нокса в качестве главы чрезвычайного американского посольства на похороны микадо¹⁸. Представитель американского президента прибыл в Японию на военном корабле сопровождаемый адмиралом и генералом, а также в качестве личного секретаря Г. Миллером, заведующим восточно-азиатским отделом госдепартамента.

Однако никаких изменений в дальневосточной политике США не отмечалось, а речами и благими пожеланиями улучшить отношения с Японией американские дипломаты не могли.

Не приносили успеха и попытки оказать давление на Россию, дать ей почувствовать ее финансовую слабость вообще, а на Дальнем Востоке в частности. Хотя эти меры американских монополий оказывались для России достаточно болезненными, но привести к сколько-нибудь серьезным сдвигам в ее политике они не могли и приносили только растущее раздражение российской дипломатии.

Там, в конце ноября 1912 г. из отделений Русско-Азиатского банка были истребованы вклады: в Гонконге, в Тяньцзине, в Пекине. Российская сторона без колебаний объяснила это направленными против интересов России призывами к массовому изъятию денег из русского банка, публикуемыми по заданию правительства Юань Шикая¹⁹, в котором русские дипломаты видели американских ставленников.

Летом 1912 г. возобновились переговоры о займе между Юань Шикаем и теперь уже шестерным консорциумом. Американские банкиры спешили завершить переговоры, стремясь быстрее приступить к реализации благоприятных условий, создаваемых участием США в реорганизационном займе²⁰.

Используя тот благоприятный для них факт, что правительство Юань Шикая оказалось в крайне затруднительном финансовом положении, участники шестерного консорциума попытались навязать ему кабальные условия займа. Они, не ожидая сопротивления, выдвинули следующие условия.

Предоставляемый консорциумом заем был подлинным грабежом. «По соглашению общая сумма займа была установлена в 25 млн. фунтов стерлингов; из этих 25 млн. владельцы банков с самого начала удерживали 16%, оставалось 84%, то есть 21 млн. фунтов стерлингов. Кроме того, державы-кредиторы удерживали под видом просроченных платежей по контрибуциям, комиссионных и т.д. 12700 тыс. фунтов стерлингов. В итоге Юань Шикаю доставалось 8250 тыс. фунтов стерлингов, или 33% общей суммы займа»²¹.

Если учесть, что возврату подлежала вся сумма в 25 млн. и что ежегодное начисление процентов должно было производиться на эту сумму целиком, то не трудно понять, почему «опубликование этих условий сразу же вызвало возмущение в Китае и Юань Шикай не посмел тотчас же согласиться на эти условия». Впрочем, он обратился с просьбой об авансе в счет другого займа в 10 млн. фунтов стерлингов, который мог бы быть заключен на менее тяжелых условиях²².

Однако надежды Юань Шикая строились на очень шаткой основе. Банкиры не собирались его финансировать иным образом, хотя и были заинтересованы в укреплении его режима. Глубокая убежденность в безвыходности положения китайского президента позволяла спокойно ожидать его капитуляции, как только он посчитает, что уже достаточно «сопротивлялся» для оправдания в глазах общественности. С особым упорством настаивали на отказе Китаю в каких-либо льготах по сравнению с драконовскими условиями реорганизации займа представители США²³.

8 июля 1912 г. представители входящих в консорциум банков заявили министру финансов Китая о невозможности изменить сообщенные ранее условия займа.

Убедившись в невозможности использовать участие в банковском консорциуме для вытеснения России и Японии из Маньчжурии, американское правительство быстро утратило интерес к реорганизационному займу и совершило крутой поворот. 18 марта 1913 г. В. Вильсон выступил с обращением к американским банкам, призывая их отказаться от участия в китайском займе, как затрагивающем независимость Китая²⁴. По свидетельству европейской печати, отказ США от участия в займе, благодаря данной мотивировке, был воспринят в Китае в качестве дружественного шага.

Решение президента оказалось настолько неожиданным даже для высших чиновников госдепартамента, что узнавший о нем из газет заместитель госсекретаря Хэнтингтон Уильсон в знак протеста подал в отставку²⁵, тем большее недоумение и недовольство было вызвано им за границей, в частности, в Петербурге²⁶.

Действия Вильсона породили беспокойство и в Токио, где опасались, что США развязывают себе руки с целью самостоятельного финансирования Китая и таким путем ищут возможности усилить там свои позиции²⁷.

Крутой поворот президента от энергичной поддержки участия американских банков в займе Китаю к призыву отказаться от участия в займе поставил в тупик американских банкиров. Прежде чем принять решение, они обратились к Вильсону с запросом, не предполагает ли правительство США в дальнейшем возобновить требование об участии американских банков в предоставлении займов Китаю. Лишь получив в самой категорической форме отрицательный ответ, американские банкиры в соответствии с призывом президента заявили об отказе участвовать в займе.

Состоявшееся 26 апреля 1913 г. подписание контракта о реорганизационном займе в 25 миллионов фунтов стерлингов из 5% годовых произошло уже без представителей американских банков в составе лишь пятерного консорциума²⁸. Однако это не означало отказа США от активного участия в дальнейшей колонизации Китая. Резервируя себе возможность принять участие в дальнейших финансовых операциях консорциума, американские банки формально продолжали числиться в его составе. Заключенный в июне 1912 г. договор предусматривал пятилетний срок его действия, и потому в марте 1917 г. группа американских банков – членов консорциума могла уведомить государственный департамент США, что она «все еще сохраняет в шестерном консорциуме свое членство»²⁹. Впрочем, это не помешало американским банкирам, действуя через посланника США в Пекине, убеждать Юань Шикая отказаться от «большого займа», вместо которого предлагали ему заключить ряд соглашений о мелких займах. «Целью, которую преследовали США, было уничтожение банковского консорциума. Но так как в то время Юань Шикай не находился в полном распоряжении США, то их совет, понятно, не имел успеха»³⁰. Добиваясь

захвата командных высот китайской экономики, США шли к этой цели как путем расширения инвестиций и внешнеторговых связей при одновременном вытеснении японских и европейских конкурентов, так и через подчинение себе в политическом и идеологическом отношениях правящих кругов Китая.

В целом канун первой мировой войны застал США на Дальнем Востоке в состоянии далеко не «блестящей изоляции», усугубленной резким обострением противоречий с Японией и окончательной утратой «традиционной» дружбы с Россией.

¹ Новая жизнь. 28 февраля (13 марта) 1912.

² МОЭИ. С. 2. Т. XIX. Ч. 2. С. 167.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Китайский стол. Д.136. Л. 277, 296.

⁴ Там же. Л. 80.

⁵ FRUS. 1912. P. 71.

⁶ АВПРИ. Канцелярия МИД. 1912. Д.126. Л. 182.

⁷ РГВА. Ф. 2000. Оп. 1. Д.4197. Л. 26.

⁸ FRUS. 1912. P. 62.

⁹ Биржа. №15. 1912. С. 16.

¹⁰ АВПРИ. Китайский стол.-Д.138. Л. 82.

¹¹ McMurray. Treaties and Agreements with and concerning China, 1894-191. V. II. P. 1111 – 1113.

¹² Там же. P. 1236-1237, 1310-1312.

¹³ АВПРИ. Канцелярия МИД. 1913. Д.112. Л. 43.

¹⁴ Peking Daily News. 2 мая 1913.

¹⁵ Известия МИД. 1914. Кн. IV. С. 23.

¹⁶ McMurray, Treaties.... V. II. P. 1021-1024.

¹⁷ МОЭИ. С. 2. Т. XX. Ч. 1. С. 200, прим. 1.

¹⁸ АВПРИ. Канцелярия МИД. 1912. Д.126. Л. 252.

¹⁹ АВПРИ. Китайский стол. Д.136. Л. 428.

²⁰ Там же. Л. 408.

²¹ Там же.

²² МОЭИ. С. 2. Т. XX. Ч. 1. С. 247.

²³ Там же. С. 261.

²⁴ FRUS. 1913. P. 170-171.

²⁵ АВПРИ. Канцелярия МИД. 1913. Д.112. Л. 26.

²⁶ РГВА. Ф.2000. Оп. 2. Д.4402. Л. 125.

²⁷ АВПРИ. Японский стол. Д.921. Л. 94.

²⁸ АВПРИ. Китайский стол. Д.137. Л. 32.

²⁹ FRUS. – 1917. – P. 126.

³⁰ Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953. С. 144.

М.П. Беляев

Талейран Вестфальского конгресса (Максимилиан Траутмансдорф)

В 1648 г. Тридцатилетняя война закончилась подписанием Вестфальского мира. Вестфальский мирный конгресс, проходивший в двух небольших немецких городах Мюнстере и Оснабрюке, стал первым общеевропейским конгрессом в истории дипломатии нового времени.

Графа Максимилиана Траутмансдорфа называют Талейраном Вестфальского конгресса, спасшим Империю так же, как Талейран спас Францию на Венском конгрессе. Действительно, император Фердинанд III многим обязан мастерству Траутмансдорфа, скрывавшего свою дальновидность под личиной прямодушного и доброго старичка с вечно сползавшим на глаза париком ¹.

Максимилиан Траутмансдорф родился 23 мая 1584 в Граце в семье тамошнего президента военного совета при дворе эрцгерцога Карла Австрийского Иоганна Фридриха фон Траутмансдорфа. Семья была протестантской. Но ещё в юные годы Максимилиана семья перешла в католичество. Это помогло в дальнейшем политической карьере Траутмансдорфа. С детства он усердно учился. Его карьера началась рано.

Он сражался в имперской армии в Венгрии с турками. В 25 лет Траутмансдорф вошёл в Придворный Совет. В 1618 г. он стал членом Имперского тайного Совета и впоследствии занимал высокие посты в имперских органах власти в течение Тридцатилетней войны.

Ему поручались важные дипломатические миссии. Он вёл переговоры с трансильванским князем Бетленом Габором, которые закончились заключением мирного договора в Никольсбурге в 1622 г. В соответствии с условиями этого договора Бетлен Габор отказывался от прав на венгерскую корону. За эту заслугу Траутмансдорф был возведён в имперские графы и в 1631 г. вошёл в состав Вестфальской окружной коллегии имперских графов. В 1628 г. он вел успешные переговоры с Максимилианом Баварским о возврате земли Энс императору. Траутмансдорф был ведущей фигурой при подписании в 1630 г. в Регенсбурге соглашения с Францией ².

Траутмансдорфу удалось убедить курфюрста Саксонии Иоганна Георга I отказаться от помощи Франции и Швеции и заключить в Праге 20 мая 1635 г. мир. По условиям этого мира протестантским князьям был сделан ряд уступок. Важнейшая из них заключалась в отказе от проведения в Саксонии и в тех немецких княжествах, которые присоединятся к договору, Реституционного эдикта 1629 г. Согласно этому эдикту католикам возвращались все секуляризованные после 1552 г. церковные владения. Однако, Пражский мир не положил конец Тридцатилетней войне. В войну вступила Франция.

В 1637 г. императором стал Фердинанд III. Траутмансдорф достигает высшей ступени в имперской иерархии и становится президентом тайного совета. По представлению императрицы, Траутмансдорф был награждён королём Испании Орденом Золотого Руна.

Но, император не позволил Траутмансдорфу сосредоточить в своих руках исполнительную власть, как это сделал Ришелье во Франции, и Оливарес в Испании. Кроме того, граф должен был конкурировать за влияние на Фердинанда III с братом императора эрцгерцогом Леопольдом Вильгельмом. Император колебался почти два года, прежде чем послать Траутмансдорфа на Вестфальский мирный конгресс. Фердинанд III надеялся, что после смерти Людовика XIII и Ришелье, ситуация для Империи могла улучшиться прежде,

чем начнутся мирные переговоры. Фердинанд III позволяет Траутмансдорфу разрабатывать свою собственную секретную инструкцию для конгресса, давая ему власть, о которой его коллеги могли лишь мечтать.

Все имперские дипломаты Нассау, Фольмар, Ламберг и Кране довольно рано прибыли на Конгресс, начавшийся в 1644 г. Сам Траутмансдорф приехал только в конце ноября 1645 г., позже, чем его испанские и французские коллеги, граф Пеньяранда и герцог Лонгвиль. Траутмансдорф должен был заменить Фольмара на посту руководителя имперской делегации.

Политики и дипломаты того времени высоко оценивали дипломатические способности Траутмансдорфа. Кардинал Мазарини, признавая в Траутмансдорфе непримиримого врага Франции, считал его более опасным, чем испанских дипломатов. За многими дипломатами на конгрессе тянулась недобрая слава мздоимцев. У Траутмансдорфа таких явных грехов не было, хотя он и позволил себе принять от города Мюнстера памятные подарки, вино и коня³.

С прибытием графа Траутмансдорфа в Мюнстер переговоры на конгрессе вступили в решающую фазу. Он прибыл с желанием достичь вначале соглашения между императором и имперскими чинами в отношении всех спорных вопросов, чтобы затем ограничиться незначительными уступками Швеции и Франции. В переговорах со Швецией и Францией Траутмансдорф хотел сначала решать территориальные претензии шведов, так как те не претендовали на габсбургские владения. Ранее, в 1643 г. он считал, что необходимо вначале договориться с Францией. 7 января 1646 г. официально были даны возражения обеих корон на ответ императора. Эти возражения сильно противоречили ранним заявлениям. При урегулировании с имперскими чинами спорных вопросов, особенно религиозных, нельзя было надеяться на скорый успех. Траутмансдорф соглашался с шведскими претензиями на епископство Бремен и половину Померании. При этом нужно было считаться с сопротивлением Баварии, которая выступала против перенесения переговоров по религиозным вопросам в Оснабрюк. Прежде всего, баварский курфюрст настаивал на удовлетворении французских претензий по вопросу Эльзаса, рассчитывая на поддержку Франции в пфальцском вопросе и поддержку католических имперских чинов.

Еще перед прибытием Траутмансдорфа на конгресс, император поручил своим посланникам, чтобы они в соответствии с инструкциями 1643 г. на переговорах с Францией предлагали лотарингские епископства, а также Пинероло. Траутмансдорф добавил в своей первой беседе с посредниками еще Майявик - также согласно инструкциям 1643 г. Для Траутмансдорфа при его участии была разработана вышеупомянутая тайная инструкция. Она предусматривала возможность уступки австрийских владений в Эльзасе. В качестве первой ступени уступок Франции предлагался Нижний Эльзас. Траутмансдорфу предоставлялась значительная свобода в ведении переговоров с Францией. Французская сторона была проинформирована об имперских планах. Возможно, информация поступила от баварского

курфюрста, который получил экземпляр инструкции от императора, а возможно при императорском дворе действовал французский шпион.

При этих обстоятельствах Траутмансдорф был вынужден предлагать все австрийские владения, расположенные на левом берегу Рейна в Эльзасе. 14 апреля 1646 г. соответствующие предложения через посредников были переданы французам. Для уступаемых территорий использовалась туманная формулировка «Верхний и Нижний Эльзас с Зундгау под названием ландграфство Эльзас», чтобы ввести в заблуждение французов относительно объема австрийских прав на эти земли. Позднее она вошла в текст Мюнстерского договора (§§73, 74, 87). Таким способом в руках Габсбургов хотели оставить Брейсгау, Оттенау и «лесные города»⁴.

Непосредственно после вручения предложений Траутмансдорф отправился в Оснабрюк в надежде договориться с протестантскими чинами и Швецией. На этих переговорах он мог опираться на позицию имперского Тайного совета, выработанную в конце февраля - начале марта 1646 г. в Линце. Она уполномочивала Траутмансдорфа на достижение быстрого мира со Швецией и немецкими протестантами. Предусматривалось согласиться на уступку северогерманских епископств Швеции и установить так называемый «нормальный год» 1627 г. – положение, сложившееся в Империи на эту дату. В тоже время Траутмансдорф должен был стремиться избегать ослабления немецких католиков. Он хотел объединения имперских чинов обоих вероисповеданий. В мае непосредственные переговоры с имперскими чинами потерпели неудачу, несмотря на все уступки. Траутмансдорф предлагал протестантам уступку захваченного ими церковного имущества на 100 лет и 12 июля 1624 как «нормальный год». Не удалось ему достичь соглашения и с Швецией из-за противодействия Бранденбурга, Мекленбурга и епископа Оснабрюка.

Затем Траутмансдорф возвратился в Мюнстер, чтобы продолжать обсуждение спорных вопросов с Францией. Здесь предстояло решить судьбу крепости Брейзах, вопрос о правах имперских чинов в Эльзасе и правах лотарингских епископств⁵.

26 апреля французские дипломаты на конгрессе выступили с меморандумом, в котором указывались претензии короны на Эльзас с Зундгау, Невшателем и Брейзахом, но без Брейсгау и «лесных» городов. В нём также содержались конкретные указания для компенсации Инсбрукским эрцгерцогам из Австрийского Дома за потерю ими владений в Эльзасе⁶.

После того, как сторона императора предложила Франции Эльзас, французские дипломаты безапелляционно потребовали присоединения Брейзаха. Французские представители стали понимать сложное правовое положение владений имперских чинов в Эльзасе. В этой ситуации Траутмансдорф неожиданно пообещал Франции передачу полного суверенитета над Эльзасом. 29 мая 1646 г. имперские дипломаты выступили с «последней декларацией в смысле удовлетворения французских претензий», в которой признавали французские права на Брейзах. В свою очередь, французы должны были отказаться от Невшателя.

Вопрос о французском суверенитете над Эльзасом оставался открытым. Если бы французский король в качестве ландграфа Эльзаса становился бы вассалом императора он получил бы место и голос на имперских и окружных собраниях. Таким же образом, Швеция в случае приобретения Померании приобретала право на участие в работе рейхстага. Для противовеса евангелической Швеции немецкие католические сословия были в пользу допущения Франции в качестве имперского вассала со всеми правами. Таким образом, объективно Австрийский Дом оказывался в состоянии политической изоляции. Императора поддерживали только нунций и испанцы, поскольку установление контроля Франции над обоими берегами Рейна прерывало связь между испанскими владениями в Италии и Испанскими Нидерландами ⁷.

Французские дипломаты разгадали смысл предложения Траутмансдорфа о полном суверенитете над Эльзасом.

Переговорная тактика Траутмансдорфа заключалась в том, чтобы противопоставлять различные требования противников императора. Урегулировать требования одной из держав антигабсбургской коалиции, тем самым, столкнув её с другой.

1 июня 1646 г. французские дипломаты Лонгвиль, д'Аво и Сервиен представили ответ на имперскую декларацию. В нём содержались не только требование суверенитета и вечного владения Эльзасом, но также и право размещения французского гарнизона в Филиппсбурге. Кроме того, заключение общего мира французские представители связывали с урегулированием внутриимперских дел и заключением соглашения императора со Швецией и Гессен-Касселем, а также установлением гарантий договора и фиксации в договоре всех соглашений об удовлетворении французских претензий.

Траутмансдорф 5 июня 1646 г. выступил с контрпредложениями. Французские уполномоченные отказались официально принять имперскую декларацию. Переговоры остановились. Лишь в августе конфиденциальные встречи с глазу на глаз между д'Аво и Траутмансдорфом содействовали дальнейшим переговорам ⁸.

С лета 1646 г. ситуация на переговорах для императора ухудшилась. Сначала Траутмансдорф вынужден был отказаться от Брейзаха. При этом массивное давление на имперского дипломата оказывала Бавария. Французы получили право ввода войск в Филиппсбург. Эльзасские имперские сословия активно выступали против присоединения Эльзаса к Франции, выдвигая принцип незыблемости своих имперских прав ⁹.

31 августа Траутмансдорф передал посредникам проект договора, согласно которому для Меца, Туля и Вердена были предусмотрены гарантии, ограничивающие французские притязания. В § 70 проекта французские права ограничивались светской областью епископств. Право метрополии оставалось за архиепископом Трира. Французы должны были уважать свободные выборы епископов. Для сословий Эльзаса сохранялся статус имперских чинов ¹⁰.

3 сентября посредники сообщили имперцам о намерении французов изменить текст соглашения в части положений, касающихся шведов и протестантов в связи с чем, он должен быть одобрен Швецией и протестантами. 10 сентября французская делегация выступила с ответом на проект Траутмансдорфа от 31 августа. Французы отказались признать Франциска, брата герцога Лотарингского, епископом Вердена, без принесения присяги королю. Имперские дипломаты только 10 сентября догадались, что их французские коллеги используют термин «епископство» в более широком смысле. Траутмансдорф предложил внести уточнения, сохранив термин «епископство» в смысле только светской территории. Но французские дипломаты отказались это делать ¹¹.

Наконец, статьи соглашения были подготовлены. Оговоренный текст был оглашён посредником на переговорах нунцием Киджи во второй половине дня 13 сентября 1646 г. на встрече императорской и французской делегаций в квартире больного подагрой и лихорадкой графа Траутмансдорфа. У каждой из делегаций имелось по одному экземпляру на руках для сравнения. Обе делегации согласились с этим текстом и сохранили его в последующим. Этот оглашенный, но не подписанный сторонами, текст рассматривался нунцием как одобренный и использовался в дальнейшем в ходе переговоров ¹².

В соответствии с этим соглашением Франция устанавливала суверенитет над тремя лотарингскими епископствами Мецем, Тулем и Верденом, а также Майянваром и Пинероло. Однако три епископства входили в метрополию архиепископства Трир. После принесения присяги королю Франции должен был быть восстановлен на кафедре епископ Вердена Франциск из Лотарингского Дома. Император за себя, весь Австрийский Дом и Империю отказывался от всех прав на город Брейзах, ландграфства Нижний и Верхний Эльзас, 10 имперских городов в Эльзасе со всеми прилегающими территориями в пользу французской короны. Король Франции обязался не лишать имперские чины в Эльзасе их ленов. Две трети долгов, которые имел эрцгерцог Фердинанд Карл как ландграф Верхнего Эльзаса, переходили к французской короне. Австрийским эрцгерцогам Франция в 1647 - 1649 гг. выплачивала компенсацию в размере 3 млн. ливров для борьбы с турецкой опасностью. Швеция возвращала Бенфельд, укрепления Рейнау и прилегающие территории. Все укрепления по Рейну ликвидировались. Гарантировалось свободное плавание и торговля на Рейне. Император соглашался на французский протекторат над Филиппсбургом. В то же время сохранялась церковная юрисдикция епископа Шпейера над этим городом ¹³.

Соглашение императора с Францией значило, без сомнения, большой шаг по направлению общему миру. Удовлетворяя требования Франции, Траутмансдорф стремился усилить свои позиции по отношению к шведам. Соглашение императора с Францией укрепляло позиции королевы Кристины, которая в отличие от канцлера Оксеншерны стремилась к быстрому заключению мира, и, одновременно, усиливало давление на Бранденбург в пользу уступок Швеции в Померании.

Ещё в феврале 1646 г. Траутмансдорф советовал бранденбургским дипломатам уступить половину Померании шведам. При этом он обещал компенсировать Бранденбургу потери деньгами либо присоединением епископства Хальберштадт.

На переговорах в ноябре 1646 г. Траутмансдорф выступил с повторным предложением Швеции Передней Померании, а также Бремена и Фердена. В качестве возмещения Бранденбургу предлагался Хальберштадт. Обе стороны не хотели считаться в последующем с сопротивлением Бранденбурга¹⁴.

10 декабря 1646 г. Траутмансдорфу удалось договориться с одним из посредников, венецианским дипломатом Контарини, и с французскими посланниками о направлении курфюрсту Бранденбурга своего рода ультиматума. Барон Георг фон Плеттенберг от имени императора и Империи передал Фридриху Вильгельму письмо коллегии курфюрстов, которое призывало его согласиться, «ради любви к миру и к родине» уступить Переднюю Померанию со Штеттином, Гарцем и островом Воллин Швеции. Вместе с имперским дипломатом к несговорчивому курфюрсту был направлен французский посланник Сен-Ромэн¹⁵.

Через некоторое время в январе 1647 г. Бранденбург уступил. Решение померанского вопроса было тесно связано с компенсациями, которые Фридрих Вильгельм требовал при получении его согласия на раздел Померании. Граф Траутмансдорф предлагал Бранденбургу епископства Хальберштадт и Каммин, а также архиепископство Магдебург, которое управлялось саксонским курфюрстом. Однако, Фридрих Вильгельм посчитал эту компенсацию недостаточной. Он требовал также себе денежные средства в размере 1,2 млн. талеров, а также права на часть Силезии. Силезия была наследственным владением австрийских Габсбургов.

Чтобы избежать претензий на наследственные владения, император соглашался даже на передачу епископств. Это было первый раз со времён Реформации, когда немецкий император, который считался покровителем католической церкви и её имущества в Империи, санкционировал передачу духовных княжеств.

Траутмансдорф предлагал Бранденбургу, само собой разумеется, только такие имперские епископства, которые управлялись уже в течение десятилетий администраторами из протестантских княжеских домов. Это епископства Хальберштадт и Каммин, а также управляемое саксонским курфюрстом архиепископство Магдебург, которое должно перейти Бранденбургу после смерти его администратора. Граф был готов жертвовать этими и без того потерянными епископствами, чтобы сохранить, хотя бы частично оставшиеся духовные княжества на северо-западе Империи - Мюнстер, Оснабрюк, Хильдесхайм и Минден. 6 февраля 1647 Бранденбург согласился принять епископства Хальберштадт, Каммин, Магдебург и Минден в качестве компенсации¹⁶.

7 февраля 1647 г. Бранденбург отказывался от прав на Переднюю Померанию, Штеттин, острова Узедом и Воллин, а также полосу побережья Восточной Померании по Одере в пользу Швеции. Теперь дорога для

соглашения императора со Швецией была открыта. 18 февраля был заключён предварительный договор. Швеция получала наряду с уступленными Бранденбургом областями Висмар, секуляризованные княжества Бремен и Ферден.

С заключением соглашений об удовлетворении корон усилия Траутмансдорфа были направлены на решение внутренних проблем империи¹⁷.

17 марта 1647 г. в Ульме Бавария подписала сепаратный договор о перемирии. В таких условиях Траутмансдорф вынужден был постепенно уступать требованиям протестантских сил. Испанский посол Пеньяранда обрушился на Траутмансдорфа с обвинениями, что тот проявляет мягкотелость в вопросах веры¹⁸.

Однако в Вене оценивали ситуацию более спокойно. Там знали, как воздействовать на Баварию. Император указал Траутмансдорфу на возможность возвращения и Верхнего Пфальца наследникам пфальцкого курфюрста Фридриха V, что приветствовала бы Швеция как активная защитница интересов Пфальцкого дома. Можно было рассчитывать, что недовольство Баварии таким решением вопроса, при котором она не получила бы никакой компенсации, приведёт к срыву мартовского перемирия¹⁹.

Пфальцкий вопрос в целом удалось урегулировать на тех условиях, которые были согласованы на франко - имперских переговорах в 1646 г. Представленный Траутмансдорфом в феврале 1647 г. проект предусматривал почти полное восстановление Пфальцкого Дома. На совещании сословий 16 марта 1647 г. был учрежден титул восьмого курфюрста, несмотря на папский протест по поводу восстановления протестантского государя. Только два имперских сословия высказались отрицательно. Один из них был курфюрст Бранденбурга. Бранденбург был обеспокоен усилением влияния Пфальцкого Дома среди протестантских чинов. В результате разногласий союзных корон по религиозным вопросам Траутмансдорфу удалось добиться оставления Верхнего Пфальца в лоне католицизма²⁰.

В июне 1647 г. между шведами и имперцами были окончательно согласованы формулировки проекта единого мирного договора. Коллегия курфюрстов лишалась права контроля над куриями князей и городов в Рейхстаге, но шведам пришлось согласиться с выборами римского короля из состава семьи правящего императора. Франция присоединилась к такому компромиссу.

13 июня 1647 г. имперские посланники в Мюнстере вручили новый проект франко - имперского соглашения по уточнению статуса трёх епископств. Согласно ст. 7 проекта епископства находились в верховной власти французского короля, однако право метрополии принадлежало архиепископу Трира. Изменение, содержащееся в проекте, заключалось в том, что Франция должна была признать неотъемлемые права епископа Вердена Франциска Лотарингского на светскую юрисдикцию в пределах его епархии. Император

жёстко требовал также признания своих ленных прав в отношении эльзасских сословий в составе Империи.

Ещё 5 июня Траутмансдорф пригласил к себе делегатов протестантских чинов. Император, заявил имперский посланник, верит протестантам и готов заключить с ними соглашение по религиозным вопросам. Протестантские чины дали своё согласие. Однако католические чины выступили против такого соглашения, подвергнув сомнению полномочия самого Траутмансдорфа. Против него выступил епископ Оснабрюка, которого поддержал Киджи. Католики надеялись на покровительство Франции, особенно графа д'Аво. Траутмансдорф попал в сложное положение, лишившись поддержки католических чинов.

В июле 1647 г. он покинул конгресс. Траутмансдорфу не удалось полностью исключить последствия поражения императора в войне, но он успешно сражался за наследственные земли императора. По его мнению, мир должен был быть заключён за счет других, прежде всего, курфюрста Бранденбурга и собственного мало значащего родственника Фердинанда III, эрцгерцога Тироля. Пришлось отдать земли эрцгерцога в Эльзасе. Он даже готов был пожертвовать церковной собственностью, принимая за основу положение, сложившееся в Империи даже в 1618 г., а не в 1624 г. – год успешного восстановления католических владений. Все эти жертвы делались для того, чтобы исключить наследственные земли австрийских Габсбургов (включая Богемию) из предмета переговоров и мирного соглашения²¹.

Физическое состояние самого графа ухудшилось. Он часто болел. Ухудшилось и его политическое положение при Венском дворе. Он всё чаще и чаще подвергался нападкам со стороны воинственной и происпанской партии при дворе. Но Траутмансдорф все же увидел заключение Вестфальского мира, для которого отдал столь много сил. Император благодарил графа за эти его усилия в весьма милостивом собственноручном письме от 10 января 1649. Траутмансдорф ненадолго пережил это признание своих заслуг. 8 июня 1650 г. он умер в Вене в возрасте 66 лет.

¹ Поршнева Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 78.

² Schwarz H. F. The Imperial Privy Council in the Seventeenth Century. Cambridge, 1943. S. 272-274.

³ Wagner H. Die kaiserlichen Diplomaten auf dem Westfälischen Friedenskongress // Diplomatie und Außenpolitik Österreichs. Wien, 1977. S. 66.

⁴ Auer L. Die Ziele der kaiserlichen Politik bei den Westfälischen Friedensverhandlungen und ihre Umsetzung // Der Westfälische Friede: Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte / Hrsg. H. Duchhardt. München, 1998. S. 185-161.

⁵ Ibid. S. 61-162.

⁶ Tischer A. Französische Diplomatie und Diplomaten auf Westfälischen Friedenskongress. Münster, 1999. S. 257.

⁷ Dickmann F. Der Westfälische Frieden. Münster, 1972. S. 281.

⁸ Tischer A. Op. cit. S. 260-262.

⁹ Auer L. Op. cit. S. 163.

¹⁰ Meier J. G. Acta pacis Westphalicae publica... T. 3. Osnabrück. 1969. S.716-719.

¹¹ Malettke K. Diplomatie et guerre: les traités de Westphalie, Munster et Osnabruck 1643 - 1648 // XVIIe siècle. № 182. Paris, 1994. P. 165.

¹² Repgen K. Die kaiserlich-französischen Satisfaktionsartikel vom 13. September 1646 - ein befristetes Agreement // Der Westfälische Friede: Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte / Hrsg. H. Duchhardt. München, 1998. S. 180-181.

¹³ Meier J. G. Op. cit. S. 720-727.

¹⁴ Auer L. Op. cit. S. 164.

¹⁵ Waddington A. Le grand électeur Frédéric Guillaume de Brandenbourg. Sa politique extérieure. 1640—1688. T. 1. Paris, 1905. P.184.

¹⁶ Šindelař B. Vestfálský mír a česka otázka. Praha, 1968. S. 198-199.

¹⁷ Auer L. Op. cit. S. 164-165.

¹⁸ Ивонина Л.И., Прокопьев А. Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. Смоленск, 1996. С. 66.

¹⁹ Dickmann F. Op. cit. S. 410-411.

²⁰ Négociations secrètes touchant la paix de Munster et d'Osnabruck... T. 4. La Haye, 1725. P. 32-33.

²¹ Wagner H. Op. cit. S. 68-69.

Н.Г. Глубокова

Итало-абиссинская война и британская внешняя политика

(1935-1936 годы)

1935-1936 гг. стали рубежом развития как внутреннего, так и внешнеполитического курса правящих группировок Англии. В эти годы для англичан стало очевидным коренное изменение соотношения сил в Европе, которое последовало за нацистским переворотом в Германии ¹. Англичане все яснее стали осознавать, что нарастающая военная мощь нацистов несет серьезную угрозу как имперским, так и национальным интересам Великобритании. Политическая линия на достижение Конвенции по разоружению не дала позитивных результатов, относительно ее перспектив английское руководство не строило никаких иллюзий. В эти годы для англичан стало ясно, что равновесие сил в Европе, державшееся на Локарнском договорном комплексе и его гарантийной системе, практически разрушено немецким нацизмом. Это имело важное значение для формирования внешнеполитического курса Великобритании. К середине же 1930-х гг. Великобритания, достигшая предельного взлета своего могущества, в том числе - размеров своей колониальной империи - оказалась в довольно сложной военно-политической ситуации: на Дальнем Востоке ее владениям угрожала Япония, а в Европе появление сильной авиации у Германии делало саму метрополию открытой для удара с континента. Образованный еще в 1933 г. Подкомитет по нуждам обороны Комитета имперской обороны представил в марте 1934 г. английскому правительству доклад, в котором отмечалось, что Япония является основной угрозой безопасности Великобритании на текущий момент, и в то же время подчеркивалось: «Мы воспринимаем Германию как главного и очень опасного потенциального противника, против которого должна быть направлена наша долговременная оборонная политика» ². Для защиты обширных британских владений необходимо было воплотить в жизнь серьезную программу перевооружения, требовавшую длительного времени

и значительных капиталовложений. В практическом плане это означало пойти на определенные жертвы и в первую очередь - послевоенным финансовым благополучием империи, против чего неизменно возражали влиятельные финансовые круги страны.

Рост боевой мощи Германии стал оказывать сильное воздействие на социально-психологический климат Британских островов. Это нашло отражение в итогах парламентских выборов в Англии 14 ноября 1935 г. Впервые после 1924 г. британские консерваторы вернули контроль над палатой общин. За консервативных депутатов проголосовало около 10,5 миллионов избирателей, в то время как лейбористы собрали немногим более 8 миллионов голосов. Консерваторы получили абсолютное большинство в палате общин, где места распределились следующим образом: консерваторы - 387 мест (вместе со следовавшими за ними национал-лейбористами - 420 мест), лейбористы - 154 места, либералы – 21³. Во главе кабинета встал один из видных лидеров консерваторов С. Болдуин, пост министра иностранных дел занял С. Хор (1880-1959), другой видный деятель консервативной партии, занимавший в прежнем правительстве пост министра по делам Индии и снискавший себе славу парламентского оратора, отстаивая перед оппозиционными критиками необходимость мер по введению частичного самоуправления в этой английской колонии.

Внутри консервативной партии создавшаяся ситуация воспринималась неоднозначно. Группа старых политиков во главе с С. Болдуином и «бирмингемцами» - братьями Остином и Невилом Чемберленами - не могла расстаться со старым стереотипным видением Европы 1920-х гг.: им рисовалась мощь империи, незыблемое финансовое положение, лидерство в Лиге наций, а отсюда - возможность достижения компромиссного урегулирования за счет определенных уступок Германии. Другая группа, сложившаяся в это время, - так называемая «внутренняя оппозиция», чьим лидером был У. Черчилль, и тяготевавшая к нему группа Л. Эмери. Эти политики, так же преломлявшие свои оценки европейской ситуации через положение Империи в целом, видели ключ к безопасности Великобритании в возрождении Антанты. Они обуславливали необходимость сближения с Францией требованиями защиты метрополии, становящейся в новой ситуации тылом Империи, придерживались «жесткого» курса в отношении Германии⁴. Различный подход к оценке международной ситуации объясняется также боязнью консерваторов старшего поколения критики дорогостоящих программ перевооружения со стороны лейбористской оппозиции и связанной с этим возможной потери части электората. Они считали жизненно необходимым для Великобритании избежать конфликта одновременно с Японией и Германией. В качестве возможного решения внешнеполитических проблем они предлагали добиться компромиссного соглашения с Германией, прежде всего в области ограничения вооружений, соглашаясь, при необходимости, пойти ей на уступки. В качестве лимита таких уступок

мыслилась возможная легализация уже достигнутого Германией уровня вооружений. Предполагалось также добиваться от Германии ее возвращения в Лигу наций как ответного шага⁵.

Расторжение Гитлером в марте 1935 г. ограничительных статей Версальского договора начисто опрокинуло все британские расчеты. «До 16 марта, - отметил НКВД СССР, внимательно наблюдавший за развитием событий на Западе, - как Франция, так и Англия считали, что в их руках один большой козырь, которым они могли бы крыть всяческие требования Германии, а именно: легализация фактического довооружения Германии до определенного уровня... Этот козырь... теперь выбит»⁶.

После прихода к власти Гитлера курс на «умиротворение» Германии приобрел новый качественный смысл - решался вопрос: быть или не быть войне, новый смысл приобрела политика сдерживания нацистской Германии, разорвавшей Версальский договор - Англия и Франция не имели более прежних резервов, поэтому «умиротворение» Гитлера проводилось непосредственно за счет территорий в Европе. Для Англии в этих условиях важно было заставить Францию встать на путь ревизии Версальского договора, который был основой ее существования и положения на континенте. Именно этим объясняется тот факт, что наметившееся в послелокарновскую эпоху англо-французское сближение, когда обеим державам довольно легко удавалось согласовывать общую линию в отношении Германии перестало быть доминирующей тенденцией их двусторонних отношений в 1930-е гг.

Мартовский демарш Гитлера сразу заставил активизироваться британскую дипломатию. В конце марта 1935 г. министр иностранных дел Дж. Саймон и министр без портфеля А. Иден прибыли в Берлин, где они попытались найти компромиссное решение проблемы - заключение воздушного пакта. Однако, заявление Гитлера о том, что германская авиация уже достигла равенства с Англией ошеломило британских политиков⁷. Столь категоричное заявление Гитлера, не оставлявшее возможности для желаемого компромисса, заставило британскую дипломатию искать пути сближения с Польшей и зондировать позицию Советского государства. 29-30 марта 1935 г. А. Иден в сопровождении одного из высших чиновников британского МИДа У. Стрэнга посетил Москву. То был первый после 1917 г. визит британского министра в Советское государство, не принесший, как бы то ни было, сколько-нибудь положительного результата для англичан. Антиверсальские филиппики И.В. Сталина, выраженное им стремление «жить с Германией в дружественных отношениях»⁸ не могли не взволновать британских дипломатов. В целом же визиты британских политиков в Германию, Польшу и Советский Союз взбудоражили английскую общественность. Сам А. Иден вынужден был признать, что «результаты берлинского визита являются большим разочарованием для британского общественного мнения»⁹. Не меньшую озабоченность и настороженность у англичан вызвали итоги московского визита А. Идена и У. Стрэнга. В этой ситуации

среди британских политиков, особенно среди консерваторов и национал-лейбористов начинает зреть идея восстановления англо-французской Антанты, идея, которая находила одобрение и поддержку большинства политиков и парламентариев Франции, группировавшихся вокруг правительства П.-Э. Фландена и П. Лаваля. Как отметил А. Иден, после определения внешнеполитического курса правительства «следующим шагом должны стать переговоры с французами... Время спешит вперед, и мы не должны потерять контроля над ситуацией, в создании которой приняли участие»¹⁰. А. Иден, поддерживавший идею тесного оборонного сотрудничества с Францией, считал, что французы согласятся на легализацию германских вооружений на предлагавшемся уровне только после возвращения Германии в Лигу наций и при участии ее в региональном пакте безопасности в Восточной Европе.

Начатые в феврале 1935 г. и продолженные в апреле того же года англо-французские переговоры, к которым была привлечена и Италия как один из локарнских гарантов, были нацелены на укрепление англо-франко-итальянского ядра Локарнского договорного комплекса. Тот факт, что в апреле 1935 г. эти державы выступили с осуждением расторжения нацистами военно-политических ограничений Версальского договора, говорит, что по пути консолидации сил западных держав был сделан определенный шаг.

Не менее важным шагом в плане укрепления ядра Локарнского договорного комплекса стало осознание необходимости подкрепления локарнских гарантий усилением и модернизацией английских и французских вооруженных сил. Уже весной 1935 г. кабинет Р. Макдональда и С. Болдуина открыто заявил, что «ввиду неустойчивости международной обстановки и гонки вооружений во всех странах мира нельзя дольше медлить с увеличением дополнительных расходов на оборону». Однако увеличение военных расходов, предложенное национальным правительством, было минимальным: всего около 11 млн. ф. ст., из которых только 4 млн. ф. ст. предназначалось для формирования боевых авиаэскадрилий, а значительная большая сумма - для «строительства казарм»¹¹.

Увеличение военных расходов затрагивало интересы как налогоплательщиков британских островов, так и британских доминионов. Угроза войны и ее разрушительных последствий, угроза социальных тягот, связанных с войной, оказывала морально-политическое давление на большинство британского населения, еще ясно помнившего опыт Великой, то есть первой мировой войны. Перспектива включения Англии в гонку вооружений, в боевое состязание с немецким нацизмом и его потенциальными союзниками, прежде всего Японией, не встречала среди населения Великобритании и ее доминионов сколько-нибудь значимого энтузиазма. Наоборот, она активизировала в Англии пацифистские настроения, довольно сильно распространившиеся в первое послевоенное десятилетие.

В середине 1930-х гг. в Англии пацифизм имел довольно широкое распространение. В стране действовало свыше 65 пацифистских организаций¹². Британский, как и французский, пацифизм существовал в середине 1930-х гг. прежде всего в форме массового, прочно укоренившегося этического и международно-правового неприятия войн как средства государственной политики, что выражалось в стремлении исключить войны из международной жизни и внедрить ненасильственные методы решения международных проблем. В британском и французском пацифизме, несомненно, содержались элементы гуманного начала, выражавшиеся в стремлении защитить общечеловеческие ценности, в стремлении руководствоваться в международных и межгосударственных отношениях принципами разума и морали. «Основная масса английского народа жаждала мира», - отметил один из видных и авторитетных лейбористских лидеров Р. Милибенд¹³.

В одном из своих выступлений осенью 1935 г. А. Иден говорил: «Мы все живем в эпоху, когда народы будут стараться понять друг друга. Только через Лигу наций мы сможем надеяться создать новый порядок, при котором ни одна страна, даже на минуту, не подумает прибегнуть к войне как к инструменту национальной политики. Мы готовы на все времена сыграть свою роль в поддержании мира»¹⁴. В этих словах А. Идена, который после победы консерваторов на выборах был введен в правительство в качестве министра без портфеля (лорд-хранитель печати) и которому было специально поручено заниматься делами Лиги наций, была фактически сформулирована основа той внешнеполитической программы, которую консерваторы предложили избирателям и которая обеспечила им успех на выборах. В дальнейшем, ссылаясь при необходимости на настроения английской общественности, нашедшие свое выражение при проведении «плебисцита мира», британские консерваторы оправдывали этим свою политическую линию на «умиротворение».

Глава очередного британского кабинета Стэнли Болдуин (1867-1947) не был новичком на политической сцене Великобритании. Выходец из семьи крупных промышленников, он занимал различные ключевые посты в правительствах Англии послевоенного периода: министр торговли (1921-1927), министр финансов (1922-1923), дважды, в 1923-1924 и 1924-1929 гг. был премьер-министром. С. Болдуин имел обширные деловые и личные связи, большой политический опыт, был хорошо знаком со всем механизмом управления делами Британской империи. Этот опыт он обобщил по-своему, выразив твердое убеждение в том, что «политику нельзя делать, а надо давать ей выработаться самой» и что «главный долг правительства состоит в том, чтобы оставаться у власти»¹⁵. Эта формулировка означала курс на политическое маневрирование, на своего рода приспособление к тем внешнеполитическим обстоятельствам, в которых приходилось действовать британскому консервативному кабинету.

Сформированный в июне 1935 г. С. Болдуином консервативный кабинет сразу оказался под давлением комитета начальников штабов, что вызвало крайнюю осторожность в его внешнеполитических шагах. Уже 19 августа 1935 г. премьер-министр получил меморандум комитета начальников штабов, в котором в очередной раз выражалась озабоченность состоянием британских вооруженных сил и рекомендовалось искать опору внешней политики в соглашениях с Францией, Италией и в деятельности Лиги наций. Практически подобный меморандум означал предложение ревизии всей британской концепции европейской политики, сложившейся после первой мировой войны и рассматривавшей Германию как побежденную страну, нуждающуюся в поддержке Англии против Франции во имя сохранения «равновесия сил» на континенте. Теперь, по мысли авторов меморандума, Англия должна была перейти к активной поддержке Франции, которую они рассматривали как сильного потенциального союзника в Европе. Возраставшая Германская угроза была столь очевидной, что не только военные, но и активные консервативные политики толкали Болдуина на изменение курса. Особую активность проявляла группа Черчилля-Эмери, которая видела путь к укреплению имперских оборонных рубежей через укрепление европейского тыла Великобритании, настаивая на упрочении англо-французских оборонных связей путем коренной модификации Локарнского договорного комплекса, на практическом возрождении былой Антанты. Зная о широко распространенном пацифизме британского общества, зная о нежелании избирателей милитаризации британского бюджета, Черчилль и Эмери рассчитывали упрочить европейскую обороноспособность Англии обходным путем - путем подхлестывания французских вооружений. С осени 1935 г. У. Черчилль начал широкую кампанию в этом направлении. Он считал, что ведшаяся ускоренными темпами ремилитаризация Германии вызовет изменение соотношения сил в Европе, что требует от Англии и особенно от Франции принятия «мер предосторожности» - модернизации англо-французских вооружений, прежде всего авиации. А. Моруа, вспоминая о встречах с У. Черчиллем в лондонском салоне леди Лесли в конце 1935 г., рассказал о его настойчивых призывах к развитию и модернизации французского авиастроения. Стремясь поставить популярного публициста и писателя на службу выдвигаемым им задачам, У. Черчилль говорил А. Моруа: «В любой форме вы должны проводить мысль: французская авиация, которая еще недавно была лучшей в мире, отошла на 4 и даже 5 место. Германская авиация, которой прежде не существовало, становится лучшей в мире. Только об этом может идти речь, только в этом все дело»¹⁶. Подобные призывы У. Черчилль адресовал не одному А. Моруа, но в целом политическим и влиятельным парламентским кругам Французской республики. С лета 1935 г. возглавив созданный по его же инициативе специальный секретный комитет по проблемам военной обороны, У. Черчилль стремился начать его работу с укрепления французских позиций, прикрывавших Британские острова с Востока¹⁷.

Своеобразной базой формирования основ внешнеполитического курса кабинета С. Болдуина стал итало-эфиопский военный конфликт, развязанный в начале октября 1935 г. Вторжение италофашистских войск в Эфиопию, бывшую одним из 54 членов Лиги наций, сразу привело в действие весь правовой механизм Лиги, а сама Лига наций стала центром международной борьбы. Созванная специальная ассамблея Лиги наций не только осудила агрессора, но и согласилась реализовать предусмотренные Уставом Лиги экономические санкции против Италии. Английская и французская делегации в Лиге наций активно выступали за принятие и реализацию санкций. Это быстрое сближение английской и французской позиций произвело немалое впечатление на Германию, буквально напугав Гитлера, считавшего антиитальянские санкции своего рода репетицией возможных антинацистских действий. В понимании Гитлера санкции означали возможность перехода западных держав к подавлению очагов агрессии, что создавало непреодолимую преграду на пути ближайших планов нацистов, нацеленных на ремилитаризацию Рейнской зоны и создания у франко-бельгийской границы военно-политического плацдарма. Поэтому немцы проявили немалую дипломатическую и политическую активность, стремясь оказать поддержку Италии, спасти ее от угрожавшей внешнеполитической изоляции. Однако, не будучи членом Лиги наций, Германия была лишена легальных и действенных средств нажима на западные державы. Немецкая активность ограничилась лишь дипломатическими демаршами и угрозами, одной из которых оказалась угроза крушения существовавшего режима и торжества в Италии «коммунизма».

Необходимо отметить, что дальнейшая политика английского и французского правительств диктовалась не только и даже не столько желанием содействовать Муссолини в обретении военной славы для итальянского фашизма. Основным движущим фактором выступала более реалистичная оценка возможностей экономических санкций. Английские и французские лидеры отдавали себе отчет в том, что эффективность экономических мер может сказаться лишь в случае введения «полного эмбарго на длительный срок, для чего необходима блокада»¹⁸. При условии, что санкции не поддержал целый ряд государств, включая США, чей импорт нефти в Италию вырос почти в 3 раза за период конфликта (с 2,6. до 6,3 млн. долл. за период с ноября 1934 г. по май 1935 года)¹⁹, «полное эмбарго» на все виды стратегического сырья и материалов было невозможно. Блокада же была актом войны, к которой народы, охваченные пацифистскими настроениями, как уже отмечалось, не были готовы.

Многие исследователи допускают мысль, что в этих условиях правительства С. Болдуина и П. Лаваля с целью успокоения общественного мнения своих стран «лишь делали вид, что поддерживают политику санкций, на самом же деле активно добиваясь достижения взаимопонимания с Италией»²⁰. Как бы то ни было, расчет на то, что Б. Муссолини станет уступчивее с введением экономических санкций против

Италии, не оправдался, «дуче» лишь ужесточил свою линию. Английские консерваторы, сопоставив все специфические вопросы, касавшиеся санкций, с докладами своего посла в Аддис-Абебе, свидетельствовавшего, что Эфиопия долго сопротивляться не сможет, развязав себе руки после ноябрьских выборов 1935 г., резко изменили курс внешней политики.

Беспокойство Германии и перспектива обострения франко-германских и англо-германских отношений заставили кабинет С. Болдуина и самого премьера искать пути к выходу из сложившейся военно-политической ситуации. При традиционной практике государственного управления, существовавшей у консервативной партии, решения вопросов внешней политики принимались узким кругом особенно приближенных к премьер-министру членов кабинета. Подобная практика применялась при С. Болдуине и была усугублена при его преемнике - Н. Чемберлене, вызвав к жизни пресловутый «внутренний кабинет». Консерваторы, проводя предвыборную кампанию под гром итальянских орудий в Абиссинии, столкнулись с трудной проблемой. С одной стороны, как уже говорилось, настроения английской общественности заставляли их действовать в рамках Лиги наций и предпринять меры по прекращению итальянской агрессии. С другой стороны, перспектива складывания «оси» Рим-Берлин означала консолидацию диктаторских режимов в Европе, значительное сужение возможного маневра для английской внешней политики. Осознание неподготовленности Англии к войне и крайняя непопулярность каких-либо военных мероприятий также заставляла правящие круги консервативной партии двигаться в определенном направлении. В этих условиях С. Болдуин считал возможным присоединиться к французской внешнеполитической линии, проводимой П. Лавалем, ставшим в январе 1935 г. премьер-министром Третьей республики, совместив этот пост с занимаемым ранее постом министра иностранных дел. Пьер Лаваль (1883-1945), начавший свою карьеру в качестве «адвоката профсоюзов», в период пика своей политической активности утратил былые левые симпатии. Этот политик, бывший, по оценке английского посла в Париже Дж. Кларка, «по своей сути мастером переговоров, человеком компромиссов», всю жизнь в силу своего происхождения и социального положения оставался представителем «малой Франции», то есть французского крестьянства. Как отмечал Генеральный секретарь французского МИД А. Леже, эта связь вылилась у него, в «глубоко укоренившуюся любовь к миру... страсть, не покидавшую его, подобно тому, как инстинкты никогда не покидают животное»²¹. П. Лаваль стремился обеспечить мир для Франции путем прямого соглашения с Германией либо, в случае провала этих попыток, - с Италией. Это стремление П. Лавалья было известно английскому руководству и вызывало у него серьезную озабоченность, перераставшую в недоверие и подозрительность по отношению к нему лично²². Тем не менее, эта линия, представлявшая собой «узкий вариант умиротворения» - удовлетворение колониальных притязаний Италии, казалась приемлемой для английской дипломатии. При этом преследовалась цель оторвать

фашистскую Италию от Германии, улучшить франко-итальянские отношения, в чем особенно были заинтересованы французы, и, в конечном счете, - включить Италию в сферу английского дипломатического влияния в Европе. Считалось, что этот «узкий» вариант был и более прост в достижении, поскольку итальянский «дуче» Б. Муссолини показал свою готовность к подобного рода сотрудничеству, приняв участие в конференции в Стресе в апреле 1935 г. и присоединившись к осуждению Германии, разорвавшей ограничительные статьи Версальского договора. В обмен на это итальянский диктатор получил от П. Лавалья обещание свободы рук в Эфиопии во время визита французского премьер-министра в Рим в январе 1935 г. Обещая одновременно решить вопрос о статусе итальянских переселенцев во французском Тунисе, П. Лаваль наметил таким образом улучшение франко-итальянских отношений, еще с 1881 г. отравленных колониальными противоречиями. Со своей стороны англичане также сделали определенный аванс итальянцам. По рекомендации Р. Ванситгарта «абиссинская проблема» была затронута лишь в неофициальной части конференции в Стресе, при этом первый секретарь английского МИД Х. Томпсон ограничился предупреждением главы африканского департамента итальянского МИД Гарнашелли о том, что «Италия не может надеяться на сотрудничество с Соединенным королевством в случае атаки против Эфиопии»²³.

Теперь же настроение английской дипломатии было выражено Х. Томпсоном следующим образом: «Я вполне готов признать, что вторжение итальянцев в Эфиопию достойно суровой критики. Симпатии общественности могут быть на стороне абиссинцев. Но в смысле большой политики для нас крайне важно избежать ухудшения отношений с итальянцами из-за границ Эфиопии»²⁴. «Узкий вариант умиротворения» был одобрен руководством английских консерваторов, усмотревших в этом удачное для Англии приспособление к быстроизменяющейся международной ситуации. Министр иностранных дел С. Хор, прикрываясь поездкой в отпуск, в швейцарские Альпы, в начале декабря 1935 г. посетил Париж, где провел интенсивные переговоры с французским премьер-министром П. Лавалем. В переговорах (при помощи прямой телефонной связи Париж-Рим) принял участие и итальянский «дуче» Б. Муссолини. Плодом этих переговоров стал разработанный 6-8 декабря 1935 г. план ликвидации итало-эфиопского кризиса, получивший одобрение Хора, Лавалья и Муссолини. В исторической литературе это соглашение часто именуют планом «Хора-Лавалья». В его разработке принял самое активное участие Р. Ванситгарт и глава специально созданного в августе абиссинского департамента английского МИД М. Петерсон, проводившие всю подготовительную работу, включая предварительные переговоры с французами и итальянцами и сопровождавшие С. Хора в Париж. Сущность плана состояла в том, чтобы погасить военный конфликт методом кардинальных уступок итальянскому фашизму за счет интересов Эфиопии, от которой требовалось согласиться на передачу большей части так

называемых неамхарских территорий под мандат Италии и не оспаривать территорий, находящихся в прямом итальянском владении с 1896 года, в обмен на узкий коридор к морю через территорию итальянского Сомали²⁵.

Предполагалось, что ориентировавшийся на Англию император Эфиопии Хайли-Селасие I, бежавший вскоре в Иерусалим, примет основы этого плана, после чего его предполагалось внести на одобрение специальной комиссии Лиги наций, а затем и ее Ассамблеи. В этом виде предполагавшийся план урегулирования итало-эфиопского конфликта был одобрен С. Болдуином, а также Н. Чемберленом и А. Иденом, с которыми С. Хор советовался перед своим отбытием из Лондона. Английская дипломатия нацеливалась прежде всего на то, чтобы предупредить возможное ослабление Лиги наций. По ее мнению, Италия, в случае реализации санкций, могла последовать примеру Германии и покинуть Лигу.

Как уже отмечалось, сохранение и укрепление авторитета Лиги наций, по мысли консервативных лидеров Англии, было необходимо для реализации ее политики в Европе²⁶, в частности для оказания воздействия на Францию и СССР, которые могли бы, используя заключенный ими в мае 1935 г. договор о взаимопомощи, идти вразрез с английским внешнеполитическим курсом. Необходимо отметить, что позиция Советского Союза по отношению к англо-французским попыткам погасить итало-эфиопский кризис, не испортив отношений с Италией и не скомпрометировав Лигу наций, была более гибкой и прагматичной, нежели это изображалось в нашей отечественной историографии до недавнего времени. Как явствует из инструкций наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова советской делегации в Женеве²⁷, из его выступлений на заседаниях Совета Лиги наций²⁸, а также из других документов, широко доступных сегодня²⁹, советская сторона готова была принять подобный план урегулирования конфликта, при условии проведения его через механизм Лиги наций.

П. Лаваль оказался сговорчивым партнером в деле разработки и принятия англо-франко-итальянского плана, действуя при этом как типичный представитель «малой Франции», не учитывавший интересов «большой Франции» - Французской империи. Между тем война в районе Африканского рога и Красного моря несла в себе угрозу как французским, так и английским коммуникациям с Индокитаем и Дальним Востоком, что не могло не учитывать французское министерство иностранных дел. Генеральный секретарь МИД Франции Алекси Леже, будучи типичным представителем французских колониальных кругов и смотревший на формирование французской внешней политики, по словам Ш. Альфана, «сквозь призму азиатских забот», не мог поддержать действия П. Лавалья. Он, несомненно, использовал информационные каналы французского МИДа и провел своеобразное дезавуирование действий премьер-министра. 9 декабря только что разработанный в секретном порядке план «Хора-Лавалья» стал достоянием гласности: он был опубликован на страницах

французской печати. Информация газет была столь обширна и точна, что сопровождалась картами раздела Эфиопии - страны-члена Лиги наций. Эффект оказался потрясающим, реакция общественного мнения на обоих берегах Ла-Манша была резко отрицательной. Для членов английского правительства эти сообщения не были, конечно же, такой уж неожиданностью, как это изображают некоторые исследователи³⁰. Неожиданно сильной оказалась лишь реакция общественности. В английском парламенте начались нападки оппозиции на правительство: парламентарии были возмущены действиями министра-тори. С. Болдуин сразу увидел угрозу для своего кабинета. Руководствуясь своим неизменным принципом о первостепенном значении сохранения правительственной власти, британский премьер не считал возможным защищать достигнутое соглашение Хора-Лавалья, несмотря на то, что оно было поддержано кабинетом на заседаниях 9, 10 и 11 декабря 1935 г.³¹ На заседании правительства утром 18 декабря 1935 г. С. Болдуин заявил, что «главное всего моральная позиция правительства перед лицом мировой общественности», образно сравнив при этом премьер-министра с якорем, удерживающим корабль нации от гибели³². К моменту возвращения С. Хора в Лондон С. Болдуин публично провозгласил соглашение «абсолютно мертвым»³³ и, спасая положение, отправил в отставку министра иностранных дел, использовав в качестве формального предлога произошедший с ним в эти дни несчастный случай. Упрощение, часто практиковавшееся С. Болдуином, который весьма ценил «фронт Стрезы», не сработало, столкнувшись с негодованием мирового общественного мнения и имперскими интересами Англии и Франции. Вовлечение фашистской Италии в орбиту англо-французской дипломатии оказалось нелегким делом. Б. Муссолини не удовлетворялся предоставлявшимися ему обещаниями, он требовал конкретных уступок, не остановившись перед развязыванием войны. Нацистская Германия тотчас же активизировалась. Гитлер поддержал притязания Муссолини, используя ослабление единого фронта западных держав и пытаясь выбить Италию как один из основных столпов Локарнского договорного комплекса. Таким образом, опять на первый план выходили проблемы взаимоотношений с Германией, разрешить которые обходным путем не удалось.

¹ См.: Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 2. С. 255.

² См.: Peters A.R. Anthony Eden at the Foreign Office 1931-1938. N.-Y., 1986. P. 73-74.

³ The Times (London). 20 November 1935.

⁴ Майский И.М. Указ. соч. С. 270.

⁵ Documents on British Foreign Policy (далее DBFP). 2nd ser. Vol. 12. L., 1979. N 359.

⁶ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе. 1933-1935 гг. Подборка документов. "Международная жизнь". 1963. № 8. С. 187.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1990. Кн. I. Т. 1. С. 66.

⁸ Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. XVIII. М., 1973. С. 249.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ См.: DBFP. 2 ser. Vol. 12. N 222.

¹¹ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 385-386.

- ¹² 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 399.
- ¹³ Милибэнд Р. Парламентский социализм. М., 1964. С. 328.
- ¹⁴ Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1983. С. 108.
- ¹⁵ Эмери Л. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁶ Maurois A. Tragedie en France. New York, 1940. P. 10-11.
- ¹⁷ См. Трухановский В.Г. У. Черчилль. Политическая биография. М., 1977. С. 250.
- ¹⁸ Bartholin P. Les consequences economiques des sanctions. Paris, 1960. P. 265.
- ¹⁹ Ibid. P. 66.
- ²⁰ При этом указывают различные причины такой позиции См.: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 95-99; Nere J. The Foreign Policy of France, 1914-1945. L., 1975. P. 180.
- ²¹ Young R.J. In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933-1940. London: Harvard Univ. Press, 1978. P. 98.
- ²² См.: Young R.J. Op. cit. P. 99; ДВП. Т. XVIII. N 46. С. 85.
- ²³ DBFP. 2nd ser. Vol. XIV. N 230. P. 221. Отчет о конференции в Стрезе см.: DBFP. 2nd ser. V. XII. N 702. P. 862-914.
- ²⁴ Ibid. Vol. XIV. N 41, Note 2. P. 51.
- ²⁵ Отчет о переговорах С. Хора и П. Лавалья в Париже см.: DBFP. 2nd ser. Vol. XV. N 330, 336-338.
- ²⁶ ДВП. Т. XVIII. N 327. С. 457-458; N 440. С. 585.
- ²⁷ Там же. N 372. С. 523; N 447. С. 591; N 448. С. 591-592.
- ²⁸ Там же. N 357. С. 494.
- ²⁹ Там же. N 384. С. 533; N 400. С. 549; N 452. С. 598.
- ³⁰ Cowling M. The Impact of Hitler. Cambridge Univ. Press, 1975. P. 98.
- ³¹ См.: Ibid. P. 98-100.
- ³² Ibid. P. 99.
- ³³ House of Commons Debates. 5th ser. Vol. 307. Cols. 2030-2039. 19 December 1935.

В. Н. Ерохин

Католическая церковь в Англии в предреформационные десятилетия XVI века

Характеристика английского католицизма в начальный период Реформации в Англии связана с продолжающейся в современной британской историографии работой по изучению положения в церкви Англии в предреформационные десятилетия XVI века. Заметное по значению исследование этих проблем представил П. Маршалл в работе «Католическое священство и английская Реформация» (1994) ¹.

Среди современных историков ранней Реформации в Англии П. Маршалл находит тенденцию недооценивать различия между католиками и протестантами, но выступает за сохранение использования этих понятий и предлагает понимать под католиками тех, кто уделял преимущественное внимание совершению таинств и поддержанию власти институциональной церкви, а в качестве признаков лиц с протестантскими наклонностями, появившихся в церкви, выделяет их стремление к опоре на Писание, индивидуализм. В центре внимания П. Маршалла находится приходское духовенство, которое исполняло свои функции в тесном повседневном контакте с мирянами. В первые десятилетия XVI века, по подсчётам

исследователей, оно составляло в Англии 20-25 тыс. человек, а общая численность священников, относившихся к белому духовенству, составляла примерно 40 тыс. человек². В начале XVI века священников в Англии было больше, чем лиц каких-либо других профессий, кроме сельскохозяйственных, так что к священству принадлежало, согласно оценочным предположениям, 4% мужского населения³.

Положение духовенства перед Реформацией рассматривалось в работах ряда исследователей⁴. В среде современных британских историков распространилось мнение, что положение в церкви Англии в начале XVI века не следует рассматривать с точки зрения предопределённости будущей Реформации, что особенно подчёркивают ревизионисты⁵.

П. Маршалл рассмотрел около 5500 завещаний, оставленных светскими лицами в период 1500-1553 гг., которые охватывают большинство английских графств, при этом опираясь также на ту работу, которая была проделана другими исследователями⁶. По его оценке, взаимоотношения светских лиц и духовенства в начале XVI века можно охарактеризовать как «симбиоз, полный стрессов», что сближает его позицию в оценке происхождения Реформации с подходом либеральных историков⁷. Выявлены свидетельства того, что накануне Реформации светских лиц в Англии, как и на континенте, стала тяготить необходимость устной исповеди⁸. В то же время исследователи отмечают, что многие из свидетельств с критикой исповеди имеют маргинальное происхождение, и на основе этого трудно сделать вывод, что общественное мнение в целом могло считать практику исповеди угнетающей и ущемной, поскольку некоторые люди искали себе исповедника в стремлении найти более квалифицированного духовного наставника, не отрицая значения исповеди, в связи с чем духовный авторитет накануне Реформации приобрели бригиттинцы в монастыре Сион, картузианцы и францисканцы-обсерванты⁹.

В идеальном варианте исповедь была основой для единства и социальной гармонии в приходе, но протестанты были уверены, что католические священники раскрывают тайну исповеди. В конце 1530-х годов власти из ряда доносов узнали, что консервативно настроенные священники во время исповеди поощряли недовольство прихожан религиозными преобразованиями. По доносу священника была казнена жена Генриха VIII Екатерина Хауэрд¹⁰.

Возражения протестантов против тайной устной исповеди основывались на том, что протестанты не могли найти прообраз этой практики в Библии и отмечали, что от человека в устной исповеди требуют невозможного, поскольку перечислить и пересказать все свои грехи не может никто. Но при этом известные реформаторы времени правления Эдуарда VI – Латимер, Ридли – полностью не отрицали того, что для человека необходимо исповедание его грехов¹¹.

Упоминания о необходимости устной исповеди, судя по завещаниям, стали крайне редкими в правление Эдуарда VI. С 1547 г. в исследованных П. Маршаллом образцах завещаний такие требования встречаются один раз в

200 завещаниях (0,5%). При этом отказ от исповеди в массе прихожан, по его мнению, не следует объяснять распространением каких-то сознательных противостоявших ей убеждений: быстрый упадок устной исповеди в народе, видимо, свидетельствует о том, что в простонародной среде исповедь не считалась сущностью религиозности и ценилась в первую очередь набожной, склонной к интроспекции элитой ¹².

В полемике о личных качествах священников протестанты в Англии приняли точку зрения католической церкви, согласно которой священник не может повлиять на качество и действенность исполняемых им служб, а прежние еретические идеи о том, что недостойный в моральном отношении священник лишает действительности совершаемые службы, высказывавшиеся лоллардами, переняли анабаптисты, так что возражения против таких еретических утверждений были включены в статью 26 в составе 39 статей церкви Англии ¹³.

В дореформационные десятилетия, судя по завещаниям, значимым компонентом религиозных верований оставались заупокойные мессы. В 1500-1546 гг. до 1529 года 44,1% завещателей хотели, чтобы для них служились заупокойные мессы, а в 1530-1546 гг. число таких завещателей стало уменьшаться и составило 24,3%. Для английского общества XVI века была также, как видно, характерна определённая степень ксенофобии, поскольку в завещаниях, бывало, специально упоминалось, что заупокойные службы не должны были служить священники-иностранцы. В католической церкви месса считалась такой непостижимой тайной, что ни один мирянин не мог обсуждать вопросы, связанные с её служением. Духовенство беспокоилось даже, что светские лица, узнав службу и поняв звучащие во время мессы фразы, начнут использовать эти фразы как магические заклинания с какими-нибудь своими пустыми целями ¹⁴.

В 1980-90-е годы историки, в первую очередь ревизионисты, стали обращать внимание на то, что миряне не всегда могли чувствовать себя отчуждёнными от католической службы ¹⁵. Многие светские лица даже ходили на мессы по будним дням, и в эти малолюдные дни священник служил ближе к присутствовавшим прихожанам, обстановка была более располагающей. Отказ светским лицам в причащении вином был у католиков богословски обоснован доктриной сосуществования, согласно которой Христос целостно присутствовал во всех элементах своей формы, будь это Его Тело или Кровь, хотя католическое духовенство, считает П. Маршалл, фактически обосновывало этим своё привилегированное положение. Существовала в католицизме также концепция «духовного причастия» – в этом случае читалась молитва, которая при вкладываемом в неё особом смысле давала возможность принимать причастие по вере хоть ежедневно, несмотря на то, что в реальности его принимали 1-3 раза в году. «Книга короля» 1543 года, защищая достаточность причащения для светских лиц только хлебом в правление Генриха VIII, утверждала, что не только светские лица, но иногда также и священники (в том случае, если они проводят обряд освящения) тоже причащаются только под одним видом ¹⁶.

Духовенство после 1534 года стало именоваться orders (фактически «социальная группа»), а не holy orders (священство, церковная иерархия), в чем Дж. Скарисбрик видит антиклерикализм Генриха VIII и его стремление принизить социальную роль духовенства¹⁷. После начала Реформации в Англии во время мессы протестанты при поднятии Св. Даров стали позволять себе выражать непочтительное отношение к центральному по смыслу элементу мессы, но после вступления на престол Эдуарда VI были случаи, когда прихожане отвергали слишком решительное отрицание протестантским священником пресуществления во время мессы. Понимание Евхаристии в молитвеннике 1552 года предполагало, что светские лица должны были причащаться, по крайней мере, трижды в год, но П. Маршалл предполагает, что поначалу во многих приходах прихожане в новых условиях подолгу не подходили к причастию, а также ходили в другие приходы, где форма службы сохраняла традиционные элементы¹⁸.

Дискуссионным среди историков является вопрос о месте и значении проповеди в жизни церкви Англии накануне Реформации. В завещаниях священников начала XVI века встречаются упоминания о сборниках проповедей, передаваемых по наследству. Историки приводят часто встречающиеся свидетельства о том, что народ в дореформационный период плохо воспринимал проповеди. По словам современников, некоторых прихожан выслушивание короткой проповеди изматывало больше, чем шесть дней физического труда или телесный недуг¹⁹.

С 1530-40-х годов полемические проповеди консерваторов и радикалов стали раскалывать отдельные религиозные общины на враждующие группировки, а проповеди у собора Св. Павла стали регулярно собирать большое количество слушателей²⁰. Но требования регулярных проповедей и повышения уровня грамотности священников не происходили из народной среды: обращает на себя внимание то, что свидетельства о неграмотности священников идут обычно из литературных источников, а не от самих прихожан – их возражения очень редки. Видимо, если священник не выделялся какими-то аморальными выходками, уровень его грамотности непосредственно не волновал прихожан – они и не чувствовали себя компетентными выносить решения о его грамотности²¹.

Оценивая уровень грамотности в английском обществе накануне и в начале Реформации, Д. Кресси утверждает, что в 1500 году было примерно 10% грамотных мужчин и лишь около 1% женщин, и вплоть до 1550 года не произошло заметных изменений, но эти цифры – оценочные предположения²². Из этого не следует делать вывод, что светские лица совершенно не интересовались образованностью священников, но эта характеристика священника не числилась в приоритетах. В то же время есть свидетельства, что со стороны народа существовало стремление к тому, чтобы священники обучали прихожан основам религии²³. Некоторые историки видели в росте интереса светских лиц к религиозной литературе причину разрушения традиционных отношений между священниками и светскими лицами и

источник напряжённости, который впоследствии косвенным образом способствовал распространению протестантизма²⁴.

Протестанты рассматривали возведенного в сан священника только лишь как представителя общины, которому поручено исполнение функций, доступных в исполнении для всех христиан, так что, с протестантской точки зрения, различие между мирянином и духовным лицом было лишь функциональным, а не принципиальным. Известный английский протестант времени правления Эдуарда VI Хью Латимер считал для священника подходящим понятием слово «служитель, исполнитель, слуга» (minister), потому что традиционно использовавшееся в английском языке слово priest подразумевало совершение священником таинства – таких действий, которые были недоступны без духовного сана. С 1552 года стали запрещать выбривать тонзуру, и при посвящении в священники больше не вручали чашу и хлеб, а только Библию²⁵.

В оценке морального облика английского духовенства накануне Реформации на основе анализа материалов ряда визитаций историки утверждают, что священники подозревались в нецеломудрии обычно в среднем чуть менее чем в 5% приходов. Есть исследователи, предлагающие более высокие цифры: 15% в архидиаконстве Чичестер²⁶, но в целом случаи невождержания у католических священников, судя по сохранившимся источникам, были нечасты. Протестанты в пропагандистских целях просто раздували народное воображение относительно фактов о недостойном поведении священников, утверждая, что не найдется в Англии и одного из трех священников, который был бы действительно целомудренным, и говорили, что они уже развратили «100000 женщин»²⁷, и эта протестантская пропаганда находила отклик в народных предрассудках²⁸. Существовала даже английская пословица «Нежная, как любовница священника», включённая в собрание пословиц Джона Хейвуда, опубликованное в 1546 году²⁹. Но П. Маршалл считает, что в Англии по сравнению с обстановкой на континенте было меньше сексуальных прегрешений среди духовенства, и такого же мнения придерживается занимавшийся изучением материалов церковных судов Р. Хоулбрук. Английские епископы, в отличие от континентальных, не получали больших денег от штрафов за сожительство, за легализацию незаконных детей.

Известно, что священники ещё в 1530-е годы стали тайно заключать браки, количество которых, видимо, было даже немалым, так что браки священников осудила королевская прокламация 1538 года, заявлявшая, что священники, поступая таким образом, нарушают и волю монарха, и пренебрегают мнением прихожан³⁰. Согласно Шести статьям Генриха VIII 1539 года, сожительство священника с женщиной в случае повторного обвинения священника в этом прегрешении считалось преступлением, каравшимся смертью, а в 1540 году смертный приговор был заменен конфискацией всего имущества и доходов³¹. Прихожане, бывало, пытались не платить аморальным и распутным священникам десятину, но в Англии такой подход, хотя имел некоторые основания в каноническом праве,

ассоциировался с донатистскими взглядами, исповедовавшимися лоллардами, что дискредитировало попытки неуплаты десятины³².

Протестантские богословы обосновывали необходимость брака для духовных лиц тем, что всеобщий целибат духовенства недостижим, и его соблюдение невозможно, поскольку ведёт только к заблуждениям и обману – целибат для падшего человека рассматривался как психологически невозможный, кроме незначительного меньшинства людей³³. Практически вся полемическая литература о возможности брака для священников в начале английской Реформации выходила на английском языке, в чём П. Маршалл видит свидетельство заинтересованности в этом вопросе светских лиц³⁴.

Исследователи рассматривали вопрос о том, сколько английских священников заключили браки в 1549-1553 гг. На севере страны процент был довольно низким – в Йоркской епархии примерно 10%, при этом в очень консервативном городе Йорке было только четверо женатых священников³⁵. В традиционалистском Ланкашире заключили браки менее 5% священников, в Лондоне же примерно 33% священников вступили в брак, а в графствах Эссекс, Суффолк, Норфолк – примерно 25%. Труднее делать выводы о том, заключали ли браки священники без бенефициев: среди них, видимо, браков было меньше из-за худшего материального положения³⁶.

Установлено, что в дореформационный период в церкви был распространён абсентеизм священников – примерно четверть держателей плюралитетов не имела викариев в тех приходах, где они не жили постоянно. Священники-абсентеисты, не находившие викариев в свои приходы, были весьма непопулярны³⁷. Прихожане были недовольны отсутствием священника, потому что это угрожало, например, посмертной судьбе души: младенец, умерший некрещёным, как стали утверждать многие богословы, отправлялся не в лимб, а в ад; человек, умерший не исповедовавшимся, на годы отправлялся в чистилище³⁸. Священник должен был быть доступен днем и ночью, поэтому светские лица возражали на предложения, согласно которым приходы без священника могли бы обслуживать монахи религиозных орденов, поскольку они были недоступны ночью³⁹.

Священники должны были проявлять гостеприимство и благотворительность из своих доходов, расходуя их на это примерно от четверти до трети⁴⁰. Священники, как видно из документов этого времени, обычно поддерживали отношения со своими родственниками. Приходское духовенство отличалось заметным локализмом в происхождении и социальных связях⁴¹. Постороннему священнику часто было трудно вникнуть в жизнь прихода: даже в отношении священника сказывалась подозрительность к нему как к чужаку, что было характерно для английского общества того времени. Но, с другой стороны, если священник был местным, была опасность его втягивания в местные конфликты⁴².

Английское общество начала XVI века было проникнуто принципами иерархизма, и, например, значительный барьер разделял духовных лиц, имевших бенефиций, от тех, кто бенефиция не имел. Большинство ректоров и викариев по материальным условиям жизни и доходу были примерно

равны с процветавшими йоменами ⁴³. С другой стороны, большинство помощников приходских священников, получавших фиксированное жалованье, зарабатывали лишь чуть больше, чем наемный рабочий в сельском хозяйстве. Возможность получить что-нибудь ценное по завещанию, приобрести небольшие участки земли спасала такое духовенство от полной бедности, но их социальный статус был в большинстве своем низким ⁴⁴. Низок был социальный статус также у домашних священников, число которых увеличивалось в начале XVI века, и они стали напоминать домашних слуг по манере обращения с ними. Зависимыми были также священники, служившие в часовнях, а также священники, получавшие временное жалованье на совершение каких-то конкретных служб по распоряжению завещателей. Были также священники, служившие различным светским братствам, нанимаемые этими братствами и зависимые от них. Низшее духовенство, как это можно проследить по отчётам церковных старост, имело также некоторые источники для дополнительного заработка – игра на органе в церкви и его починка, ремонт церковных часов, стирка ритуальных одеяний ⁴⁵.

Историки обсуждают также вопрос о том, какие формы могло принимать недовольство католической церковью у англичан в предреформационные десятилетия. В своей биографической работе о Генрихе VIII Дж. Скарисбрик выделил четыре формы антиклерикализма в раннетюдоровский период: не вполне осознанное, скорее эмоциональное по форме негодование в отношении церковного богатства и влияния в обществе; более осознанный светский по характеру антиклерикализм, типичным носителем которого был Томас Кромвель; идеалистичный по характеру реформизм эразмианского толка, который исповедовали некоторые духовные лица, не собиравшиеся покинуть католическую церковь; прямой и откровенный антиклерикализм еретиков. У общественных групп и лиц, исповедовавших эти взгляды, было мало общего, и даже во многом их интересы сталкивались, а не взаимодействовали ⁴⁶. По мнению П. Маршалла, настоящий антиклерикализм стал проявлять себя в английском обществе лишь тогда, когда католические ценности были отвергнуты и появилась возможность утверждения в общественной жизни иных религиозных, этических, социальных ценностей, которые представляли бы католицизму жизнеспособную альтернативу, но «антиклерикализм», по его утверждению – «одно из самых анахроничных понятий для анализа истории Англии в XVI веке, эквивалента которому для современников, видимо, не было» ⁴⁷.

При изучении истории английского католицизма в период после начала Реформации исследователи обращают внимание на то, что в правление Генриха VIII на церковных должностях продолжали находиться лица, придерживавшиеся католических взглядов, но среди них не было единства в понимании форм управления церковью. Епископ Стивен Гардинер представлял тех, кто оправдывал королевскую супрематию. Существовала также группа сторонников ослабления влияния государства на церковь (епископы Тансталл, Лонгленд и, с оговорками, известный придворный

Томас Старки), воспринявшие также идеи консилиаризма, согласно которому высшая власть в церкви должна принадлежать Вселенским соборам, а не папе, что было несовместимо с идеей королевской супрематии. Давление, оказывавшееся королем и парламентом на церковь на рубеже 1520-30-х годов, видимо, произвело большое впечатление на народ: Дж. Элтон приводил примеры того, что в 1530-е годы было много доносов на священников, которые высказывались против нового брака короля, молились за папу, не убрали имя папы из богослужебной литературы, настаивали на традиционных формах воздержания для прихожан во время Великого поста. На основе этого историки делали вывод о преданности англичан монарху в правление Тюдоров, предполагая также, что, возможно, это был способ свести старые счеты с некоторыми священниками⁴⁸.

Заметный вклад в изучение английского католицизма XVI-XVII вв. внес также Дж. Эйвлинг. У писателей эпохи Реформации, считает Дж. Эйвлинг, нельзя найти взвешенной оценки состояния церкви Англии накануне Реформации: они изображают её или как в необычайной степени коррумпированную (протестанты), или не видят в ней недостатков (католики), и эти вопросы, по мнению Дж. Эйвлинга, только лишь по свидетельствам современников Реформации решить нельзя. При этом предреформационная культура Англии была такова, что она не могла оказывать прямое эффективное сопротивление подчинению церкви Генрихом VIII в 1534 году – при всей сложности этой культуры, считает Дж. Эйвлинг, в католической культуре предреформационного времени не было личностной мотивации, а неграмотные социальные низы тоже не могли предложить какую-либо контркультуру, оппозиционную по отношению к официальной⁴⁹.

Ещё с 1930-х годов среди английских историков появилось мнение, что католицизм в Англии стал испытывать проблемы уже с XIV века, временами находясь в осажденном положении. Дж. Эйвлинг полагает, что даже в период развитого средневековья общественная жизнь не была проникнута абсолютной религиозностью, но в XVI веке, по его мнению, эмоциональная жизнь самого светского по характеру человека (он приводит примеры из жизни проводившего Реформацию Томаса Кромвеля) была всё же в заметной степени наполнена религиозным содержанием. Существование сильной, хорошо организованной и владеющей собственностью католической церкви, выступавшей и в качестве работодателя, и как вспомогательная сила в осуществлении гражданской власти, были необходимыми составными частями поддержания законности и порядка в обществе в предреформационный период⁵⁰.

Численность духовенства в Англии накануне Реформации Дж. Эйвлинг определяет примерно в 35 тыс., из которых примерно половина жила в монастырях⁵¹, что отличается до данных, предлагаемых К. Хейгом, который численность только белого духовенства в 1990-е годы определил примерно в 40 тыс.⁵² Дж. Эйвлинг скорее образно, чем аналитически характеризует предреформационный католицизм как «смесь трудно управляемой инерции

и страстного динамизма, бездумного и непоследовательного консерватизма и откликающегося на духовный поиск радикализма, способного перейти к яркому религиозному диссидентству». Диссолюция монастырей в Англии, считает Дж. Эйвлинг, не оказала никакого влияния на жизнь бедных в стране, то есть на 80% населения. В 1534-1547 гг. среди грамотного меньшинства англичан во многих районах страны случались публичные выступления по поводу религиозных реформ, было много разговоров на религиозные темы, даже тайно распространялись рукописные воззвания, выражавшие несогласие с происходящим. Несколько сот духовных лиц бежали в Шотландию и на континент. Восстания 1536-37 годов года, считает Дж. Эйвлинг, привлекли в северных графствах большинство грамотного или полуграмотного населения, но среди их участников не было единства по вопросу об отношении к папству. Примерно 15% всего населения и 75% грамотных, по его мнению, высказывались за сохранение основных черт традиционного католицизма, но очень немногие из социальной верхушки, землевладельцев-джентри и аристократии, составлявших 5% населения, приняли участие в движении протеста, что и обрекло его на поражение⁵³.

В размышлениях о том, почему верхушка общества в Англии не выступила против религиозной политики Генриха VIII, высказывались предположения, что религиозные проблемы были для них безразличны, или же что верхушка общества была деморализована усиливавшейся инфляцией, зависимостью от королевской власти. Но можно предположить, пишет Дж. Эйвлинг, что при умеренности первоначальной Реформации верхушка английского общества не считала, что король своими действиями сотрясает основы религии. Эти оценки близки взглядам К. Хейга и других историков-ревизионистов⁵⁴.

Как считает Дж. Эйвлинг, монастыри могли бы выстоять против диссолюции, если бы против их роспуска выступили монахи и светские лица, но протестовала буквально горстка монахов. Историк-католик Д. Ноулз расценивал позицию монахов как результат того, что «у всей массы монахов сдали нервы»⁵⁵. Высказывалось и мнение, что большую роль в этой капитуляции сыграли неведение и страх, а правительство смогло сыграть на предложении монахам пенсий, угрозах, навязывании тем монахам, которые ещё оставались в монастырях, невыносимых дисциплинарных требований. Но эти методы были бы невозможны, если бы большинство монахов было намерено сопротивляться. Как обращает внимание Дж. Эйвлинг, сопротивление роспуску монастырей проявили несколько нетипичных монашеских общин. Все из них были основаны сравнительно недавно, были населены представителями элиты, которые выбрали монашество сознательно в зрелом возрасте. Это были картузианцы, францисканцы-обсерванты, бригиттинки, монахи из монастыря Сион. Остальные монастыри были встроены в местное общество. Для них были характерны традиционные образ жизни и формы набожности, множественные связи с окрестным сообществом вокруг монастыря и возникавшие отсюда послабления в образе жизни. Эпоха Контрреформации показала, что даже в странах, оставшихся католическими,

было очень трудно модернизировать старые монастыри и ордена. Дж. Эйвлинг считает, что после смерти Генриха VIII в 1547 г. большинство образованных англичан думали о себе как о католиках, но религиозные различия уже давали о себе знать, и в каноническом смысле католицизм в Англии уже не существовал⁵⁶.

Дж. Эйвлинг утверждает, что ранний английский протестантизм сложился в рамках уважаемого и набожного католицизма, а потом вырвался из него, «уведя с собой многих духовно живых и страстных адептов». Среди протестантов-эмигрантов времён правления Марии Тюдор были такие же психологические типы, как и среди страстных католиков. После утверждения в Англии протестантизма для многих уважаемых католиков было неприемлемо существование в сектантском статусе, поэтому они перешли в англиканство. Англичане из числа приверженцев католицизма в 1559 году после прихода к власти Елизаветы и восстановления протестантизма бежали на континент, как считает Дж. Эйвлинг, в основном потому, что они в 1553-54 годах вытеснили из университетов и соборных капитулов протестантов⁵⁷.

¹ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 1.

² Haigh, C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors* / C. Haigh. – Oxford, 1993. – P. 5; Zell, M. L. *Economic Problems of the Parochial Clergy in the Sixteenth Century* / M. L. Zell // O'Day R. Heal F. (Eds). *Princes and Paupers in the English Church 1500-1800*. – Leicester, 1981. – P. 21-23; O'Day, R. *The Anatomy of a Profession: The Clergy of the Church of England* / R. O'Day // Prest, W. (Ed.). *The Professions in Early Modern England*. – Beckenham, 1987. – P. 30; Youings, J. *Sixteenth-Century England* / J. Youings. – Harmondsworth, 1984. – P. 36.

³ Youings, J. *Sixteenth Century England* / J. Youings. – Harmondsworth, 1984. – P. 36; Haigh, C. *English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors* / C. Haigh. – Oxford, 1993. – P. 5-6.

⁴ Heath, P. *English Parish Clergy on the Eve of the Reformation* / P. Heath. – London, 1969; Bowker, M. *The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1485-1520* / M. Bowker. – Cambridge, 1968; Aveling, J. C. H. *The English Clergy, Catholic and Protestant in the 16th and 17th Centuries* / J. C. H. Aveling // *Rome and the Anglicans*. – Berlin - New York, 1982.

⁵ Tanner, N. P. *The Reformation and Regionalism: Further Reflections on the Church in Late Medieval Norwich* / N. P. Tanner // Thomson, J. A. F. (Ed.). *Towns and Townspeople in the Fifteenth Century*. – Gloucester, 1988. – P. 129.

⁶ Swanson, R. N. *Church and Society in Late Medieval England* / R. N. Swanson. – Oxford, 1989. – P. 265-268; Zell, M. L. *The Use of Religious Preambles as a Measure of Religious Belief in the 16th Century* / M. L. Zell // *BIHR*. – 1977. – Vol. 50; Scarisbrick, J. J. *The Reformation and the English People* / J. J. Scarisbrick. – Oxford, 1984. – P. 10-12; O'Day, R. *The Debate on the English Reformation* / R. O'Day. – London, 1986. – P. 155-159; Duffy, E. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400-1580* / E. Duffy. – New Haven, 1992. – P. 504-523.

⁷ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 4.

⁸ Ozment, S. E. *The Reformation in the German Cities* / S. E. Ozment. – New Haven, 1975. – P. 22-28, 49-56; Tyndale, W. *The Obedience of a Christian Man* / W. Tyndale // *Doctrinal Treatises* / Ed. H. Walter. – Parker Society, 1848. – P. 245; Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 9.

⁹ Swanson, R. N. *Problems of the Priesthood in Pre-Reformation England* / R. N. Swanson // *EHR*. – Vol. 117. – 1990. – P. 858; Thomson, J. A. F. *Piety and Charity in Late Medieval London* / J. A. F. Thompson // *JEH*. – 1965. – Vol. 16. – P. 189-190; Brigden, S. *London and the Reformation* / S. Brigden. – Oxford, 1989. – P. 73; Harper-Bill, C. *The Pre-Reformation Church in England, 1400-1530* / C. Harper-Bill. – London, 1989. – P. 42-43.

¹⁰ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 19-20; Tyndale, W. *The Practice of Prelates* / Ed. H. Walter. – Parker Society, 1849. – P. 305; Smith, L. B. *A Tudor Tragedy: The Life and Times of Catherine Howard* / L. B. Smith. – London, 1961.

¹¹ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 30-31; Gibson, E. C. (Ed.). *The First and Second Prayer Books of Edward VI* / E. C. Gibson. – London, 1910; Collinson, P. *The Tudor Age* / P. Collinson. – London, 1988. – P. 100.

- P. Shepherds, Sheepdogs and Hirelings: The Pastoral Ministry in Post-Reformation England / P. Collinson // Sheils, W. J. Woods, D. (Eds.). *The Ministry: Clerical and Lay*. – Oxford, 1989.
- ¹² Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 32.
- ¹³ Hardwick, C. *A History of the Articles of Religion* / C. Hardwick. – London, 1890; Bricknell, E. J. *A Theological Introduction to the Thirty Nine Articles of the Church of England*. 3rd ed. / E. J. Bricknell. – London, 1955.
- ¹⁴ Bossy, J. *The Mass as a Social Institution, 1200-1700* / J. Bossy // *Past & Present*. – 100. – 1983. – P. 33; Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 50, 63, 129.
- ¹⁵ Scarisbrick, J. J. *The Reformation and the English People* / J. J. Scarisbrick. – Oxford, 1984. P. 43-44; Duffy, E. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400-1580* / E. Duffy. – New Haven - London, 1992. – P. 111-113.
- ¹⁶ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 66-70; Lacy, T. A. (Ed.). *The King's Book, 1543* / T. A. Lacey. – London, 1895.
- ¹⁷ Scarisbrick, J. J. *Henry VIII* / J. J. Scarisbrick. – London, 1968. – P. 417.
- ¹⁸ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 74-76, 80-81; Whiting, R. *The Blind Devotion of the People: Popular Religion and the English Reformation* / R. Whiting. – Cambridge, 1989. – P. 33.
- ¹⁹ Owst, G. R. *Preaching in Medieval England* / G. R. Owst. – Cambridge, 1926; *Literature and Pulpit in Medieval England*. 2nd ed. – Cambridge, 1961; Spencer, H. L. *English Vernacular Sunday Preaching in the Late 14th and 15th Century* / H. L. Spencer. – University of Oxford D. Phil. Thesis, 1982; Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 88; Cross, C. *Priests into Ministers: The Establishment of Protestant Practice in the City of York* / C. Cross // Brooks, P. N. (Ed.). *Reformation Principle and Practice*. – London, 1980. – P. 146; Heath, P. *English Parish Clergy on the Eve of Reformation* / P. Heath. – London, 1969. – P. 88; Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 90.
- ²⁰ Elton, G. R. *Policy and Police* / G. R. Elton. – Cambridge, 1972. – P. 14, 17, 19-20; Maclure, M. *The Paul's Cross Sermons, 1534-1642* / M. Maclure. – Toronto, 1958.
- ²¹ Heal, F. *Economic Problems of the Clergy* / F. Heal // F. Heal and R. O'Day (Eds.) *Church and Society in England, Henry VIII to James I*. – London, 1977. – P. 106.
- ²² Cressy, D. *Literacy and Social Order* / D. Cressy. – Cambridge, 1980. – P. 176-177.
- ²³ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 95-98, 100-101.
- ²⁴ Aston, M. *Lollards and Reformers. Images and Literacy in Late Medieval Religion* / M. Aston. – London, 1984. – P. 131.
- ²⁵ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 138-140; Chandos, J. (Ed.) *In God's Name: Examples of Preaching in England from the Act of Supremacy to the Act of Uniformity, 1534-1662* / J. Chandos. – London, 1971; Tudor, P. *Changing Private Belief and Practice in England: Devotional Literature, c. 1475-1550* / P. Tudor. – University of Oxford D. Phil. Thesis, 1984.
- ²⁶ Lander, S. *Church Courts and the Reformation in the Diocese of Chichester, 1500-1558* / S. Lander // O'Day R. and Heal F. (Eds.). *Continuity and Change: Personnel and Administration of the Church in England, 1500-1642*. – Leicester, 1976. – P. 218.
- ²⁷ Clebsch, W. A. *England's Earliest Protestants, 1520-1535* / W. A. Clebsch. – New Haven, 1964. – P. 73.
- ²⁸ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 145-146.
- ²⁹ Tilley, M. P. *Dictionary of Proverbs in England in the 16th and 17th Centuries* / M. P. Tilley. – Ann Arbor (Mich.), 1950. – P. 523.
- ³⁰ Hughes, P. L. Larkin, J. F. (Eds.). *Tudor Royal Proclamations*. – Vol. I. – New Haven, 1964. – P. 274; Scarisbrick, J. J. *Henry VIII* / J. J. Scarisbrick. – London, 1968. – P. 418-419.
- ³¹ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 150-151; Houlbrooke, R. *Church Courts and the People during the English Reformation 1520-1570* / R. Houlbrooke. – Oxford, 1979. – P. 180.
- ³² McFarlane, K. B. *Wycliffe and English Nonconformity* / K. B. McFarlane. – Harmondsworth, 1972. – P. 110; Brigden, S. *Tithe Controversy in Reformation London* / S. Brigden // *JEH*. – 1982. – Vol. 33.
- ³³ Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. – Oxford, 1994. – P. 163.
- ³⁴ *Ibid.* – P. 166.
- ³⁵ Palliser, D. M. *Popular Reactions to the Reformation during the Years of Uncertainty, 1530-1570* / D. M. Palliser // Heal, F. O'Day, R. (Eds.). *Church and Society in England: Henry VIII to James I*. – London, 1977. – P. 42; Cross, C. *Priests into Ministers* / C. Cross // Brooks, P. N. (Ed.). *Reformation Principle and Practice*. – London, 1980. – P. 216.
- ³⁶ Spielmann, R. M. *The Beginning of Clerical Marriage in the English Reformation: The Reigns of Edward and Mary* / R. M. Spielmann // *Anglican and Episcopal History*. – 1987. – Vol. 56. – P. 258; Carlson, E. J. *Clerical Marriage and the English Reformation* / E. J. Carlson // *JBS*. – 1992. – Vol. 31.
- ³⁷ Bowker, M. *Non-Residence in the Lincoln Diocese in the Early Sixteenth Century* / M. Bowker // *JEH*. – 1964. – Vol. 15; Heath, P. *The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation* / P. Heath. – London, 1969. – P. 56; Brigden, S. *London and the Reformation* / S. Brigden. – Oxford, 1989. – P. 57; Marshall, P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation* / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 178.

- ³⁸ Thomas, K. Religion and the Decline of Magic / K. Thomas. – London, 1978. – P. 40.
- ³⁹ Marshall, P. The Catholic Priesthood and the English Reformation / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 181-184.
- ⁴⁰ Heal, F. Economic Problems of the Clergy / F. Heal // F. Heal and R. O' Day (Eds.). Church and Society in England. Henry VIII to James I. – London, 1977. – P. 100.
- ⁴¹ Haigh, C. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire / C. Haigh. – Cambridge, 1975. – P. 25; Economic Problems of the Parochial Clergy in the Sixteenth Century // O' Day, R. Heal, F. (Eds.). Princes and Paupers in the English Church, 1500-1800. – Leicester, 1981. – P. 24-25; Scarisbrick, J. J. The Reformation and the English People / J. J. Scarisbrick. – Oxford, 1984. – P. 44.
- ⁴² Marshall, P. The Catholic Priesthood and the English Reformation / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 194-195.
- ⁴³ Cornwall, J. C. Wealth and Society in Early Sixteenth-Century England / J. C. Cornwall. – London, 1988. – P. 92.
- ⁴⁴ Pound, J. Clerical Poverty in the Early Sixteenth-Century England: Some East Anglican Evidence / J. Pound // JEH. – 1986. – Vol. 37. – P. 389-393.
- ⁴⁵ Marshall, P. The Catholic Priesthood and the English Reformation / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 196-198.
- ⁴⁶ Scarisbrick, J. Henry VIII / J. J. Scarisbrick. – London, 1968. – P. 243-244.
- ⁴⁷ Marshall, P. The Catholic Priesthood and the English Reformation / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 213.
- ⁴⁸ Elton, G. R. Policy and Police / G. R. Elton. – Cambridge, 1972. – P. 370; Marshall, P. The Catholic Priesthood and the English Reformation / P. Marshall. – Oxford, 1994. – P. 224.
- ⁴⁹ Aveling, J. C. H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation / J. C. H. Aveling. – London, 1976. – P. 26-27.
- ⁵⁰ Ibid. – P. 11, 28.
- ⁵¹ Ibid. – P. 30.
- ⁵² Haigh, C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors / C. Haigh. – Oxford, 1993. – P. 3-6.
- ⁵³ Aveling, J. C. H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation / J. C. H. Aveling. – London, 1976. – P. 31-33.
- ⁵⁴ Ibid. – P. 33-34.
- ⁵⁵ Knowles, D. Bare Ruined Choirs. The Dissolution of the English Monasteries / D. Knowles. – Cambridge, 1976.
- ⁵⁶ Aveling, J. C. H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation / J. C. H. Aveling. – London, 1976. – P. 35-36.
- ⁵⁷ Ibid. – P. 40, 49-50.

М.В. Жолудов

Лорд Пальмерстон и британская либеральная дипломатия XIX века

Лорд Пальмерстон (1784-1865) был одним из наиболее крупных британских государственных деятелей и дипломатов XIX в. Этот человек оставил яркий след в истории. На протяжении сорока восьми лет он занимал различные министерские посты, чего в Великобритании не удавалось сделать никому ни до него, ни после. Начав государственную карьеру с должности младшего лорда Адмиралтейства в 1807 г., он завершил ее со своей смертью, находясь на посту премьер-министра в 1865 г. Пальмерстон был министром иностранных дел (1830-1834, 1835-1841, 1846-1851), премьер-министром Великобритании (1855-1858, 1859-1865), имея возможность, таким образом, непосредственно влиять на формирование британского внешнеполитического курса на протяжении четверти века. Дипломатия воистину стала призванием его жизни. Даже находясь в оппозиции или занимая пост министра внутренних дел (1852-1855), он не переставал интересоваться проблемами внешней политики страны. Годы активной государственной деятельности лорда, совпавшие с периодом экономического

и политического преобладания Великобритании в мире, вошли в анналы британской внешней политики под названием «пальмерстоновской эры». Его жизнь и политическая карьера нашли широкое освещение в зарубежной историографии¹. Отечественные исследователи также не могли обойти своим вниманием столь крупную историческую фигуру, но они в своих работах обычно рассматривали деятельность лорда на завершающем этапе его карьеры (конец 40-х – начало 60-х гг. XIX в.), в основном связанной с его отношением к европейским революциям 1848-1849 гг. и особенно к Крымской войне, одним из главных зачинателей которой он обычно представляется в отечественной исторической науке². Целью настоящей статьи является попытка дополнить новыми штрихами наше представление о Пальмерстоне как дипломате и государственном деятеле.

Генри Джон Темпл (в будущем – лорд Пальмерстон) родился 20 октября 1784 г. в Вестминстере в аристократической семье Генри Пальмерстона, виконта и ирландского пэра. Юный Пальмерстон получил блестящее образование в частной привилегированной школе Харроу и в университетах Эдинбурга и Кембриджа. Он рано потерял отца и мать, умерших соответственно в 1802 и 1805 гг. После смерти отца Генри Джон унаследовал его титул лорда и третьего виконта Пальмерстона, а также внушительное состояние.

Политическая карьера Пальмерстона началась в мае 1807 г., когда после трех неудачных попыток в других местах он был избран депутатом парламента от партии тори в городе Ньюпорт, расположенном на острове Уайт. К тому времени он уже получил свой первый государственный пост младшего лорда Адмиралтейства. Кстати, Пальмерстон удалось в течение 58 лет оставаться членом парламента, и по этому показателю в британской парламентской истории он уступает лишь Гладстону и Черчиллю³.

В октябре 1809 г., формируя торийское правительство, лорд Персиваль предложил ему пост канцлера казначейства (в то время эта должность была менее значима, чем сейчас, но все же давала место в правительстве. – М.Ж.). Пальмерстон отказался от этого заманчивого предложения, согласившись, однако, стать военным министром без места в правительстве. Эту должность он и занимал в течение последующих восемнадцати лет, что было, по мнению многих современников, пределом бюрократических амбиций лорда.

Однако в 1827 г. после ухода лорда Ливерпуля с поста премьер-министра на британском политическом Олимпе случились серьезные изменения, которые значительно продвинули вперед карьеру лорда Пальмерстона. Сохраняя должность военного министра, он был введен в торийские правительственные кабинеты - сначала Каннинга (1827), затем – Годерича (1827-1828) и Веллингтона (1828-1830). В это время он сближается с группировкой «либеральных тори», возглавляемой будущим премьер-министром Джорджем Каннингом и отличавшейся более широкими либеральными взглядами по целому ряду проблем внутренней и внешней британской политики, чем основная (консервативная) часть партии тори. В 1828 г. из-за нежелания премьер-министра герцога Веллингтона обсуждать

проблему частичного перераспределения парламентских мест Пальмерстон вместе с другими «либеральными тори» (еще их называли каннингитами, то есть последователями Дж. Каннинга) в знак протеста вышел из торийского правительства. После этого начинается естественное сближение Пальмерстона с партией вигов.

В середине ноября 1830 г. после продолжительного кризиса пал торийский кабинет герцога Веллингтона. 20 ноября было объявлено о создании лордом Греем нового вигского правительства, в котором Пальмерстон получил место министра иностранных дел. В правительственной декларации, изложенной 22 ноября в палате лордов, новый кабинет объявил главными принципами своей деятельности борьбу за избирательную реформу, усмирение народных волнений в стране, сокращение государственных расходов и мир с соседними государствами⁴. С тех пор либерально-популистский лозунг «поддержания мира в Европе» стал основным принципом внешней политики лорда Пальмерстона.

Пальмерстон довольно поздно начал заниматься внешнеполитическими проблемами. Он пришел в Форин оффис в 46-летнем возрасте, имея за плечами более чем двадцатилетний опыт парламентской и государственной деятельности. Лишь незадолго до этого произошло первое серьезное внешнеполитическое выступление Пальмерстона.

В конце 20-х гг. XIX в. резко обострился так называемый «восточный вопрос» в связи с русско-турецкой войной 1828-1829 гг. В феврале 1830 г., находясь в рядах парламентской оппозиции, Пальмерстон, выступая в палате общин, обвинил торийское правительство герцога Веллингтона в пассивности в восточном вопросе. По его мнению, Великобритания должна была смелее вмешаться в русско-турецкую войну 1828-1829 гг., что могло спасти Турцию от поражения. Пальмерстон заявил, что турецкое поражение и заключение выгодного для России Адрианопольского мира создавали опасность появления русских войск в Турции и расширения русской границы в южном направлении⁵. Очевидно, что уже тогда Пальмерстон рассматривал Россию как главного соперника Великобритании на Ближнем Востоке, явно опасаясь усиления российского влияния в этом регионе.

По мнению ряда британских историков, положительный резонанс от этого выступления среди британской общественности пробудил у Пальмерстона вкус к внешнеполитической деятельности⁶. С тех пор дипломатия стала его любимым занятием. К тому же лорд обладал неплохими способностями к изучению иностранных языков, блестяще говорил на французском и итальянском.

Кабинет лорда Грея включил в себя многих видных политических деятелей страны, единомышленников по большинству вопросов государственной политики, весьма искушенных в делах управления государством. На эту особенность нового правительства обращала внимание весьма информированная газета «Таймс»: «Состав кабинета Грея настолько хорош, насколько ему позволяет таковым быть нынешнее состояние партий. Он был определен выбором общественных деятелей, которые скорее всего

согласны по большинству политических вопросов и в особенности с теми великими принципами, объединяющими все мыслящие и бескорыстные умы в современном беспокойном мире»⁷. Назначение нового министра иностранных дел газета оценивала следующим образом: «Лорд Пальмерстон имеет большой опыт в качестве главы трудного департамента (имелось в виду военное министерство Великобритании. – М.Ж.) и, как можно судить по его публичным заявлениям, является сторонником либеральной политики в отношениях с зарубежными государствами»⁸.

Российские дипломаты в Лондоне в своих донесениях в Петербург дали детальную характеристику новому британскому кабинету и его членам. Так, посланник А.А. Матушевич в специальной депеше на имя вице-канцлера Российской империи графа К.В. Нессельроде отмечал, в частности, что «в отношении ораторских талантов, присутствие которых является одним из обязательных условий представительной формы правления, новое правительство - одно из замечательных, какие когда-либо существовали. Оно собрало почти всех из самых красноречивых представителей обеих палат»⁹. Однако такая характеристика вряд ли относилась к Пальмерстону, который обладал непривлекательным голосом и замедленными манерами при произнесении речей, с которыми он мог выступать лишь после тщательной подготовки. Его политическим оружием было не слово, а перо, которым он мастерски пользовался, составляя грозные дипломатические ноты и протесты.

Пальмерстон был прирожденным бюрократом. Лорд имел к этой работе и склонности, и желание. Он обладал прекрасной физической формой для тяжелой бюрократической работы, проводя по восьми часов ежедневно за письменным столом, а затем посещая многочисленные светские рауты и дипломатические приемы. А.И. Герцен, имевший возможность наблюдать лорда в начале 50-х годов в Лондоне, восхищался его «сильным организмом» (хотя лорду в то время было далеко за шестьдесят) и неистощимой энергией: «А вечно юный Пальмерстон, скачущий верхом, являющийся на вечерах и обедах, везде любезный, везде болтливый и неистощимый, бросающий ученую пыль в глаза на экзаменах и раздачах премий – и пыль либерализма, национальной гордости и благородных симпатий в застольных речах...»¹⁰.

Лорд много работал, глубоко вникая во все вопросы, которыми занимался. Это затрудняло его оппонентам споры с ним, будь то иностранные дипломаты либо коллеги по министерству. За свою бюрократическую въедливость и педантизм он уже в первые годы работы в Форин оффис получил прозвище «Пальмерстон-протокол» («Protocol Palmerston»).

Однако Пальмерстон не был безликим бюрократом от дипломатии. Лорд проявил себя и как активно действующий парламентарий. Недостаток ораторского мастерства он заменял отличным знанием всех мелочей обсуждаемых проблем, что являлось результатом их тщательной кабинетной проработки. Его выступления в парламенте обычно вызывали широкий резонанс среди британской общественности.

В конце 1830 г. российские дипломаты в Лондоне, казалось, были удовлетворены назначением лорда Пальмерстона главой Форин оффис. Посол князь Х.А. Ливен дал ему блестящую характеристику в своем донесении в Петербург: «...это человек достойный и честный в полном смысле слова, искренний, открытый, добросовестнейший исполнитель своего слова; он обладает живым умом, быстрым соображением, здравым рассудком. И так как он долгое время участвовал в министерстве лорда Ливерпуля, потом Каннинга и даже герцога Веллингтона, то дела ему нисколько не чужды и не затрудняют его. К несчастью, добросовестность далеко не была отличительной чертой прежнего министерства. В этом отношении мы не только ничего не потеряли, но, наверное, выиграли»¹¹. Увы, радужным прогнозам царского посла не суждено было сбыться. Британский министр очень скоро показал себя активным противником русских интересов в Европе и на Ближнем Востоке. И уже в 1832 г. русский посол в Париже К.О. Поццо ди Борго, не скрывавший личной неприязни к Пальмерстону, утверждал: «Он (Пальмерстон) не останавливается ни перед какими средствами: пути кривые и извилистые, клевета, умолчание, запирательство – все он считает пригодным. Россию считает он главным тормозом для осуществления своих разрушительных и безрассудных проектов»¹².

Такая резкая смена оценок произошла из-за того, что Пальмерстон прекрасно видел непримиримость англо-русских геополитических интересов в различных частях мира, особенно в ближневосточном регионе. Россия стремилась закрепить успех своей восточной политики, достигнутой в результате победы в войне 1828-1829 гг., утвердить свое влияние на Балканах и в Османской империи, установить контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы. Великобритания же, с подозрением наблюдавшая за постепенным усилением российских позиций на Ближнем Востоке, опасалась дальнейшего проникновения России на Ближний Восток, особенно в Индию, поэтому главной целью своей восточной политики Пальмерстон считал вытеснение России из ближневосточного региона. Выполнить такую задачу Великобритания могла лишь в случае осуществления контроля над черноморскими проливами, то есть заперев русский флот в Черном море и не выпуская его в Средиземное море. От этого, по мнению Пальмерстона, во многом зависела безопасность британских торговых путей на Восток, в Индию – богатейшую колонию Великобритании.

Так получилось, что именно в противостоянии с Россией Пальмерстон шлифовал свое дипломатическое мастерство. Он был одним из первых, кто стал использовать общественное мнение в качестве мощного орудия для проведения в жизнь своей внешнеполитической линии. Более чем какой-либо другой политический или государственный деятель XIX века, он знал как обратиться к простому «человеку с улицы», представителю среднего класса, удачно используя идею британского воинствующего патриотизма (в английской политической терминологии – джингоизма). Лорд часто обращался за поддержкой к британской общественности, минуя

политический истеблишмент, что было весьма необычно в то время. По словам американского историка П. Хейза, «Пальмерстон, как и Каннинг до него, вовремя понял ценность общественной поддержки»¹³.

Любое ухудшение англо-русских отношений сопровождалось соответствующими изменениями общественного мнения, которое в то время уже играло значительную роль в политической жизни Великобритании. Газеты и журналы раздували русофобские настроения среди англичан, пропагандируя ставшую популярной концепцию «русской опасности» для Индии. Лорд Пальмерстон лично принимал активное участие в формировании британского общественного мнения, используя его в качестве идеологического прикрытия для своего внешнеполитического курса. Руководитель британской дипломатии имел тесные контакты с редакциями таких крупных изданий, как «Глоуб», «Курир», «Обсервер», «Морнинг Кроникл» и др., писал для них передовицы, иногда заказывал статьи нужного ему содержания, используя деньги из секретных фондов. Он пытался «приручить» владельцев и редакторов этих газет. Так, в 1841 г. Пальмерстон рекомендовал владельца «Морнинг Кроникл» к баронскому титулу. Он даже использовал в своих интересах «Таймс», которая в те годы обычно ориентировалась на его политических противников.

Пальмерстона иногда называют либеральным политиком за его поддержку либеральных движений в различных странах Европы. Однако, на наш взгляд, внешнеполитический «либерализм» лорда носил показательный, конъюнктурный характер, обычно направленный на успокоение общественного мнения Великобритании. Однажды выступая в палате общин по вопросу о возможной поддержке польского восстания 1830-1831 гг., он открыто заявил: «Великобритания не вмешивается во внутренние дела стран, где имеют место гонения на либеральные принципы, так как не имеет смысла начинать войну из-за абстрактных принципов»¹⁴.

Вероятно, Пальмерстона можно назвать «бескорыстным националистом», всегда и везде борющимся за выгоды Великобритании. Он признавал лишь одну цель – всемерную защиту британских интересов. Его главным внешнеполитическим принципом были слова, сказанные в парламентской речи 1848 г.: «У нас нет вечных союзников и постоянных врагов. Наши интересы вечны и постоянны, и наш долг следовать этим интересам»¹⁵. Характерно для него и другое высказывание: «Моя доктрина заключается в том, что мы должны полагаться только на себя; проводить свою собственную политику; преследовать свои собственные цели и действовать исходя из своих собственных принципов; использовать правительства других стран, насколько это возможно... но никогда не идти на поводу у них. Быть впереди них всюду, где это возможно, но никогда не следовать за ними»¹⁶.

Пальмерстон хоть и входил в свое время в торийские и вигско-либеральные правительства, его вряд ли можно назвать «тори», «вигом» или «либералом». Он никогда не выпячивал своих партийных пристрастий. Лорд не зависел от клановых или партийных связей, он был политически

самодостаточен. У него не было устойчивых политических идеалов, Пальмерстон был прагматиком в политике. Это отчетливо отразилось в череде его партийных пристрастий – тори, каннингит, виг и даже либерал.

Пальмерстон свято верил в то, что британский тип конституционной монархии является лучшей формой государственного управления. Он часто рекомендовал его европейским политикам, которые намеривались проводить реформы в своих странах. Умеренная, либеральная конституция была для лорда средством установления монархической стабильности и избежания народных волнений. В своей внешнеполитической деятельности Пальмерстон стремился поддерживать такие государства, но в своей стране он без особого энтузиазма относился к проведению углубленных социальных и политических реформ. Только с большими оговорками он поддержал компромиссный Великий билль о реформе 1832 г., который незначительно расширил избирательные права буржуазии. Он пошел на этот шаг лишь тогда, когда увидел, что дальнейшее откладывание проведения избирательной реформы может привести к широкомасштабным народным протестам и, возможно, даже к социальной революции в Великобритании.

Будучи по рождению аристократом, Пальмерстон считал свой социальный класс руководящим и управляющим в Великобритании. Он был твердо уверен в том, что аристократия должна править Британией, так как имела для этого специальные знания и опыт. В 1831 г. Пальмерстон заявил в парламенте: «Землевладельцы (аристократы - М.Ж.) являются великой основой, на которой держится вся остальная часть общества и государственные институты страны. Я не умаляю значения промышленников и коммерсантов, но земля страны и есть сама страна, и владелец земли имеет самый глубокий интерес в ее благосостоянии; тесно связанный с землей, он должен разделять судьбу своей страны как во время ее успехов, так и во время неудач»¹⁷. Такие взгляды Пальмерстона и его внешнеполитический курс вполне устраивали не только либералов, но и многих консерваторов в парламенте.

Во время своего руководства Форин оффис Пальмерстон ввел новые нормы взаимоотношений своего министерства с правительством и короной. Так, в 1840-х гг. Пальмерстон успешно боролся с попытками королевы Виктории, активно поддерживаемой ее мужем принцем-консортом Альбертом, вмешиваться в деятельность МИДа. В 1846 и 1847 гг. она особенно настойчиво требовала предоставление ей возможности просматривать все дипломатические депеши, чем вызывала крайнее возмущение Пальмерстона. Например, королева стремилась заставить Пальмерстона знакомить ее, как это предписывала королевская прерогатива, со всеми дипломатическими документами и перепиской. Он серьезно возражал, ссылаясь на полную секретность документации. Пальмерстон умудрялся показывать королеве лишь немногие документы. Таким образом, в те годы, когда лорд был министром иностранных дел, корона была почти полностью отстранена от формирования внешнеполитического курса Великобритании.

По указанию Пальмерстона копии дипломатических депеш или отрывков из них распространялись среди членов правительства, так как по наиболее важным внешнеполитическим делам кабинет обычно выносил коллегиальные решения. Однако Пальмерстон в интересах своего видения пути решения вопроса часто скрывал от правительства некоторые документы либо давал их выборочно. Особенно тщателен он был в отборе документов для оглашения в парламенте для оправдания своего внешнеполитического курса. Специально отобранные депеши тщательно редактировались и представлялись в виде так называемых «Синих книг» (отчетов министерств, издававшихся с разрешения парламента). Справедливости ради надо отметить, что дипломатическая информация в то время в таком объеме не публиковало ни одно правительство мира. Пальмерстон также широко использовал возможности частной переписки, что позволяло ему скрывать дипломатические ходы и идеи.

В 30-40-е гг. XIX в. Пальмерстону пришлось серьезно заниматься решением «восточного вопроса» в связи с обострением турецко-египетского конфликта. Сначала восточная политика Пальмерстона завершилась полным провалом. Пальмерстон, да и весь кабинет Грея в целом, проявили недостаточное внимание к проблемам ближневосточного региона, увлекшись решением европейских дел (проблемы, возникшие в связи с французской и бельгийской революциями 1830 г., польским восстанием 1830-1831 гг.). Пальмерстон явно недооценил заинтересованность России в преобладании на Ближнем Востоке, ее способность сопротивляться британскому диктату. Россия благодаря умелым военным и дипломатическим маневрам (в частности, 8 июля 1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский мирный договор с Турцией) сумела на некоторое время получить выгодный для себя режим черноморских проливов. Британское влияние в ближневосточном регионе было подорвано. Однако под давлением торгово-промышленных кругов Великобритании Пальмерстону удалось довольно быстро скорректировать свою восточную политику. Активно вмешавшись во второй турецко-египетский конфликт (1838-1841), он добился отмены Ункяр-Искелесийского договора, восстановив авторитет Великобритании на Ближнем Востоке. Однако восточный вопрос был далек от завершения. В последующие несколько лет Пальмерстон проявлял максимум внимания к решению этой проблемы, стремясь всеми доступными ему средствами и путями не допустить восстановления российского влияния в ближневосточном регионе. Пиком его восточной политики было успешное вовлечение Великобритании в Крымскую войну в 1854 г., которая завершилась поражением Российской империи.

¹ Partridge M., Partridge K. Lord Palmerston, 1784-1865: A Bibliography. Westport (Conn.), 1994.

² Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5; Виноградов К.Б., Сергеев В.В. Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // Новая и новейшая история. 1990. № 4; Их же. Лорд Пальмерстон: на вершине политического Олимпа // Викторианцы: Столпы британской политики XIX в. Ростов-на-Дону, 1996; Сергеев В.В. Пальмерстон и революционная Европа

1848-1849 гг. // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983; Тарле Е.В.

Крымская война. Ч. I // Тарле Е.В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8.

³ См.: Виноградов К.Б., Сергеев В.В. Лорд Пальмерстон... С. 154.

⁴ См.: Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. L., 1830. Vol. 1. P. 805.

⁵ Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston. L., 1852. P. 131.

⁶ См., например: Judd D. Palmerston. L., 1976. P. 12.

⁷ Times. 1830. 22 Nov.

⁸ Там же.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 139. Л. 347.

¹⁰ Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 6 // Герцен А.И. Соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 6. С. 109.

¹¹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11:

Трактаты с Англией. 1801-1831. СПб., 1895. С. 444.

¹² Там же. Т. 12. С. 201.

¹³ Hayes P. The Nineteenth Century 1814-1880. N.Y., 1975. P. 103.

¹⁴ Opinions and Policy... P. 249.

¹⁵ Цит. по: Международные отношения на Балканах. 1830-1856. М., 1990. С. 14.

¹⁶ Billy G.J. Palmerston's Foreign Policy, 1848. N.Y., 1993. P. 16.

¹⁷ Ibid. P. 18.

Л.И. Ивонина

Война и мир в теории и практике международных отношений Вестфальской системы

Войны всегда сопровождали историю человечества, ибо были связаны с неизбежной борьбой за выживание рода, племени, затем государства; борьбой за сословное выживание и престиж, за политическое первенство и влияние. С точки зрения подхода «свой - чужой», война в самом широком смысле слова и сегодня составляет значительную часть реального содержания социума, в то время как понятие «мир» в таком контексте становится в целом умозрительным и довольно относительным в своих отдельных конкретных проявлениях.

Уже в XVI столетии в Европе стала формироваться система государств, и войны между отдельными странами перерастали в континентальные, а в XX в. они приобрели мировой масштаб. Но с 1945 г. цивилизованное человечество существует без крупномасштабных вооруженных потрясений. По словам известного французского историка П.Гениффе, «современная цивилизация позиционирует себя как цивилизация мира в противовес цивилизациям предыдущих веков, когда война была неотъемлемым элементом функционирования общества и во многом воспринималась как благо»¹. В немалой степени, например, война служила дополнительным стимулом развития промышленного производства и торговых отношений. Безусловно, и сегодня имеют место локальные конфликты, вооруженный националистический и конфессиональный сепаратизм, и, что особенно волнует жителей нашей планеты - международный терроризм. И все же общность стоящих перед государствами глобальных проблем в различных сферах жизни и невозможность их решения в одиночку формирует у ведущих государств мира потребность в объединении усилий для совместного

регулирующего воздействия на процессы дальнейшего мирового развития. Важнейшая задача этого воздействия - избежать войн в их классическом понимании (т.е. проведения внешней политики силовыми методами, приводящими к человеческим жертвам). Немалых, даже огромных усилий, будет стоить человечеству создание мирных цивилизаций.

Какими же представлялись войны мыслящим представителям прошлого в эпоху становления первой в Европе системы международных отношений? Как они соотносились с понятием «мир»? И как категории «война» и «мир» реализовывались на практике? «Нельзя понять войны, не поняв эпохи», - справедливо заметил выдающийся военный теоретик первой половины XIX в. К.Клаузевиц ². Отношения между государствами в Европе Старого порядка (вторая половина XVII-XVIII вв.) развивались в рамках системы государств, начавшей формироваться после Вестфальского мира 1648 г., венчавшего завершение первой общеевропейской войны – Тридцатилетней (1618-1648). Последняя являлась ярким выражением системно-структурного кризиса в международных отношениях на континенте, в процессе которого вся система европейских государств пришла в движение и подверглась существенной перестройке. Эта перестройка в итоге определила новую значимость каждой из политических структур и привела к созданию Вестфальской системы, фактически просуществовавшей до эпохи Французской революции конца XVIII в., хотя юридически конец системе положил Венский конгресс 1815 г.

Здесь же следует оговориться, что мы оставляем за собой право пользоваться термином «Старый порядок», не нарушая историографическую традицию для удобства изложения и восприятия. Тем не менее, вслед за представителями новой исторической науки согласимся, что понятие «Старый порядок» имеет некоторый оттенок отчуждения, обозначает существующее, реальное, через будущее, через призму Французской революции конца XVIII столетия. «Классическая Европа» - термин, несомненно, более точный для определения всех сторон жизни второй половины XVII-XVIII вв. П. Шоню определил основное содержание той эпохи как «возникновение ментальных структур будущей планетарной цивилизации в экономических, социальных и политических рамках, по-прежнему целиком пронизанных многовековыми традициями» ³. Но главное заключалось в том, что в политическом и обыденном сознании жителей континента на всем ее протяжении понятие «Европа» постепенно вытеснило понятие «христианский мир».

Не секрет, что Старый порядок в распространенном понимании ассоциируется с абсолютизмом, характеризовавшимся монополизацией власти монархами, их министрами или фаворитами, отсутствием разделения властей, централизацией и милитаризацией государства. Параллельно то было время активного государственного строительства, когда структура войны во многом определялась понятиями суверенитета и монополии на власть. Монополизированная сила государства, управлявшая подданными преимущественно военными методами и направлявшая их энергию за его

пределы, на ведение локальных и европейских войн, вела борьбу за новые территории, в оборонительных целях, за коммерческие привилегии, чаще всего обосновывая ее династической необходимостью и стремясь достичь славы и победы. Победа и слава были конечной целью любой войны, будь то оборонительной либо агрессивной. Тем не менее, династический фокус не был единственным, хотя и являлся центральным мотивом войн второй половины XVII – XVIII вв. Монархи и их министры вели колониальные войны, войны за выживание, за освобождение «братьев по вере», в целях предупреждения нападения воинственных соседей и т.д. Согласно тому же Клаузевицу, в золотой век Просвещения война сделалась предметом простого арифметико-политического расчета, когда «ненависть и вражда уже не побуждали государства к непосредственной деятельности, а война превратилась в торговое предприятие»⁴.

«Войны – спорт королей», - такова одна из известных метафор того времени⁵. Действительно, во время Вестфальской системы слава и репутация королей и их правительств, монополизировавших власть, значила очень много, и не случайно в мировой историографии очень распространенной является точка зрения, согласно которой Старый порядок и международные отношения во время Вестфальской системы определялись преимущественной военными факторами. Известный немецкий историк Й.Буркхардт говорил о войнах XVII в. как о «созидающих государство», его коллега О.Хинтце называл их движущей силой государственного строительства. Оба исследователя имели в виду то, что необходимость формирования европейской системы заставляла вести войны, которые, в свою очередь, развивали дипломатию и военное дело, а также стимулировали производство вооружений⁶. Несомненно, военные факторы во второй половине XVII-XVIII вв. были ярко выраженными – об этом может свидетельствовать анализ войн Людовика XIV, европейских конфликтов, связанных с борьбой за испанское, польское, австрийское, баварское наследства, Северной и Семилетней войн и их внутрисполитических последствий. И все же в последние десятилетия проблемы межгосударственной политики все чаще рассматриваются с разных сторон, больше внимания уделяется дипломатической процедуре, международно-правовым, географическим, культурным и ментальным аспектам⁷.

Здесь же необходимо отметить следующее. В современной историографии имеют место дискуссии по поводу наличия в переходную эпоху абсолютизма как такового, хотя противники термина «абсолютизм» приемлемой заменой этому понятию не предлагают⁸. И все же понять сторонников отрицания абсолютизма можно, если посмотреть на эпоху Старого порядка иным образом. Во-первых, в рамках абсолютистских государственных структур в то время зарождались и развивались основные естественно-правовые понятия, ставшие правовыми основами современной цивилизации. Тогда же начали формироваться первые правовые государства нового времени. Безусловно, в первую очередь процесс формирования правовой государственности начался в Великобритании и Республике Соединенных

Провинций, где в результате прошедших политических потрясений стал применяться на практике принцип разделения властей. Но и в других странах Европы имела место постепенная трансформация существующего государственного устройства, а интеллектуалы-просветители особое внимание уделяли познанию современных им процессов и совершенствованию политико-правового учения⁹.

Во-вторых, Европа второй половины XVII-XVIII вв. являлась довольно целостной системой, укрепившейся в результате Тридцатилетней войны, структуры которой были тесно связаны Вестфальскими соглашениями 1648 г. Договора в Мюнстере и Оснабрюке внедряли новые принципы взаимоотношений между государствами и давали сильный толчок развитию международного права, а его рамках – восприятию войны и мира.

Но сначала заглянем вглубь столетий. От «Ренессанса» XII века (1070-1225) канонисты, римские законники и теологи развивали доктрину справедливой войны, *bellum iustum*, основанную на сочинениях Марка Туллия Цицерона (106-43 гг. до н.э.) и Св. Августина (354-430). Наиболее классическая квинтэссенция *bellum iustum* была предложена Фомой Аквинским (1225-1274), согласно которой для ведения справедливой войны должны присутствовать три условия:

1. Начиная войну должен быть *auctoritas principis*, т.е. не признавать власть государя и самому являться сувереном. Он не мог призывать к высшей власти для оправдания своих намерений.

2. Инициатор военных действий нуждался в *causa iusta* (справедливой причине). Их было три: защита своих прав, отрицание прав, приобретенных противником незаконным путем, и ответные акции против агрессора.

3. Зачинщик войны должен являться *recta intentio*, т.е. ультимативные цели войны должны преследовать установление справедливого мира¹⁰.

Центральное место в средневековой доктрине занимала идея, что война – инструмент закона, что соответствовало духу времени, когда позитивный закон и моральное оправдание все еще считались отделенными друг от друга. Согласно установленному Богом естественному порядку, только один соперник из двух мог иметь причины для справедливой войны. Война в эпоху средневековья всегда была справедливой с одной стороны и несправедливой с другой. Эта доктрина была практической ценностью в то время, когда римский папа и император Священной Римской империи были непререкаемыми лидерами христианского мира. Реформация привела к кризису средневековых международных связей во второй половине XVI в., а каноническое право перестало быть общим источником международного права. В результате классическая доктрина Фомы Аквинского потеряла первое условие *auctoritas principis*. Территориальные государства стали представлять самостоятельную власть внутри новой формирующейся международной системы, и были судьями своих намерений вести войну и заключать мир. В итоге, «дискриминационная» концепция права войны потеряла свою основу.

В дальнейшем международное сообщество развивало моральную доктрину справедливой войны. Франсиско де Витория (1480-1546) и Альберико Жентили (1552-1603) подвергли сомнению справедливость только одной стороны в ведении войны, рассматривая войну и как юридический инструмент, и как дело этики. Более того, испанец Балтазар де Айала (1548-1684) необходимость справедливой войны относил к миру этики и не принимал ее юридическую ценность¹¹.

Безусловно, развитие международного права прямо зависело от внутренней и внешней политики государств континента, поэтому оно совершенствовалось сложно и противоречиво, наглядным примером чему были европейские войны и венчавшие их мирные конгрессы. Европейские конгрессы были исключительно важны для их прямых или косвенных участников, поскольку на практике разрабатывали основы международного права. Следует отметить, что в XVII-XVIII вв. международное право, или «право народов» понималось скорее как «право войны» (*ius ad bellum*). По сути, оно и было «правом войны» согласно Гуго Гроцию, разработавшему, как известно, правовое учение о войне и мире, много почерпнув из сочинений Айалы. Право народов, а также их естественные законы и обычаи, утверждал Гроций, отнюдь не осуждают войны. Но войны делятся на справедливые, являвшиеся ответом на правонарушение, и несправедливые, не имевшие оправдательных и побудительных причин. Войну следует вести только по необходимости, а во время войны следует стремиться к миру¹².

Такие правовые установки объяснялись тем, что во второй половине XVII-XVIII вв. войны велись почти без перерыва – если не на полях сражений, то на бумаге. Религиозно-политические и гражданские конфликты XVI – первой половины XVII вв. сменились относительным внутренним спокойствием под управлением крупных абсолютных монархий. То было время активного государственного строительства, когда война во многом определялась понятиями суверенитета и монополии на власть. По сути, война стала движущей силой развития государственных структур, бюрократизации и централизации общества. Монополизированная сила государства управляла своими подданными преимущественно военными методами и направляла их энергию за пределы государства, на ведение локальных и европейских войн. Поэтому для дополнения «права войны» «правом мира» стали необходимы мирные конгрессы. Основы современного международного права формировались в процессе корректировки либо радикальной трансформации правовой теории и практики XVI - первой половины XVII вв. В трудах юристов подчеркивалась ставшая особенно заметной в раннее новое время взаимосвязь между внешней и внутренней политикой¹³.

На практике развитие международного права началось с проблем расширения круга его субъектов в смысле полноценного участия в конгрессах республик, неправительственных организаций и торговых компаний, имевших самостоятельное значение во внешних сношениях. Фактически речь шла о равноправии субъектов международного права,

желавшими наравне с великими державами участвовать в «большой политике». Однако даже Готфрид Вильгельм Лейбниц тогда считал эти усилия напрасными, учитывая европейский династическо-правовой традиционализм. Не единожды представители республик (к примеру, Голландии, Швейцарии, итальянских государств) и имперских чинов чувствительно ставились на место согласно их рангу и титулатуре¹⁴. Это было не только следствием династическо-правового традиционализма и огромного значения церемониала в отношениях между государствами, но также и того, что не все международно-правовые проблемы могли быть разрешены с первой, со второй или даже с третьей попытки.

В международно-правовых дискуссиях XVIII в. само понятие международного права представлено в нескольких ипостасях: «европейское право народов» (*Ius Publicum Europaeum*) и «естественное право». В принципе, наиболее употребительным в Нидерландах, Германии, Великобритании, Италии, Испании и других странах являлся термин «европейское право народов». Понятие «европейское право» возникло на основе толкования «естественного права» как естественной необходимости войны и тезиса «войны всех против всех» (Т. Гоббс), признания существования в международных отношениях единой естественно-правовой системы (Э. де Ватель), и теории *civitas maxima*, т.е. мирового правового порядка, установленного ведущими европейскими династиями (Х. Вольф). Все эти авторы полагали, что война должна быть инструментом, свободно используемым суверенными державами и защищавшим их права и государственные интересы. В мирное время каждый правитель должен иметь крепости и гарнизоны на границах своего королевства, чтобы иметь возможность в любой момент защитить своих подданных. Государства в равной степени могли обосновывать свои права и намерения, а когда мирные аргументы оказывались исчерпанными, война становилась единственным политическим инструментом для защиты государственных интересов¹⁵.

На рубеже XVII-XVIII вв. Европа вновь представляла континент с ускоренным движением, континент в поисках стабильности, все больше осознававший необходимость совершенствования старых и выработки новых норм и механизмов разрешения конфликтов. Несмотря на достаточную уверенность в своих положениях, теоретиками международного права без сомнений принималось то обстоятельство, что «право народов» в XVIII в. уже требовало целого ряда уточнений, которые на протяжении столетия готовились в теории и пытались реализовываться на практике – в работе европейских конгрессов. Ведь уже во времена Гроция европейская международно-правовая практика столкнулась с необходимостью выработки принципа свободы морей, неприкосновенности и экстерриториальности дипломатов и т.д. Тем не менее, как видно из дипломатических документов, только в начале XVIII в., когда становление Вестфальской системы подходило к концу, дипломаты впервые столкнулись с формулой «Европа» как идеологической основой международного права, державшей в равновесии всю систему государств¹⁶.

На долгие месяцы Конгресс в Утрехте 1713 г., где велись мирные переговоры о завершении войны за испанское наследство (1701-1714), фактически стал центром христианского мира. Не случайно поэтому духовник мадам де Ментенон аббат де Сен-Пьер в своем «Проекте создания вечного мира в Европе», опубликованном как раз во время работы Конгресса, предложил сделать Утрехт столицей европейской международной организации, т.е. фактически предложил создать единое правительство для решения проблем внешней политики. В своем «Проекте всеобщего мира» Сен-Пьер вполне в духе века Просвещения полагал, что отношения между государствами копируют отношения между отдельными людьми (это положение впоследствии оспаривал Жан-Жак Руссо), и если люди должны быть в идеале законопослушны, то и отношения между различными суверенными державами должны подчиняться международному праву, вырабатываемому на основе договоров и соглашений. Каждый государь не должен быть «жертвой своей свободы» держать или не держать свои обещания. Пожалуй, в сочинении французского аббата впервые прозвучал тезис единой Европы. Сен-Пьер не был, к сожалению, понят большинством своих современников, которые усматривали в его «Проекте» лишь утопию, однако его мысль реализовалась спустя два столетия, в эпоху создания Лиги Наций и ООН ¹⁷.

Следует заметить, что именно тогда, во время работы Конгресса в Утрехте, а также последовавших за ним мирных конференций в Раштатте и Бадене (1714) был сформулирован на бумаге, хотя на практике использовался много раньше, известный принцип «равновесия сил». Переведенный на общеевропейский уровень, он превратился в основную правовую доктрину отношений внутри Вестфальской системы в век Просвещения. Познание войны сказалось на практике - в войнах XVIII в. стали больше цениться права и жизнь человека, а для сохранения баланса сил заключались союзы против потенциального агрессора, строились оборонительные сооружения на границах ¹⁸.

В XVIII столетии в различных кругах общества широко распространяются и обсуждаются понятия «равновесие», «общий интерес» и теория «республиканизации» континента, тесно связанные с концептом «мир». Но парадигма войны оставалась основой отношений между государствами. Самый радикальный из французских просветителей Ж.-Ж.Руссо, споря с Гоббсом, утверждал, что война не есть естественное состояние человечества. Но, тем не менее, гражданское состояние человечества является ею, т.е., войной, по той простой причине, что «...поведение гражданских обществ производит войну и состояние войны. Война поэтому есть отношение не между индивидуумами в естественном состоянии, но между государствами, формируемыми движением людей к гражданским обществам». Руссо признавал, что война проистекает не из агрессивных начал человека, а из требований политической борьбы и совершенствования общества ¹⁹. Неудивительно, что руссоизм в обосновании войны и террора был взят на вооружение во время Великой Французской революции.

Вместе с тем, Руссо, как человек противоречивый в личном плане, был столь же противоречив и в своих высказываниях и поступках. Он, пожалуй, сделал первую и наиболее амбициозную попытку систематизировать и проанализировать идеи и схемы аббата де Сен-Пьера. В результате между 1754 и 1756 гг., после тщательного изучения большой коллекции сочинений и заметок Сен-Пьера француз изложил собственную версию основных работ аббата, одновременно и одобряя, и споря с ним²⁰.

И все же, несмотря на исключительное разнообразие политико-правовых теорий, стремящихся познать и улучшить действительность, европейский порядок XVIII в. не отличался большой фантазией и новаторским потенциалом. Государственная воля влияла на международное право, и нередко политическое искушение, основанное не столько на королевском капризе, сколько на конкретных государственных потребностях, в конечном итоге оказывалось сильнее, чем верность данным ранее обязательствам, что показала смена альянсов и расстановка сил накануне Семилетней войны (1756-1763).

Примечательно, что уже в XVIII в. понимание европейского единства посредством «права народов» могло оказывать определенное влияние на внутривнутриполитическую игру монархов и их правительств. Переговоры и международное «право мира» могли не только устанавливать мирные отношения между государствами, но и стабилизировать в них внутреннюю ситуацию. В значительной степени этому способствовало появление новой научной дисциплины – статистики, т.е. информации о народонаселении, состоянии армии и военно-морского флота, экономическом положении страны. В век Просвещения переговаривавшиеся между собой государства имели представление о «силе» соперника по большей части именно благодаря развитию статистики. В значительной степени последняя была обязана своим появлением и развитием дипломатам и тайным агентам. Решая свои непосредственные задачи, представляя своих правителей и ведя переговоры, параллельно собирали информацию о потенциальных военных противниках и таким образом делали эту новую дисциплину понятной и нужной для государей²¹.

Для понимания концепции войны в эпоху Старого порядка важно отметить еще одно обстоятельство. Довольно распространенная современная интерпретация ограниченной в средствах и в разрушительной силе войны того времени (т.н. «куртуазной» войны) выглядит менее справедливой, когда рассматривается в исторической ретроспективе. Военные технологии не могут анализироваться вне временного контекста, и, по сути, излагать историю войн с позиций современного разрушительного уровня развития военного потенциала неисторично. Любопытный пример: многие современные государства, включая сюда и супердержавы, тратят пропорционально меньше из общей суммы бюджета на оборону, чем это было в Европе XVII века. Стоит только вспомнить Пруссию при Фридрихе Вильгельме I (1713-1740) и Фридрихе II (1740-1780), когда на военные нужды уходило до 80 % бюджета. Если абстрагироваться от нынешнего

состояния технологического и промышленного производства, то военные возможности армий Классической Европы предстают в новом свете ²².

С другой стороны, было ли милитаризованным, в отличие от государства того времени, европейское общество во время существования Вестфальской системы? В ходе Французской революции и после нее в либерально-демократических работах войны Вестфальской системы чаще всего представляли в черном свете, а степень милитаризации общества преувеличивалась. На самом деле население европейских стран, имевшее опыт военной жизни (т.е. рекруты и наемники), достигало во время войн Классической Европы 3% от общей численности, а в мирное время армии большинства государств составляли половину этого процентного соотношения. Такие пропорции вполне сравнимы с уровнем следующего, XIX столетия ²³. Да и тот факт, что большинство солдат происходило из бедных или неимущих слоев, тогда как офицеры набирались из узкой привилегированной элиты, также может быть оспорен. Определенно, военные пути решения государственных проблем были выгодны аристократии, которая восстановила свой контроль над командными постами в армии в конце XVII – начале XVIII вв. в большинстве европейских государств, значительно потеснив офицеров недворянского происхождения. Правда, последние составляли значительную пропорцию среди капитанов военно-морского флота. Аристократическая монополия на офицерские посты обеспечивала защиту дворянских привилегий, особенно в Центральной и Восточной Европе, и стала частью абсолютистских государственных структур. Можно согласиться, что это особенно было характерно для той же Пруссии, которой, тем не менее, общеисторические факторы обеспечили будущее господство в Германии. Прусское дворянство господствовало на командных постах и в администрации, участвовало в наборе армии, а государственная оборона практически оказалась в руках узкой социальной элиты. При этом прусская монархия умудрялась в век Просвещения проводить ряд довольно прогрессивных реформ, являвшихся частью постепенного формирования правового государства в немецких землях ²⁴.

В принципе, хотя уже в первой трети XVIII в. парадигма общеевропейского государственного интереса и соблюдения принципа равновесия сил овладевает политической мыслью континента, «право войны» по-прежнему оставалось основным содержанием международно-правовых теорий этого столетия, а сама война являлась практически повседневной реальностью жителей Европы. Исключение войны как основной категории из международного права являлось мечтой теоретиков и мыслителей, мечтой, перешедшей в последующие столетия. В связи с этим становится ясным скепсис большинства просветителей в отношении политики силы и войн, непрерывно проводимых европейскими правителями Старого порядка.

Тем не менее, международно-правовые концепции Вестфальской системы внесли заметный вклад в практику ведения войны. В первую очередь, существенные трансформации проявились в государственной монополии на военную силу и консолидации последней в постоянных войсках на суше и

море, а также в бюрократической инфраструктуре. Это изменило как природу самой армии, так и самой войны. В рамках международного права были проведены четкие границы между межгосударственными и внутригражданскими конфликтами, последние же стали относительно редким явлением. Сила армий Классической Европы была направлена, прежде всего, против внешней опасности, в то время как внутренние противоречия встречали стремление правительств погасить их с помощью разнообразных и более мирных средств.

И в качестве заключительного аккорда опять обратимся к современности. Одним из самых значительных расхождений между войнами Вестфальской системы, да и войной «по Клаузевицу», опиравшемуся на предшествовавшие ему концепции войны и мира, является следующее. Согласно рассмотренным нами международно-правовым теориям и Клаузевицу война должна завершаться заключением мира, означающим, что одна из воюющих сторон сломала «волю» противника²⁵. Увы, современная война, а которой противником все чаще становится терроризм, по определению более жестока: с террористами мира не заключают. Торжество рациональности и цивилизованности мира оборачивается, таким образом, максимизацией насилия по отношению к тому, кто не хочет играть по предлагаемым господствующей цивилизацией разумным правилам.

---

¹ Международная конференция «Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте»//Новая и новейшая история. 1. 2007. С. 248-251.

² Клаузевиц К. фон. О войне. М.-СПб., 2002. Т.1. С. 3.

³ Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 10-11.

⁴ Клаузевиц К. фон. Указ. соч. Т. II. С. 400; Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne. 1650-1800. Stuttgart, 2003. S. 67.

⁵ Цит. по: Duchhardt H. Europa... S. 25.

⁶ См.: Duchhardt H. Europa... S. 68; Wilson P. Warfare in the Old Regime 1648-1789//European Warfare 1453-1815/Ed. by J.Black. Basingstoke and L., 1999. P.70.

⁷ Schilling H. Der Westfälische Friede und das neuzeitliche Profil Europas//Der Westfälische Friede. Munchen, 1998; K.O. von Aretin. Das Reich. Friedensordnung und Europaisches Gleichgewicht 1648-1804. Stuttgart, 1992; Jones J.R. Marlborough. Cambridge, 1993; Black J. Eighteenth Century Europe 1700-1789. L., 1999; Frost R.I. The Northern Wars 1558-1721. L., N.Y., 2000. P. 18-19.

⁸ См.: Henschall N. The Myth of Absolutism. Change and Community in Early Modern European Monarchy. L., N.Y., 1992.

⁹ Grewe W.G. Epochen der Folkerrecht Geschichte. Baden-Baden, 1984. S.328; Press V. Das Alte Reich. Hrsg. von J.Kunisch. Berlin, 1997. S. 63.

¹⁰ Lesaffer R. War, Peace, Instate Friendship and the Emergence of the ius publicum europaeum//Frieden und Krieg in der Fruhen Neuzeit. Hrsg. Von R.G.Asch, W.Erkart Voss und M.Wrede. Munchen, 2001. S. 78-81.

¹¹ Ibid. S. 82-83.

¹² Гуго Гроций. О праве войны и мира. М., 1956. С. 68, 87, 187, 527.

¹³ Grewe W.G. Epochen der Folkerrecht Geschichte. Baden-Baden, 1984. S.330.

¹⁴ Duchhardt H. Europa... S. 73-76.

¹⁵ Ibid. S. 77; Lesaffer R. War, Peace, Instate Friendship... S. 91-92.

¹⁶ См., например: British Diplomatic Instructions.1689-1789. Vol.1/Ed. by J.Chance, L.Legg and L.Wickham/ L., 1925. P. 100-109, 114,201; A General Collection of Treaties, Declaration of War, Manifestoes and other public relating to peace and war. L., 1932. P. 77-79, 98-100.

¹⁷ Saint-Pierre abbe de. Projet pour rendre la paix perpetuelle en Europe/Par S. Gyard-Fabre. P., 1981. P. 5, 121-122, 178; Perkins M.L. The moral and political philosophy of the Abbe de Saint-Pierre. Geneve, Paris, 1959. P. 3-4, 58-59.

¹⁸ Mullenbrock H.J. The Culture of Contention. A Rhetorical Analysis of the Public Controversy about the Ending of the War of the Spanish Succession, 1710-1713. Munchen, 1997. P. 115; Anderson M. War and society in Eighteenth century Europe. L., 1999. P. 79-80.

¹⁹ Rousseau J.-J. The State of War//Rousseau on International Relations/Ed. by S.Hoffman, D.P.Fidler. Oxford, 1991. P. 33-47.

²⁰ Rousseau J.-J. Les Confessions. Paris, 1927. II. P. 244-245, 263-266.

²¹ Duchhardt H. Op.cit. S. 80-81.

²² Wilson P. Warfare... P. 73.

²³ Ibid. P. 77.

²⁴ Ibid. P. 78.

²⁵ Клаузевиц К. фон. Указ. соч. Т. I. С. 53.

В.Б. Кацай

Женевская декларация как альтернатива югославянского объединения в 1918 году

С основанием Народного вече словенцев, хорватов и сербов (СХС) в Загребе, так же как и с провозглашением Государства СХС 29 октября 1918 года, сложилась новая политическая ситуация в связи с появлением единого государства южных славян Австро-Венгрии. Сербское правительство оказалось в новой ситуации, так как фундаментальные принципы создание объединенного южнославянского государства пришлось вновь обсуждать на новой конференции, да еще и с новой политической силой. Теперь, несмотря на Югославянский комитет (созданный при огромном влиянии и поддержке Сербского правительства и зависимый от него финансово), Сербскому правительству пришлось вести новые политические переговоры с гораздо более крепким и независимым политическим институтом, который не зависел от Сербского правительства ни с политической, ни с финансовой точки зрения. Кроме того, Народное вече было реальным политическим представителем южных славян Австро-Венгрии и фактически правительством новопровозглашенного государства. Таким образом, в сущности, грядущие политические переговоры должны были проходить между двумя государствами: Королевством Сербия (международно признанным) и Государством СХС (не признанным с точки зрения международного права и с сербским большинством). Главной целью грядущих переговоров с Сербским правительством со стороны Народного вече было изменить решения Корфской декларации относящиеся к тому какой тип правления будет новом государстве. С другой стороны, главной целью Сербского правительства было сохранить все резолюции Корфской декларации принятые с Югославянским Комитетом.

Женевская конференция, как финальная стадия переговоров, так же как политические соглашения в отношении создания объединенного южнославянского государства, проходила с 6 по 9 ноября 1918 года.

Формально на ней присутствовали четыре различные политические группы: Сербское правительство (представленное его премьер-министром и Министром иностранных дел - Николой Пашичем), Народное вече в Загребе (А. Корошеч, Г. Жерьяв и М. Чингрия), Югославянский комитет в Лондоне (А. Трумбич, Г. Грегорин, Д. Василевич, Н. Стоянович, Я. Банянин) и Парламентская оппозиция Сербии (М. Драшкович, В. Маринкович и М. Трифкович). По сути дела это были переговоры между сильнейшими политическими силами: Сербским правительством, во главе с Пашичем с одной стороны и Народным вече СХС, представленным их председателем, словенским священником Доктором Антуном Корошецем с другой стороны. Партии Парламентской оппозиции Сербии во время войны поддерживали все требования Югославянского комитета, так же как с октября 1918 года требования Народного вече в Загребе. Они даже открыто угрожали Сербским властям, что в случае полного несогласия между Пашичем и Югославянским комитетом они поддержат последний. Это было главной причиной, почему Народное вече и Югославянский комитет настаивали на том, чтобы оппозиционные партии Сербии должны принять участие в конференции. С точки зрения законности, ни Югославянский комитет, ни сербские оппозиционные партии не должны были присутствовать на ней. Однако сербский премьер-министр, как единственный представитель Сербского правительства понимал эту конференцию, только лишь как провозглашение единства и солидарности всех южных славян, заинтересованных в объединении, перед лицом стран Антанты, что было важнейшей задачей перед грядущей мирной послевоенной конференцией. С этой точки зрения, Пашич пользовался огромной поддержкой президента Франции Раймонда Пуанкаре, который был заинтересован в том, чтобы все южные славяне объединились в одном государстве. После Женевской конференции Пашич сообщил регенту Сербии, что британские и французские дипломаты позволили ему подписать новую декларацию в Женеве¹.

Интересен тот факт, что именно Югославянский комитет созвал эту конференцию, в частности его президент А. Трумбич. То есть конференция была созвана по инициативе организации, которая не играла важной политической роли во время переговоров. Официально, согласно предложению Трумбича, конференция была созвана для того, чтобы «все действующие лица, принимавшие участие в принятии Корфской декларации, а также представители «Черногорского Комитета» и оппозиционные партии Сербии приняли участия в создании национального союза». Это означало, что решения грядущей конференции должны быть основаны на решениях уже принятых ранее. В сравнении с Корфскими переговорами, где Пашич играл лидирующую роль, на Женевской конференции он столкнулся с сильной объединенной политической силой, которую представляли все остальные делегаты конференции. Национальный состав участников был 6 сербов, 3 хорвата и 3 словенца.

Результатом Женевских переговоров и конференции было принятие декларации, подписанной всеми четырьмя делегациями. На первом месте в решениях Женевской декларации стояло то, что решение об объединении сербов, хорватов словенцев в единое неделимое государственное образование, как члена сообщества свободных народов, должно было быть провозглашено всему миру. Это заявление было сделано в духе Корфской декларации. В качестве особого условия, оговаривалось то, что "объединенное министерство сербов, хорватов и словенцев" должно было быть создано в качестве временного правительства до созыва Учредительного собрания. Одним из наиболее значимых решений было то, что и Сербское правительство, и Народное вече в Загребе «продолжат выполнять свои задачи, каждый в своей внутренней правовой и территориальной области, используя текущий порядок, вплоть до окончательной организации государства...»².

Исходя из текста Женевской декларации можно сделать следующие выводы. Во-первых, Сербское правительство официально признало Народное вече, как равный ему политический фактор в процессе объединения. Во-вторых, Сербское правительство признало тот факт, что Национальный Совет вытеснил Югославянский комитет как представителя института южных славян в дуалистической монархии. В-третьих, сербское правительство признало существование Государства СХС и Народного вече, как его законное правительство. И, наконец, и сербское правительство, и Народное вече как равные политические партнеры будут управлять новым государством, до того момента, как будет организовано совместное министерство.

Возможно наиболее значимым решением Женевской декларации для обеих сторон было заключение, что Югославянская законодательная ассамблея должна принять окончательное решение по поводу того какой тип правления будет в новом государстве: монархия или республика. Этот параграф декларации вызвал наибольшие разногласия. Слабость сербского премьер-министра во время переговоров в Женеве доказывает тот факт, что ему не удалось достичь успеха в обсуждении вопроса о форме правления нового государства, тогда как во время Корфских переговоров было решено, что оно станет монархией с сербской королевской династией во главе. С этой точки зрения, Женевская декларация, пересмотрев решения Корфской, стала огромной политической победой Народного вече. То есть, Народное вече при поддержке партий парламентской оппозиции Сербии вынудил Пашича признать существование государства южных славян Австро-Венгрии с центром в Загребе как политического представителя всех югославян в дуалистической монархии. Целью вече было то, что такое Югославянское государство с политическим центром в Загребе образует союз с Королевством Сербии до созыва Югославянской Законодательной Ассамблеи. Следовательно, Народное вече в Загребе станет законным представителем сербов Австро-Венгрии - но сербское правительство принять это не могло.

На конференции стало очевидно, что место выразителя интересов всех южных славян Австро-Венгрии, которое приписывал себе Югославянский комитет, заняло Народное вече.

Согласно соглашениям в Женеве, новое государство южных славян должно быть создано как Сербо-Хорватская Югославия и основано на дуалистической форме внутренней организации, подобно Австро-Венгрии. Если подвести краткий итог, то Женевская декларация для будущей Югославии должна была стать, тем, чем было соглашение 1867 года для Габсбургской Монархии (Австрии и Венгрии), которая будет образована из двух конфедеративных государств.

Таким образом, во время переговоров в Женеве, Никола Пашич был вынужден пойти на некоторые политические уступки Национальному Совету. Во-первых, Пашич признал так называемое "временное состояние", которое должно было существовать с момента учреждения единого министерства до провозглашения новой Югославянской конституции. Во-вторых, он принял дуалистическую модель правительства, на период существования "временного состояния". И, наконец, самое главное, он оставил вопрос о типе правления будущего государства открытым - вопрос, который должна будет решить новая Югославянская конституция. Фактически именно это и стало главной причиной, по которой регент Сербии Александр Карагеоргиевич не ратифицировал Женевскую декларацию, так как он склонялся в пользу решений, принятых на Корфской конференции ³. Он выступил с резкими возражениями, так как отвергал малейшие уступки Югославянскому комитету и Народному вечу и считал, что Н. Пашич превысил свои полномочия. Он поручил С. Протичу, заместителю премьер-министра, послать Пашичу соответствующую телеграмму, выразив свое несогласие с принятыми в Женеве решениями. В телеграмме говорилось, что «Югославянские политики были освобождены благодаря сербам и союзникам, однако духовно они остались в неволе. Они в идеологии Австро-Венгрии» ⁴.

25 ноября 1918 г. Протич направил сообщение представителям Народного вече - Корошецу и Чингринье, через телеграмму сербского посланника в Лондоне Й. Йовановича. В телеграмме говорилось следующее:

«наши братья должны решить между собой принимают они или нет честно, однозначно, чисто, национальное и государственное единство в форме современной, конституционной, парламентской и демократической монархии во главе с династией Карагеоргиевичей. Мы дарим нашим братьям за пределами Сербии свободу выбора меж собой.

Если они принимают это, то будет образовано государственное и национальное объединение и так будет хорошо; если они откажутся и не примут пунктов Корфской декларации, то это будет потеря о которой мы будем сильно сожалеть, но в таком случае каждый пойдет своей дорогой: сербы с сербами, а хорваты и словенцы - с хорватами и словенцами» ⁵.

С другой стороны, Народное вече в Загребе также отказалось признать Женевскую декларацию. Формальной причиной для этого был тот факт, что

делегация вече в Женеве не была уполномочена вести переговоры о форме правления нового государства. Дело в том, что оно вело в это время борьбу против экспансии Италии в бассейне Адриатики и было заинтересовано в привлечении на свою сторону Сербии, которая оказывала нажим на Загреб, требуя отказа Народного вече от союза с Югославянским комитетом и обещая включить представителей вече в состав своего правительства. С. Прибичевич, заместитель председателя Народного вече, получил 16 ноября следующую телеграмму от сербского министра М. Нинчича, уполномоченного Александром вести переписку с Загребом: «В Женеве приняты решения, которые не могут удовлетворить Сербию. Сербское правительство считает необходимым установить непосредственную связь с правительством Народного вече и положить конец гегемонии Югославянского комитета. Целесообразно создать объединенное правительство, нельзя допустить образования федерации по примеру бывшей Австро-Венгрии»⁶.

Из Загреба в Белград для переговоров выехала миссия Народного вече во главе с Л. Поповичем, а в Женеву была отправлена телеграмма, в которой выражалось несогласие с позицией Корошеца.

Участники женевской встречи по-разному отреагировали на эти телеграммы. Н. Пашича, опытного дипломата и ловкого политика, нисколько не смутил окрик Белграда и афронт Загреба, он даже использовал создавшуюся ситуацию в своих целях. Пашич известил Корошеца и Трумбича о невозможности придерживаться женевских решений и, посетив Кэ д'Орсе, поставил перед С. Пишоном и Ф. Бертело вопрос о необходимости вернуться к идее создания «Великой Сербии». Он ловко использовал телеграмму С. Прибичевича А. Корошецу, заявив, что против создания общегославянского правительства возражает само Народное вече.

Таким образом, Женевская декларация была последней альтернативой югославянскому объединению в виде Королевства сербов, хорватов и словенцев, созданного 1 декабря 1918 г. Однако, несмотря на все старания Народного вече и Югославянского комитета, объединительный процесс развивался по сценарию сербского правительства, выработанному еще в 1917 г. на Корфской конференции.

¹ Sotirović V. Creation of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, 1914-1918.- Vilnius, 2007, p. 105-107.

² Екмечић М. Стварање Југославије. 1790-1918. Т.2. Београд, 1989, с. 150-151

³ Janković D., Krizman B. Jankovic D. Grada o stvaranju Jugoslovenske države 1.I-20.XII 1918, vol. II, - Beograd, 1964, s. 541-553

⁴ Mitrović A. Srbija u Prvom svetskom ratu. Beograd, 1984, s. 559

⁵ Там же, с. 562.

⁶ Екмечић М. Стварање Југославије. 1790-1918. Т.2. Београд, 1989, с. 163-164

Проблема стереотипов в исследовании межкультурных коммуникаций

В последние годы тема межкультурных коммуникаций стран Запада и России становится одной из востребованных в отечественной науке. Между тем, проблема взаимовосприятия культур, занимающая одно из важных мест в данной теме, остается еще недостаточно изученной историками. Отсутствуют обобщающие труды, незначительно число индивидуальных монографий, немного теоретических работ. Подобное положение вещей складывается, на наш взгляд, во многом из-за недостатка методики исследования, которая имеет как общие, так и специфические черты. На данном вопросе мы и хотели бы остановиться подробнее.

Если говорить об общей методологии исследования указанной темы, то здесь приходится следовать традиционным направлениям: принципы историзма, системный подход, сравнительно-исторический, лингвистический, социологический, системно-структурный, историко-хронологический. Особую ценность может представлять эпистемологический анализ, позволяющий выяснить степень адекватности отражения процессов происходящего в восприятиях представителей другой культуры (иновосприятия).

Наряду с общими законами, изучение межкультурных коммуникаций требует особых методик, отвечающих целям и задачам исключительно данной темы исследования. Восполнить существующую лакуну позволяет такое инновационное научное направление, как имэджинология - комплексная обществоведческая дисциплина, находящаяся на стыке истории, культурологии, социологии, политологии, психологии, которая изучает взаимовосприятие народами друг друга, механизмы формирования внешнеполитических стереотипов, причины смены тех или иных этнических характеристик, особенности восприятия образов стран. Данное научное направление возникло на Западе в 1970-х годах. Саму же идею о необходимости всестороннего изучения имиджа – образа, представления, которое складывается у одного народа о других народах, впервые выдвинули еще в первой четверти XX столетия французский социолог Ж. Ле Бон и известный американский публицист и социолог У. Липпман. «Первооткрывателями» имэджинологии в России стали ученые Л.А. Зак, Н.А. Ерофеев, С.В. Чугров¹. Как всякое новое направление имэджинология еще не имеет устоявшихся отлаженных механизмов и методик, о чем можно судить даже по его терминологии. В настоящее время используются такие термины, как имэджинология, имагология, имиджинология, имиджология.

Следует обратить внимание на то, что изучение восприятия России на Западе представляется чрезвычайно важным для понимания нашей страны и ее народа, поскольку, по мнению современного ученого А.В. Павловской, с одной стороны, «позволяет взглянуть на Россию как бы со стороны, дает

свой особый взгляд на русские проблемы, помогает увидеть те стороны русской жизни и русского национального характера, которые часто вольно или невольно, остаются незамеченными самими русскими». В то же время восприятие России Западом, «дает дополнительный ключ к пониманию западной цивилизации и национальных характеров тех народов, которые смотрят на Россию и оценивают ее»².

Если в зарубежной науке к имэджинологии ученые активно обращались с середины 1970-х годов, то в России лишь в последние годы стали появляться работы, которые посвящены механизмам формирования, функционирования, динамике изменения внешнеполитических представлений и стереотипов. Как отмечает А.В. Голубев, «актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире, трудно переоценить». Ученый подчеркивает: «Подобный подход к осмыслению отечественной истории в контексте мировой через призму противоречащих друг другу ментальностей и идентичностей позволяет вскрыть глубинные смыслы культуры, неочевидные для современников соответствующих событий и явлений, но выражающие своего рода историческое подсознание эпохи»³. Как видно, важность и актуальность исследований, связанных с межкультурными коммуникациями стран Запада и России, не вызывает сомнений.

Важной составляющей имэджинологии являются стереотипы. Впервые термин «стереотип» (греч. stereos – твердый, typos - отпечаток) был введен в научный оборот американским ученым У. Липпманом. В книге «Общественное мнение» (1922 г.) он предпринял попытку определить место и роль стереотипов в системе общественного мнения. Под стереотипом Липпман понимал особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные чувств индивидуума до того, как эти данные дойдут до его сознания⁴. По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий мир во всей его противоречивости, как бы создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Индивидуум имеет свое собственное представление о большинстве вещей еще до того, как соприкасается с ними в жизни. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения человека: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей ... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов»⁵. Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического окружения. Липпман не только ввел в научный оборот термин «стереотип», дал ему определение, но и подчеркнул важность этого явления. «Система стереотипов, - писал он, - возможно, является стержневой в нашей личной традиции, она защищает наше место в обществе, ... а также сохраняет время в нашей занятой жизни и помогает нам спастись от сбивающих с толку

попыток увидеть мир устойчивым и охватить его целиком»⁶. А.В. Павловская, анализируя работу Липпмана, обращала внимание на тот факт, что ученый связывал устойчивость стереотипов с их передачей из поколения в поколение, а потому и их восприимчивость «как данность, реальность, биологический факт». «Если же личный опыт противоречит стереотипу, чаще всего происходит одно из двух: человек негибкий, незаинтересованный по каким-то причинам в изменении своих взглядов, либо просто не замечает этого противоречия, либо считает его исключением, подтверждающим правило, и обычно просто забывает о нем. Человек же восприимчивый, любознательный при столкновении стереотипа с реальностью изменяет свое восприятие окружающего мира». Липпман, подчеркивала А.В. Павловская, не считал стереотипы однозначно ложными представлениями. По его мнению, стереотип может быть правдой, или частично правдой, или ложью⁷.

В 1920-30-е гг. в США появился ряд работ, посвященных преимущественно проблемам общественного мнения, продолжающих разработку теории стереотипов. Так, социолог Р. Бинкли называл стереотип «величайшим всеобщим знаменателем»⁸. По его мнению, наличие стереотипов позволяет обывателю адекватно оценивать политическую ситуацию, слишком сложную для его анализа и слишком удаленную от сферы его деятельности. В другой работе, вышедшей в конце 1930-х гг., ученый рассматривал два мира, в которых живет каждый человек. Один из них – «внешний мир» – включает в себя то, что с нами происходит, то, что мы сами видели, чувствовали, оценивали. Этот мир невелик. Большую же часть знаний о мире мы получаем из различных источников через язык, что и образует так называемый «вербальный мир». Соотношение между этими мирами такое же, как между картой и той реальной территорией, которую она представляет.

Американские ученые Д. Кац и К. Брейли в 1933 г. дали следующее определение стереотипам: «Этнический стереотип – это устойчивое представление, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать»⁹.

Современный британский историк Э. Кросс несколько иначе трактовал происхождение термина «стереотип». Он рассказывал о том, как в конце XVIII века была изобретена монолитная печатная форма – пластина, давшая возможность печатать с нее большое количество копий, которая и получила название «стереотипа». «Вскоре, – продолжал ученый, – это слово превратилось в эпитет, смысл которого вышел далеко за рамки печатного дела». Однако, только в XX в. данный термин получил широкое распространение, «в основном, в уничижительном смысле». В «Оксфордском словаре английского языка» сказано, продолжал ученый, что этим словом стали обозначать «предвзятое и чересчур упрощенное общее представление о характеристиках, типичных для человека, ситуации и т.д., а также человека, который представляется в значительной степени соответствующим некоему типу»¹⁰. Как видно, уже в самом определении

понятия «стереотип» заложен некий негативный смысл в отношении к обсуждаемому предмету, в данном случае – представителям другой страны или национальности.

В большинстве словарей также отмечается, что слово «стереотип» имеет негативное значение. Словарь-справочник по психологии, составленный Майком Кордуэллом, о котором упоминала в своей диссертации Л.В.Белгородская, дает следующее определение стереотипа: «Стереотип – жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными; обычно они содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений». Если же анализировать стереотип как представление, основанное на предрассудках, то через призму последних можно определить стереотип как предвзятое отношение к кому-либо на основе его принадлежности к конкретной группе или категории. Здесь подразумевается наличие категоричной оценки – либо позитивной, либо негативной, но в психологической литературе обычно имеются в виду негативные установки по отношению к данному человеку или группе ¹¹.

Как мы упоминали, российские ученые впервые обратились к проблемам имэджинологии в 1970-е годы. Работы Л.А. Зака, Н.А. Ерофеева сделали по сути дела основополагающими для исследователей темы инновосприятия культур. В 1990-2000-е годы проблема межкультурных коммуникаций сделалась особенно востребованной в отечественной науке. Статьи А.К. Байбурина, Л.З.Копелева, С.В. Чугрова, А.В. Павловской, В.С. Елистратова, Ю.И. Игрицкого, С.В. Оболенской, М.М.Филипповой, А.В.Голубева, П.С. Куприянова и ряда других ученых заложили основу для методологии исследования данной темы. Особую роль в обсуждении дискуссионных проблем, связанных с имэджинологией, сыграли «круглые столы», проводимые с 1994 по 2010 гг. Институтом российской истории РАН на тему: «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия», а также международные конференции «Россия и Запад: диалог культур», организованные факультетом иностранных языков МГУ под руководством А.В. Павловской.

Большое внимание современных исследователей чаще всего привлекает проблема стереотипов, причем среди ученых отсутствует единая позиция относительно понятийного аппарата, а также правомерности его использования. В научной литературе можно встретить различные термины: национальные стереотипы, этнические предрассудки, этнические представления, национальные образы и другие, выражающие по сути дела одно и то же явление. Одним из первых, в 1960-х годах определение стереотипов как «чувственно окрашенные социальные образы» дал В.А.

Ядов ¹². На взгляд С.В. Чугрова, подобное определение несовершенно, поскольку в нем «акцент переносится на эмоциональную природу стереотипов, но в тени остается такой важный признак, как схематичность». Анализируя понятие стереотипа, представленное психологами, С.В. Чугров обращал внимание на их сходную позицию в том, что «стереотипы – особый класс установок, концентрированное выражение социальной установки. Установка – это психологическая основа стереотипа, готовность воспринимать что-либо определенным образом, в определенном свете, в зависимости от предшествующих восприятий. Таким образом, - продолжал Чугров, - стереотипы воплощают в себе специфическое выражение ценностей, единообразное отношение к объекту. Иначе говоря, если ценность мы примем за норму, то стереотипы тогда можно назвать нормой восприятия нормы, так сказать, «нормой в квадрате», то есть формулой» ¹³. Ученый призывал не смешивать понятия образов, стереотипов и представлений. Он подчеркивал, что представления об окружающем мире традиционно рассматривались у нас как «особый вид психического отражения объективной действительности». Образ – это «отражение явления во всем его доступном человеку многообразии, богатстве оттенков и противоречивости». Что касается понятия стереотипа, то здесь Чугров солидарен с авторами «Социальной психологии», утверждающими, что стереотип – это «схема, лишь фиксирующая некоторые черты явления, иногда не существующие, а приписываемые ему субъективно» ¹⁴.

Подробно останавливался на происхождении терминологии, относящейся к представлениям одних народов о других – этнических представлениях - Н.А. Ерофеев. Он утверждал: «Этническое представление – это словесный портрет или образ чужого народа. Обычно считается, что в таких портретах правильно запечатлены наиболее существенные особенности каждого народа... Стереотип – застывшее изображение, механически воспринятое и некритически усвоенное». Для сравнения ученый предлагал формулировки понятия стереотипа, представленные другими учеными. К примеру, западный психолог О. Клайнберг определял стереотип как «аутистическое (бегущее из реального мира в область фантазии) мышление, независимое от внешней реальности». Советский философ И.С. Кон полагал, что этнические стереотипы «воплощают присущие обыденному сознанию представления о своем собственном и других народах, не просто суммируя определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. В них своеобразно сконденсирована вся история межэтнических отношений» ¹⁵.

Современные историки А.В. Голубев и П.С. Куприянов выделяют этнические, внешнеполитические и культурные стереотипы. При этом авторы обращают внимание на односторонность подобных понятий. В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, утверждают они, речь идет об **этнических стереотипах**, под которыми понимаются, соответственно, образы этнических групп. «Однако это понятие является односторонним, ибо

подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д. Односторонним является и другое часто используемое понятие – **внешнеполитические стереотипы**, ибо в этом случае, как бы за рамками остаются представления о быте, культуре, национальном характере. Вместе с тем, внешнеполитические стереотипы представляют собой следующий за этническими стереотипами этап в восприятии внешнего мира... На определенной стадии, - продолжают авторы, - этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются **инокультурными стереотипами**, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни. Именно на основе инокультурных стереотипов возникают **образы**, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы. Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)», заключают авторы ¹⁶.

Практически все ученые останавливаются на изучении источников формирования стереотипов. К примеру, Н.А. Ерофеев полагал, что информация, формирующая этнические представления, весьма разнообразна. Она содержится в книгах и рассказах путешественников, в трудах по географии и экономике, в художественных произведениях, повседневной прессе и т.д. «Этнические представления, - утверждал историк, - это как бы итог усвоенной нами информации, результат ее переработки и обобщенный вывод из нее» ¹⁷. Ю.И. Игрицкий выделял три пути формирования стереотипов. Самый древний из них - человеческое общение, «гуманитарный обмен». Второй известный путь – влияние элиты (духовных пастырей, пророков, вождей, монархов и т.д.) на менталитет масс посредством проповедей, наставлений, указов и законов. Третий путь формирования стереотипов - массовая пропаганда, характерная для новейшего времени. Эти три пути, на взгляд автора, играли и играют «взаимокорректирующую роль» ¹⁸.

Одно из главных мест в исследовании этнических стереотипов, на взгляд ученых, занимает проблема их соотношения с реальностью – проблема истинности стереотипов, или наличия «зерна правды» в них. Как отмечают А.В. Голубев и П.С. Куприянов, споры по поводу соответствия стереотипов реальности не прекращаются с 1920-х годов. Одни ученые утверждают о полной лживости стереотипов, другие говорят о наличии в них более или менее значительного «зерна истины». Но все единодушны в признании «некоторого искажающего эффекта, который обуславливает лишь относительную адекватность стереотипа». А.В. Голубев и П.С. Куприянов полагают, что проблема соотношения реальности и стереотипов отнюдь не

исчерпывается вопросом об их истинности. Не менее важно, как взаимодействуют с реальностью уже сложившиеся представления¹⁹.

Многие исследователи считают этнические стереотипы явлением неизбежным, но опасным. Они полагают, что даже положительные стереотипы опасны, поскольку создают впечатление объективности и таким образом поддерживают всю систему стереотипов в целом. Большинство справочных изданий указывает на то, что термин «стереотип» имеет негативное значение. Подводя итоги, ученые заключают, что, во-первых, стереотип – это относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик (нередко ложных), которые, по мнению большинства людей, свойственны представителям своего собственного культурного и языкового пространства, или представителям других наций. И, во-вторых, стереотип – это представление человека о мире, формирующееся под влиянием культурного окружения (другими словами, это культурно-детерминированное представление), существующее как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки.

Итак, мы можем констатировать, что важность обращения к изучению межкультурных коммуникация стран Запада и России бесспорна. Актуальность темы предполагает необходимость более серьезного изучения методики. Отечественные ученые, следуя примеру западных исследователей имэджинологии, внесли посильный вклад в разработку основополагающих концепций. Между тем, дискуссионный характер ряда поднимаемых проблем заставляет продолжить начатую работу различных специалистов. Необходимы обобщающие и монографические труды по указанной тематике, поскольку, как признают сами ученые, «процесс формирования, эволюции, воспроизводства стереотипов и возникновения образов является постоянным, и представления об «ином», по крайней мере, в исторически обозримой перспективе, будут оставаться столь же сложными, противоречивыми и разнохарактерными»²⁰. И с этим высказыванием нельзя не согласиться.

¹ Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982; Чугров С.В. Россия и Запад. Метаморфозы восприятия. М., 1993.

² Павловская А.В. Стереотипы восприятия России и русских на Западе // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994, с.19.

³ Голубев А.В. Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института Российской истории. М., 2008. С. 401.

⁴ Lippman W. Public Opinion. N.Y., 1950. P.95.

⁵ Павловская А.В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28 – 30 ноября 1995 г. М., 1996. С. 429-431.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Binkley R. The Common Concept of Public Opinion in the Social Sciences // Social Forces. 1928. Vol. 6. P. 393.

⁹ Katz D., Braly K. Racial Stereotypes in One Hundred College Students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 288-289.

¹⁰ Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в новое и новейшее время. Ярославль, 2008. С. 21.

- ¹¹ См.: Белгородская Л.В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. Автореф. док. дисс. СПб., 2009.
- ¹² Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961. С. 70.
- ¹³ Чугров С.В. Россия и Запад: Метаморфозы и взаимовосприятия. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁴ Социальная психология. Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. М., 1975. С. 86.
- ¹⁵ См.: Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁶ Голубев А.В., Куприянов П.С. Представления об «иноме»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX-XX веков) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. третий. М., 2006. С. 375.
- ¹⁷ Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁸ Игрицкий Ю.И. Россия и Запад: корни стереотипов // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 177.
- ¹⁹ Голубев А.В., Куприянов П.С. Указ. соч. С. 376.
- ²⁰ Там же. С. 392.

А.И. Минаев

М.М. Ковалевский о британской политической системе

В научном наследии М.М. Ковалевского важное место занимает изучение социально-экономических аспектов истории Великобритании, ее государственно-правовой эволюции. Блестящие знания в области государственного права позволили ученому выявить основные закономерности развития британского парламентаризма, с успехом применить сравнительно-исторический метод при анализе учреждений России.

В своих лекциях, прочитанных в Санкт-Петербургском Университете и Политехникуме в 1907-1908 годах, М.М. Ковалевский подчеркивал непреходящее значение английского государственно-правового опыта для общего конституционного права. «В понятие конституционного права, - писал он, - входят три элемента: начало разделения властей (якобы найденного Монтескье при разборе английской конституции); начало народоправства (провозглашенное Ж.Ж. Руссо) и, наконец, проведенная Англией система представительства, по которой к отправлению высшей функции верховной власти, функции законодательной, призывается не весь народ, а его уполномоченные или представители»¹.

Столь весомый вклад в основы конституционного права Великобритания внесла в силу того, что, по мнению М.М. Ковалевского, она в отличие от стран континентальной Европы в новое время сумела адаптировать и реорганизовать средневековые начала сословного представительства. Континентальные страны, и в первую очередь Франция, в условиях внутривластной централизации и борьбы с феодальным сепаратизмом, абсолютизировали монархическую составляющую государства в ущерб коллегиально-корпоративным учреждениям. «С полным торжеством всесословности, или изополитии, - писал М.М. Ковалевский, -

создаются порядки, благоприятные возрождению начала участия представителей уже не от сословий, а от всего народа, в законодательстве и налоговом обложении. Поэтому всюду возникает запрос на оживление системы представительства местного населения в законодательных палатах. И если в устройстве этих палат государства континентальной Европы приближаются к английскому образцу, то только потому, что в Англии уцелели, выражаясь языком Монтескье, в полном виде черты общей некогда всей Европе готической, т.е. сословной представительной монархии, не только уцелели, но и развились, перешли вместе с ростом изополитии, или всесословности, в черты представительной, или конституционной монархии»².

Развитие британского парламентаризма теснейшим образом было связано с эволюцией партий тори и вигов. Анализируя начальный этап их развития, один из современных исследователей проблемы отмечает, что это «...были весьма аморфные, неустойчивые парламентские группировки, состоящие в основном из аристократов и от них зависевших людей. Отношения в партиях строились на основе иерархической системы...»³. Зачастую их поддержка либо, напротив, оппозиция к монарху, зависели от складывающейся политической конъюнктуры. Олигархический парламент являлся ареной борьбы не столько политических интересов, сколько личных амбиций представителей британской политической элиты, деление которой на тори и вигов к началу XIX века, по нашему мнению, носило не столько программный, сколько кланово-корпоративный характер.

«Противостояние двух политических сил, тори и вигов, - подчеркивает В.В. Пономарева, - в Британии рубежа XVIII-XIX веков обозначилось не так отчетливо, как это представляется современным историкам. Представляется неверным полностью идентифицировать тори и вигов с определенным «классом» или «интересом», принимая во внимание неустойчивость социальной структуры английского общества, неопределенность идейно-политических платформ, отсутствие организационного единства в рядах политических группировок тори и вигов. Скорее, и те, и другие выражали, прежде всего, «земельный интерес», точнее его различные уровни, лишь в той или иной степени апеллировали к интересам торгово-промышленных кругов, и время от времени – к общественному мнению»⁴.

Рассматривая историю возникновения английских политических партий, М.М. Ковалевский предлагал свою трактовку мотивации их деятельности, которая, по нашему мнению, сохраняет свое значение. «Мне кажется, - писал он, - что корень различия вигов и тори, лежит не столько в политической, сколько в общественной их программе. Тори в наше время – представители прежде всего крупного землевладения и землевладельческих интересов, а виги – крупных капиталов и богатого среднего сословия. Ни те, ни другие не являются, конечно, приверженцами демократической программы, - отсюда возможность одинаковой оппозиции и тори и вигов как сельскому, так и городскому рабочему движению, но отсюда и случайные

временные союзы и тори и вигов с теми, кого привыкли называть радикалами»⁵.

Возникновение кабинета, ставшего в последствии важнейшим институтом британского парламентаризма, М.М. Ковалевский относил к правлению Карла II (1660-1685). При этом он подчеркивал, что изначально этот орган власти не имел тесной связи с парламентом и действовал вопреки сложившейся конституционной практике. «... Карл II, - писал он, - который, имея при себе по примеру своих предшественников, особый Тайный совет, управлял страной не с ними, а при ближайшем участии в делах 5 лиц, не состоявших членами совета, неизвестных официальному парламенту... Комиссия из ближайших королевских советников, самое существование которой было нарушением законов и конституции, была составлена из лиц, единомыслящих в вопросах политики и потому признается историками английской конституции первым по времени кабинетом»⁶.

С течением времени из узкой коллегии ближайших советников и доверенных лиц короны, кабинет превратился в орган, формирование и деятельность которого взяли под свой контроль партии тори и вигов, точнее та из них, которая побеждала на очередных парламентских выборах.

Новую конституционную природу кабинета отчетливо показал У. Бэдджот. Одной из основ британской государственной машины он считал тесный союз исполнительной и законодательной властей. Связующим звено между ними стал кабинет, который Бэдджот определял, как «комиссию законодательного учреждения, избранную в качестве исполнительного учреждения»⁷. По своему происхождению кабинет принадлежит к законодательному органу, поскольку избирается законодательной властью, а по своим функциям – к исполнительной ветви власти.

По мнению Бэдджота, исключительно важной особенностью британского парламентаризма является то, что законодательное собрание, призванное обеспечить законотворческий процесс, фактически считает главным своим делом создание исполнительной власти и стоит на страже ее нормального функционирования, что в немалой степени определяется угрозой возможного роспуска палаты общин кабинетом в случае кризиса.

Бэдджот обращал внимание на то что, британская парламентская практика предполагает не поглощение исполнительной власти законодательной, а их единение, что и обеспечивает ее устойчивость. «Независимость исполнительной и законодательной власти друг от друга, - заключал Бэдджот, - есть специфическое свойство президентского правления, тогда как слияние их и союз – основной принцип кабинетного правления»⁸.

М.М. Ковалевский придавал большое значение XVIII столетию в истории британского парламентаризма, в течение которого парламент стал действенным властным институтом в государстве, полем активной конкурентной борьбы между тори и вигами. Он оказывал теперь самое серьезное влияние на формирование кабинета, становясь тем самым

важнейшим факторов внутренней и внешней политики государства. «Организовавшиеся окончательно в XVIII веке великие парламентские партии вигов и тори, - подчеркивал Ковалевский, - не могли обойтись без существования такого постоянного комитета от палат, призванного представлять интересы и политику временно господствующей партии. Попытки таких королей как Вильгельм III или Георг III лично участвовать в делах управления или поручать как общее ведение дел, так и заведывание отдельными министерствами лицам, независимым от парламента и не принадлежащим к его большинству, встречают энергичный протест со стороны парламента и со времени Георга IV совершенно прекращаются. Кабинет с этого царствования и по настоящий день носит характер компактного целого, члены которого объединены одной политикой и принадлежат к господствующей в парламенте партии»⁹.

Рассмотренная властная конструкция оформилась в рамках действовавшего тогда избирательного права, пропитанного духом средневековья и обеспечивавшего господство аристократии в политической жизни страны. После войн с Наполеоном промышленная буржуазия стала инициатором массового движения за реформу избирательного права. Н.И. Кареев писал: «Буржуазия все более и более обогащалась и получала все большее и большее общественное значение, а между тем новые промышленные города, бывшие полем деятельности этой буржуазии, представителей в парламент не посылали. Это одно должно было сделать мысль о парламентской реформе весьма популярной в промышленном классе»¹⁰.

Союзником буржуазии, а точнее, орудием в ее руках, в деле борьбы за реформирование представительства стал рабочий класс, который надеялся «...благодаря реформе не только покончить с политической реакцией, но и провести через парламент законодательство в своих интересах. Лозунг парламентской реформы в умах народа сливался с мечтой об улучшении своего положения»¹¹.

Стремление английской буржуазии стать полноправным участником политического процесса, обострение социально-экономических противоречий в стране в условиях наступившего после окончания войн с Наполеоном экономического кризиса, протестный потенциал британских рабочих поставили Великобританию на грань революции. Умелые маневры короны и палат парламента, активные действия буржуазии, нацеленные на достижение компромисса с правящей олигархией, направили массовое движение в русло легитимной борьбы за расширение избирательного права.

Парламентская реформа 1832 года убедительно показала, что институты и отношения, которые считались незыблемыми, могут быть успешно реформированы в условиях адаптации государства к новым социально-экономическим условиям. Если в 1831 году в Англии и Уэльсе было зарегистрировано 435 391 избиратель, то в 1833 году их число возросло

до 652 777. Увеличение избирательного корпуса произошло примерно на 49 %.

М.М. Ковалевский чрезвычайно высоко оценивал эту меру, считал ее началом качественно нового этапа в истории британского парламентаризма. «Ее нельзя передать словами «расширение избирательного права», - писал он, - она означает нечто несравненно большее и при том в двух направлениях: ею положен конец средневековому, в сущности, началу представительству не жителей, а таких корпоративных единиц, как графство и парламентский город, призываемых к посылке равного числа уполномоченных, независимо от количества населения. Реформа 1832 года является и новшеством в том смысле, что разрывает с другими средневековыми воззрениями, вызванными к жизни господством феодальной системы, а именно тем, что представительство должно быть построено исключительно на основе недвижимой собственности...»¹².

М.М. Ковалевский придавал большое значение фактору рабочего движения в политической борьбе. Анализируя с этих позиций акт 1832 года, он писал: «И в этом отношении можно сказать, что он нимало не оправдал надежд рабочих классов, одинаково сельских и городских, а потому должен был вызвать с их стороны и, действительно, вызвал новую агитацию в пользу расширения избирательного права. Но эта агитация увенчалась успехом не сразу и не в полной мере: чартистам еще предстоит выставить на своем знамени неосуществившееся доселе требование всеобщего избирательного права»¹³.

Под влиянием растущей агитации в пользу реформы либеральное правительство Дж. Рассела внесло свой проект расширения избирательного права. Его автор У.Ю. Гладстон предлагал, во-первых, наделить правом голоса в графствах всех арендаторов, уплачивающих от 14 до 50 ф.ст. в год, во-вторых, уравнивать в городах арендаторов домов, которые уплачивали налоги через домохозяев, с теми, кто делал это лично. При этом для категории городских избирателей плата за жилье или сумма дохода от него снижалась с 10 ф.ст. до 7 ф.ст. в год¹⁴.

В 1866 году консерваторам во главе с Б. Дизраэли удалось провалить билль Гладстона несмотря на его весьма умеренный характер. Правительство Рассела, потерпев поражение, вышло в отставку. Борьба вокруг законопроекта показала, что проблема расширения электората остается одной из острейших проблем внутриполитического развития страны.

Перехватив инициативу у либералов, консервативный кабинет Дерби-Дизраэли провел новую избирательную реформу в 1867 году, значительно расширившую электорат, в значительной мере за счет состоятельной прослойки городских рабочих. За период с 1866 по 1869 год численность избирателей в Англии и Уэльсе возросла на 88 % и составила 1 995 086 человек.

«В окончательном виде акт 1867 года, - подчеркивал М.М. Ковалевский, - оставляя в силе положения 1832 года, предоставил, сверх того, право голоса – в графствах – всем, платящим не менее 12 фунтов стерлингов за какое-либо арендуемое имущество, и – в городах – всем, занимающим квартиру в течение года с платой в 10 фунтов стерлингов. Но так как для рабочего, конечно, трудно было снимать помещение стоимостью в 10 ф. ст. (100 руб.), то в закон внесена оговорка, которой избирательные права рабочего класса были значительно расширены: если несколько семей совместно нанимали квартиру с платой в 10 ф. ст., но заключали при этом контракт на имя одной из них, то глава последней получал избирательное право»¹⁵.

Обобщая пройденный британским парламентаризмом в XIX веке путь, М.М. Ковалевский писал: «Если передать в сжатом виде смысл внутренней эволюции Великобритании за последние два царствования, то придется сказать, что в течение их произошла в Англии величайшая из всех пережитых ею революций и совершилась она мирным путем: из аристократической державы Англия стала демократической монархией, а Великобритания – неорганизованной федерацией таких же демократий, устроенных, подобно Англии, на началах представительства, парламентаризма и господства права...»¹⁶.

Представляют несомненный интерес воззрения М.М. Ковалевского на некоторые базовые аспекты парламентаризма. Будучи одним из прогрессивных мыслителей своего времени, он понимал неизбежность введения всеобщего избирательного права, что, по его мнению, стало насущной потребностью в сфере государственно-правовых отношений ряда западноевропейских стран в начале XX века. «В наше время,- писал М.М. Ковалевский, - когда государство столько же отрешилось от мысли видеть в монархе верховного сюзерена над всеми землевладельцами, как и небесного помазанника, власть перестала представлять собою исключительно интересы движимой или недвижимой собственности и явилась выразительницей «потребностей» всех граждан без различия классов и сословий. Соответственно этому и право голоса стало неотъемлемым правом всякого, способного сознательно пользоваться им. Всеобщее избирательное право превращается все более и более неизбежную необходимость, в основное условие всякой власти, истинно сильной и поэтому способной смело идти по пути прогресса»¹⁷.

Вместе с тем, его отношение к главенству большинства было отрицательным, а проявления его он рассматривал как кризис западноевропейских конституций второй половины XIX века. «Демократия опасна, по мнению ее противников, - писал ученый, - в двойном отношении. Она способна подорвать начала политической свободы и сделаться препятствием на пути прогресса. Далее демократия, как правительство обеспечивает решительное преобладание одному большинству. Это большинство подчас может быть не более как фиктивным. Наконец, само оно

неизбежно уступает свои права небольшому числу вожаков, заведующих судьбами страны от его имени, и нередко наперекор его желаниям»¹⁸.

М.М. Ковалевский в качестве необходимой стадии государственно-правового развития рассматривал конституционную монархию с развитой парламентской составляющей. «XIX-ое столетие, - отмечал он, - представляет нам скорее рост и распространение в Европе конституционной монархии, чем торжество республиканского устройства. Необходимо стечение крайне неблагоприятных условий, чтобы заставить народ, привыкший жить под кровом исторической династии, свято сохраняющей свои конституционные обязанности по отношению к призвавшей ее нации, произвести республиканский переворот»¹⁹.

Прогрессивное развитие государственно-правовых структур М.М. Ковалевский видел в укреплении институтов парламентаризма, которые предохраняют демократию от установления сначала собственной диктатуры, а затем и от ее полного вырождения. Развитый парламентский механизм был для него гораздо эффективнее, чем иллюзия народовластия в условиях формальной демократии. «Общность парламентской системы, - писал Ковалевский, - при солидарной ответственности министерства перед палатами, сближает политический строй английской монархии с французскими республиканскими порядками в большей степени, чем делает это наличие народоправства одинаково во Франции и Соединенных Штатах»²⁰.

М.М. Ковалевский считал, что использование европейского опыта в государственно-правовой сфере в России не может быть сведено к механическому копированию западных образцов и стандартов. В своем выступлении на общероссийском съезде земских и городских деятелей, проходившем в ноябре 1905 года, М.М. Ковалевский, полагая необходимым сохранение института монархии, говорил: «Я сам после исключения меня правительством из числа профессоров Московского университета прожил 18 лет во Французской республике, сохранил к ней самые признательные чувства и в принципе никогда не был против республики. Но там эта форма правления существует по требованию народа. У нас же я не вижу, чтобы крестьянская масса желала республики. В России я – монархист, и все собравшиеся здесь монархисты»²¹. Для него, ученого и политика умеренного направления, неоценимым становился британский опыт буржуазно-демократических изменений, возможность которых в значительной мере была обеспечена сильным парламентским механизмом, адаптировавшим в конечном итоге королевскую власть к новым условиям.

---

¹ Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете и политехникуме. 1907-1908. СПб., 1908. С.6.

² Ковалевский М.М. Социология / Сочинения в двух томах. СПб., 1997. С.78.

- ³ Жолудов М.В. К вопросу о времени образования либеральной партии Великобритании // Актуальные проблемы преподавания новой и новейшей истории в школе и вузе. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. 26 - 27 мая 1995. Рязань, 1995. С. 17.
- ⁴ Пономарева В.В. Парламент и политическая элита Великобритании XVIII века. Красноярск, 2002. С. 141.
- ⁵ Ковалевский М.М. Великобритания (История) / Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Т. 9. Стб. 65.
- ⁶ Там же. Стб. 62-63.
- ⁷ Бэдджот У. Государственный строй Англии. М., 1905. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 76.
- ⁹ Ковалевский М.М. Великобритания (История) / Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Т. 9. Стб. 63.
- ¹⁰ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1908. Т. V. С. 75.
- ¹¹ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. 1815 - 1917 гг. М., 1959. С. 16.
- ¹² Ковалевский М.М. Великобритания (История) // Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Т. 9. Стб. 175-176.
- ¹³ Там же. Стб. 176.
- ¹⁴ English Historical Documents. Vol. XII. P. 122.
- ¹⁵ Ковалевский М.М. Великобритания (История) // Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Т. 9. Стб. 244-245.
- ¹⁶ Там же. Стб. 216.
- ¹⁷ Ковалевский М.М. К истории всеобщего избирательного права / Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 360-361.
- ¹⁸ Ковалевский М.М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 184.
- ¹⁹ Ковалевский М.М. Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 235.
- ²⁰ Там же. С. 237.
- ²¹ Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М., 2001. С. 460.

Ю.Н. Мостяев

Участие индийских войск в обороне Бирмы в условиях японского наступления в годы Второй мировой войны

После захвата Малайи и Сингапура единственными стратегическими целями японцев на материке оставались Рангун и Бирманская дорога. Англичане находились в Бирме более 100 лет, но практически не обращали внимания на её стратегическую оборону, хотя ещё в 1926 г. генерал-лейтенант Эндрю Скин, тогда начальник индийского генерального штаба, говорил, что в один прекрасный день оборона северо-восточной границы Индии станет значительно более важной, чем северо-западной ¹. Но практически вплоть до самого начала войны проблемам обороны Бирмы не уделялось никакого внимания. Считалось, что с востока она достаточно защищена как Сингапуром, так и существованием нейтральных соседей –

Таиланда и Французского Индокитая. С запада же лежала Индия с её громадными людскими и материальными ресурсами, что само по себе казалось гарантией бирманской безопасности ². Молодые английские офицеры и гражданские чины, которые не были воспитаны в колониальном духе, открыто говорили, что индийское командование и британская армия в Бирме в течение многих поколений представляли лишь полицейскую силу, занимающуюся игрой в поло и распивающую чай ³.

После отделения в 1938 г. Бирмы от Индии встал вопрос о её подчинении в военном отношении. Стратегически обе страны оставались тесно взаимосвязанными, но индийское правительство не было заинтересовано в том, чтобы брать на себя расходы по обороне Бирмы. Бирманское правительство также не желало тратить деньги на военные нужды, а метрополия делала вид, что это её не касается.

Только командование вооружёнными силами в Индии поднимало вопрос о подчинении Бирмы командованию Индийской зоны. На совещании по этой проблеме в ноябре 1940 г. военные власти Британской Индии потребовали включения Бирмы в Индийскую зону, но английский генштаб подчинил её Дальневосточному командованию в качестве глубокого тыла Сингапура. Впоследствии в своём донесении Уэйвелл назвал данное решение кардинальной ошибкой ⁴. Лишь с началом войны с Японией 11 декабря 1941 г. в Лондоне был утверждён переход Бирмы в Индийскую зону, под командование Уэйвелла.

Однако вскоре, на Вашингтонской конференции, при организации командования АБДА в результате довольно бурных дебатов Бирму вновь вывели из зоны Индийского командования в операционную зону командования АБДА. По мнению некоторых английских историков, этого делать было нельзя по многим вполне очевидным причинам ⁵. Этот район лишь недавно был передан в ведение командования британских войск в Индии, и новые изменения в такой критический момент являлись нежелательными по организационным соображениям. Кроме того, Индия была естественной базой для ведения военных действий в Бирме, так как Бирма являлась передовой оборонительной зоной у восточной индийской границы. Стратегически Бирма и Индия неразрывно связаны между собой, и разделить их ради нового искусственно созданного командования мог разве только безумец. Однако при принятии данного решения победили доводы дипломатического и военного характера, которые основывались на особом положении Китая.

Естественно такая чехарда мало способствовала усилению обороноспособности страны. В результате сложилась крайне сложная обстановка. Перед отделением Бирмы от Индии в первой находились два английских пехотных батальона, три - четыре бирманских, индийские горная батарея и рота сапёров, незначительные отряды индийских вспомогательных и территориальных сил и административные части. Помимо этих войск, оборону Бирмы должны были обеспечивать девять батальонов Бирманской военной полиции. До начала войны в Европе существенно положение не

изменилось. Англичане приступили к созданию бирманских вооружённых сил, но они в начале 1941 г. были невелики, и их боеспособность выглядела весьма условной.

В апреле 1941 г. сюда прибыла 13-я индийская пехотная бригада, которую разместили в Мандалае. С конца ноября началась высадка 16-й индийской пехотной бригады, которая вошла в резерв командующего войсками в Бирме.

Английское командование предполагало, что японцы вторгнутся в Бирму через территорию Шанских государств в районе Кентунга, и накануне войны 13-я индийская и 1-я бирманская бригады двинулись в Шанские княжества. Южный путь через Тенассерим (гористый, без дорог, поросший лесом перешеек Кра) практически не рассматривался. Уэйвеллу для Бирмы были обещаны существенные подкрепления, но лишь в конце января сюда стали прибывать подразделения слабо обученной и не полностью укомплектованной 17-й индийской дивизии.

Японское командование наоборот планировало силами 15-й армии, состоящей из 33-й и 55-й дивизий, при поддержке 10-й воздушной бригады занять Таиланд, затем, захватив английские аэродромы в Тенассериме и, прервав воздушное сообщение Сингапура с Индией, прикрыть тылы 25-й армии, наступающей в Малайе. В случае успешного наступления последней, 15-я армия должна была вторгнуться в Южную Бирму и в кратчайшие сроки достичь Рангуна ⁶.

8 декабря 15-я армия заняла все тайландские аэродромы и железнодорожные узлы и вошла в Бангкок. Уже 16 декабря, оккупировав Викторию-Пойнт – важный пункт на воздушной трассе из Индии, расположенный на самом крайнем юге Бирмы, японцы лишили англичан возможности поставок в Сингапур по воздуху.

В этих условиях, по решению английского командования, Индии надлежало приступить к превращению Рангуна в авиабазу для 15 эскадрилий, которая имела бы гарнизон в составе не менее 4 дивизий, что явно было невыполнимо. Правда Уэйвелл был настроен оптимистично и надеялся, что Бирму отстоять удастся, особенно при условии, если оборона Малайи, куда лучше подготовленная в военном отношении, будет стойкой. Захват Виктории-Пойнт и последовавшие за ним жестокие бомбардировки аэродромов и городов Тавоя и Мергуи он рассматривал как часть плана вторжения в Малайю, а не как угрозу Бирме ⁷. По мнению Фреда Элдриджа (американского репортёра при штабе генерала Стилуэлла в Китае), настроенного крайне негативно по отношению к британскому командованию, Уэйвелл совершенно упустил Бирму из виду так как либо не понимал стратегической важности последней, либо считал, что японцы не смогут продвинуться так далеко ⁸.

17 декабря 1941 г. в Чунцине состоялась конференция, на которой присутствовали Арчибальд Уэйвелл, Чан Кай-ши и генерал-лейтенант американской армии Джордж Бретт. Чан Кай-ши заявил, что считает оборону Бирмы жизненно важной для Китая и предложил Уэйвеллу до 50 тыс. солдат.

Однако последний отклонил данную помощь⁹. Этот отказ был продиктован несколькими причинами. Британия не хотела укрепления американских позиций в Бирме, а гоминьдановские дивизии рассматривались как проводники американского влияния¹⁰. К тому же генерал Уэйвелл был невысокого мнения о боевых качествах китайских войск и не хотел давать возможность Чан Кай-ши утверждать в случае успеха, что Бирму отстоял он. Могли также вновь всплыть старые споры о принадлежности северных районов страны. Гражданские власти опасались возможных конфликтов между китайскими солдатами и местным населением. Помимо этого английское и даже американское командования напугали обширные претензии китайского руководства. Гоминьдановское правительство заявило о своих претензиях на основную роль в формировании Тихоокеанской стратегии. По мнению Чан Кай-ши, именно в Чунцине следовало учредить Объединённый генеральный штаб, и здесь должны были разрабатываться военные планы и определяться направления ударов против Японии. В сферу стратегических интересов штаба в Чунцине был включен даже Индийский океан¹¹.

Уэйвелл находился ещё в Китае, когда 23 декабря в 10 ч. утра при отличной погоде японцы совершили первый воздушный налёт на Рангун. В этот день погибло более 2 тыс. человек, ещё около 1 тыс. умерло от ран, так как некому было подбирать пострадавших и везти в госпиталь. Как и рассчитывали японцы, в городе началась паника. В ту же ночь сотни тысяч человек бросились бежать из Рангуна. В основном это были индийцы, составлявшие большинство населения столицы. Уже где-то с середины 1941 г., когда стало понятно, что Япония присоединится к странам «оси», часть индийцев отослали свои семьи в родную страну. В основном это был не страх перед японским вторжением (что считалось невозможным), а страх перед бомбардировками. Теперь же потоки людей устремились на запад, к Индии, толпы штурмовали пароходы. В считанные часы город лишился значительной части рабочей силы. Второй налёт заставил покинуть почти всех ещё остававшихся в нём индийцев. Порт, практически единственный источник снабжения Бирмы, замер.

26 декабря Уэйвелл возвратился в Индию и обнаружил, что войска, на которые он рассчитывал для обороны Бирмы, взяты для укрепления Малайи. Из двух дивизий ему оставили лишь одну индийскую бригаду.

Английское командование наконец пришло к выводу, что основное наступление японцев будет разворачиваться со стороны Тенассерима. Сил для обороны Бирмы не было, и генерал Хаттон срочно начал переброску в Моулмейн прибывшей из Индии 46-ю индийской бригады и 13-ю индийской бригады, находившейся ранее в Мандалае.

4 января 1942 г. японская 15-я армия под командованием генерала Иида, сосредоточенная на бирманско-тайландской границе, приступила к широкому вторжению в Бирму. Эта армия, включавшая два танковых полка, насчитывала около 70 тыс. солдат и офицеров, большинство которых уже участвовало в боях¹². Вместе с японскими войсками в страну вступило и

ядро Армии независимости Бирмы, на первых порах игравшая роль проводников японцев. С её помощью, например, последние при взятии Тавои выслали вперёд фильтрационные группы, которые смогли обойти англичан, захватить их грузовики и штаб и внезапно овладеть городом.

Крупный город и порт Мергуи, находившийся южнее, оказался отрезанным, и его гарнизон 20 января эвакуировали морем. В итоге за несколько дней боёв в руки японцев перешёл практически весь Тенассерим. Англичане сохранили контроль только над его северной частью, где находился второй по величине порт и один из крупнейших городов Бирмы – Моулмейн.

Генерал-лейтенант Джек Смит, командующий 17-й индийской дивизии, был опытным офицером, получивший Крест Виктории ещё в годы 1 мировой войны¹³. Однако сама дивизия в основном состояла из новобранцев, хотя и происходивших из воинственных каст, но практически необученных. К тому же 44-я и 45-я бригады были отправлены в Малайю, и Смит пришлось формировать свою часть практически заново. Но самой важной проблемой стало наличие значительного числа неопытных офицеров, набранных уже во время войны из контор и плантаций. Им были даны чины, соответствующие их финансовому и общественному положению. Этот метод производства офицеров сыграл существенную роль в последующей военной катастрофе. Даже в «Дейли экспресс» 15 января 1942 г. давалась характеристика английских офицеров, бывших колониальных чиновников и плантаторов как «банды пропойц-плантаторов и незадачливых вояк»¹⁴. Поэтому неудивительно, что, когда Хаттон приказал бригаде, защищавшей перевалы, ведущие к Моулмейну, отступить, чтобы избежать окружения, та проделала это так быстро, что потеряла большую часть транспорта. И хотя потери в бригаде были невелики, боевой дух солдат и офицеров оказался совершенно подорван.

Смит начал эвакуацию всех европейских и индийских женщин и детей, а дивизии приказал отступить за реку Салуин. Но Хаттон и Уэйвелл пришли к решению удержать японцев у Моулмейна. Смит был вынужден подчиниться, хотя и опасался, что попадёт в ловушку, имея позади труднопроходимую дельту Салуина, а впереди – горный хребет с несколькими тропами, на которых неожиданно могли появиться новые японские войска. Эти опасения полностью оправдались.

Утром 30 января 55-я японская дивизия одновременно с юга и востока атаковала Моулмейн, обороняемый всего четырьмя батальонами 17-й индийской дивизии, растянутыми по фронту на 20 км. До вечера сводная бригада отражала все атаки, но противник на лодках поднялся по реке, разрезающей город, чтобы вклиниться в расположение поредевших защитников. Начался отход. Бой продолжался всю ночь. Только к утру, потеряв около 600 человек, индийцы перешли на западный берег Салуина, оставив раненых¹⁵. Отошедшие части заняли новую линию обороны в 30 км к востоку от реки Ситаун, очень широкой в устье и имевшей приливную волну высотой до 6 м. Через реку был только один железнодорожный мост. В ночь

с 3 на 4 февраля авангард японской 33-й дивизии занял Пхаан, важный транспортный центр, и 9 февраля японские войска получили приказ начать наступление на Рангун. Части 17-й индийской дивизии с трудом сдерживали их, надеясь оторваться от противника и уйти за реку Билин, впадающую в море на полпути от Салуина к Ситауну. По мнению Хаттона, Бирму могли удержать как минимум 6 дивизий¹⁶. Ещё до наступления японцев на Рангун, он получил согласие Чан Кай-ши на ввод китайских войск, но с условием, что они займут изолированные участки фронта. Из Индии, армия которой была ослаблена посылкой частей в Северную Африку, Малайю и на Ближний Восток, англичане не хотели брать войска, опасаясь усиления внутренней напряжённости. В этот критический момент Черчилль получил тяжёлый удар от австралийского правительства, отказавшегося от посылки сюда двух своих дивизий¹⁷.

В результате основная тяжесть боёв пришлась на 17-ю индийскую дивизию, которой удалось на реке Билин удержать японцев на 4 дня. Две её бригады (16-я и 46-я) заняли оборону на берегу. Сюда, наконец, подошла боеспособная 48-я бригада, состоящая в основном из гуркхов. В то время как 55-я японская дивизия атаковала индийцев с фронта, свежая 33-я начала обходной манёвр. Создалась угроза флангам, и 17-я дивизия открытым текстом получила приказ отступить к реке Ситаун в район железнодорожного моста. Японская разведка перехватила это распоряжение, и Иида приказал 215-му полку прорваться через джунгли к мосту и захватить его. 20 февраля все три бригады, оторвавшись от противника в условиях ожесточённых арьергардных боёв, собрались в районе Чайтхо откуда до моста шла разбитая просёлочная дорога. Движение резко замедлилось. Мост охранялся всего одной ротой, выдвинутой из Рангуна. Однако, командование дивизии неспеша занималось планированием отхода, теряя драгоценное время. Утром 21 февраля началось отступление. Сначала двинулись сапёры и сторожевой полк, затем штабные службы, 48-я и 16-я бригады. 46-я бригада находилась в арьергарде, сдерживая японцев. Постоянно налетали самолёты противника, и отступление задерживалось. В середине дня к японским самолётам присоединились и английские. В результате их «удачного» налёта дивизия потеряла больше, чем во всех предыдущих боях. К тому же, на несколько часов полностью прекратилось движение из-за множества разбитых грузовиков и повозок. Дивизия растянулась на 25км вдоль дороги. Только 22 февраля в 7 ч. утра на западный берег перешли два батальона 48-й бригады под командованием Хью-Джонса и штаб дивизии.

В это время 215-й японский полк преодолел джунгли и начал бой за переправу. Его солдаты оказались настолько измотаны, что валились от усталости. Поэтому двум оставшимся батальонам 48-й бригады удалось их остановить. Однако возникла сумятица, и, когда вскоре подошла 16-я индийская бригада, её командир Джонс решил, что японцы захватили позиции у моста и начал артобстрел холмов. Гуркхские батальоны под огнём своих отступили. В бой вмешались японцы, и наступила всеобщая неразбериха. Такой же беспорядок творился и в рядах отступавшей колонны.

Японцам даже удалось втиснуться в разрыв между 16-й и 46-й бригадами. В рядах 17-й дивизии царил хаос и беспорядок. Никто ничего не знал. В часы, когда 46-я бригада пробивалась к Моулмейну через лес и японцев, а 16-я отражала атаки противника, сапёры завершили минирование моста. Отдельные группы солдат индийских частей переправились по мосту, ничего не зная о других. Допросив их, Джонс пришёл к выводу, что бригады разбиты и доложил Смит, что сможет удерживать мост в течение часа, а затем взорвёт его. Последний, «полагая, что большая часть дивизии уже перешла через мост, дал распоряжение командиру бригады взорвать его, выбрав для этого наиболее подходящий момент». Так, паника одного и неосведомлённость другого привели к «катастрофе у Ситауна». 23 февраля в 5 ч. 30 мин. утра мост был взорван. Большая часть дивизии оставалась на восточном берегу. Лишь немногие смогли переправиться через бурную реку шириной до 1 км.

В районе Пегу собрались жалкие остатки дивизии, которая потеряла всю артиллерию, обоз и раненых. Теперь дивизия, включая два батальона, перешедших реку по мосту, насчитывала 80 офицеров и 3404 солдата с 1420 винтовками¹⁸. Японцев от Рангуна отделяла последняя линия обороны англичан по реке Пегу. Здесь к переформированным остаткам 17-й дивизии присоединились три английских батальона, переброшенных из Индии, и прибывшая со Среднего Востока 7-я бронетанковая бригада, направлявшаяся на Яву, но опоздавшая. Дальше на севере, 1-я бирманская дивизия, после вступления 6-й китайской армии в Шаньские княжества, продвинулась южнее Тоунгуа для защиты главного пути на север, к Мандалаю.

4 марта в Индию прибыл генерал Гарольд Александер, назначенный командующим в Бирме. Здесь его встретил Уэйвелл, в эти дни переставший командовать исчезнувшей зоной АБДА и возвращённый командовать Индийской зоной. Был снят командир 17-й индийской дивизии Смит. Уэйвелл так объяснял эту отставку: «Смит производит впечатление совершенно рехнувшегося человека, и я был вынужден тут же заменить его бригадиром Коуэном»¹⁹. Сумасшествие Смита состояло в его предложении оставить Рангун и отступить. Между тем 3 марта японцы без особых проблем переправились через Ситаун и уже 5 марта достигли Пегу и атаковали позиции 17-й дивизии, в состав которой вошли 7-я бронетанковая и только что прибывшая 63-я индийская пехотная бригады. Бои за Пегу в основном свелись к тому, что оборонявшиеся части постоянно обнаруживали у себя в тылу японцев и срочно начинали пробиваться к своим. К утру 8 марта дивизия заняла оборону на перекрёстке шоссе в 40 км к северу от Рангуна, у городка Хлегу. Однако в ночь на 7 марта Александер отдал приказ об уничтожении нефтеочистительных заводов, портовых сооружений и других важных объектов, но сапёров не хватало, и взорвана была лишь малая часть²⁰. Утром 7 марта началось отступление из Рангуна, что явилось для японцев полной неожиданностью. Надо отметить, что сопротивление оборонявшихся постоянно возрастало. Так, лишь полмесяца японцы потратили, чтобы пройти около 600 км от Тенасерима до Моулмейна, но

свыше месяца потребовалось, чтобы преодолеть 160 км от Моулмейна до Рангуна²¹. Большинство английских самолётов вернулось в Индию (в общей сложности 44), куда к концу марта с Ближнего Востока прибыло подкрепление примерно из 150 истребителей и бомбардировщиков²².

Потеря Рангуна означала потерю Бирмы. К тому же с этого момента Китай практически оказывался отрезанным от внешнего мира. Большинство запасов, доставленных в Бирму для Китая, либо погибло либо попало в руки японцев. Последние не беспокоили британские войска, отступавшие в северном направлении, так как им нужно было переформироваться после ожесточённых боёв и больших потерь, а также после трудных переходов. Бирманская дивизия вела упорные бои, задерживая продвижение противника в направлении Тоунгуа в то время как 17-я индийская дивизия и 7-я бронетанковая бригада постепенно продвигались к Проме. В это же время 15-я армия Ииды, не дожидаясь прибытия подкреплений, начала наступление на север с целью разгромить китайские войска и занять Мандалай. 24 марта японцы атаковали 200-ю китайскую дивизию у Тоунгуа, и после ожесточённых боёв, длившихся неделю, захватили этот город. Через 4 дня противник вышел на обе стороны реки Иравади, напротив Проме.

29 марта в Бирму для командования британскими войсками, в которые входили индийские части, прибыл генерал-майор Уильям Слим. Лишь за два года до этого он был подполковником Индийской армии, без карьерного роста, занимавшийся редактированием военного журнала и написанием экзотических рассказов из индийской жизни. В 1940 г. он был отправлен со своим батальоном на Ближний Восток, где получил очередное звание и бригаду, и уже в 1941 г. успешно командовал в Ираке и Иране целой дивизией²³.

Слиму с двумя индийскими в значительной мере фиктивными дивизиями и потрёпанной танковой бригадой было дано задание любой ценой удержать нефтепромыслы в Енанджауне. Однако ещё до того как он реально приступил к своим обязанностям обстановка сильно изменилась, особенно в долине Ситауна. После взятия Тоунгуа Иида решил перебросить свои силы в долину Ситауна, затем быстро продвинуться к самой северной конечности Бирмы, развернуться фронтом на запад и, не дав соединиться корпусу Слима с китайцами, вытеснить англо-индийские войска в Индию.

Следуя этому плану, японские части начали теснить китайские войска, которые, не оказывая серьёзного сопротивления, стали отходить к северу. В конце марта остатки британских сил после продолжительного боя у Шуидаунга получили приказ оставить Проме и сосредоточиться в районе Алланмьо. 17-я дивизия отступала, не давая японцам прорваться на север из Проме по направлению к Дейиндабо²⁴. Войска отходили по самой засушливой и жаркой части Бирмы в самый жаркий месяц по пыльной дороге. Ничего не было видно уже в трёх шагах. Около колодцев собирались огромные толпы, и японские самолёты непрерывно бомбили эти прекрасные мишени, нанося огромный урон отступающим. За два дня такого отхода части корпуса прошли около 60 км и достигли Алланмьо. В спешке все

мосты оставались целыми, что позволяло японцам быстро продвигаться за противником²⁵.

10 апреля японцы начали энергично атаковать Слива малыми группами в различных пунктах обороны. Небольшие отряды японцев и бирманцев из АНБ проникали в тыл, внося панику в ряды и так деморализованного и измотанного противника. В корпусе Слива началось дезертирство. По воспоминаниям Фреда Элдриджа (правда, настроенного крайне антибритански), «английские «томи» дезертировали в таких количествах, что потребовалось выставить даже специальные посты военной полиции в Мандалае, чтобы перехватывать дезертиров»²⁶. Войска потеряли всякую веру в командиров. В этих условиях, понимая, что вскоре вообще может остаться без войск, Слим без разрешения Александра отдал приказ взрывать нефтепромыслы и хранилища нефти в Енанджауне.

1-я бирманская дивизия оказалась отрезанной и прижатой к реке. Попытки 17-й индийской дивизии пробить кольцо окружения ни к чему не привели. Только свежая недавно прибывшая китайская дивизия смогла осуществить единственное удачное контрнаступление на этом этапе бирманской кампании и отвоевать Енанджаун. К сожалению, бирманская дивизия к этому моменту как боеспособная часть уже перестала существовать. Стало ясно, что дальше защищать Бирму невозможно. Уже после потери Рангуна английское командование разработало план отступления в Индию, включавший три возможных рубежа обороны:

- 1) район Проме;
- 2) нефтезаводы Енанджауна;
- 3) район Мандалай – Мейткила²⁷.

Ни один из этих рубежей не имел ни серьёзных укреплений, ни естественных преград. Отсутствовала надежда и на получение резервов. Всё это не позволило оказать действительно серьёзное сопротивление.

Сильные разногласия возникли при определении маршрута отступления из Бирмы. Английское командование предпочитало отвести войска в Ассам, что должно было привести к большим потерям и гибели транспорта, всех танков и запасов, так как сюда вели только горные тропы, но позволяло укрепить индо-бирманскую границу. Однако под напором американцев и китайцев был принят другой план: отступить на север вместе с китайскими войсками, имея в тылу Бирманскую дорогу, по которой шли поставки в Китай.

Японцы помогли принять Александеру решение отступить по «индийскому варианту» своим быстрым продвижением по долине Ситауна. Осознав, что дальнейшая оборона Мандалая невозможна, 26 апреля он отдал приказ об отступлении к Калеве²⁸. Из Бирмы в Индию вело две горные дороги, не пригодные для автомобильного транспорта практически на всём протяжении. Северный путь длиной 150 км, более короткий и удобный, шёл от Мандалая по долине Чиндуина и через горы выводил к Калеве. Его главным недостатком были проблемы с водой. Южный путь начинался от г.

Пакхоуку, затем выходил в долину реки Мьита, и далее в виде тропы шёл на север до впадения Мьиты в Чиндуин, где располагались Калева и Калемьо.

Александр отдал приказ своей армии разделиться. 17-я индийская дивизия и танковая бригада (уже без танков) должны были отступать по северному пути; остальные немедленно по южному, чтобы опередить японцев. 17-я индийская и 38-я китайская дивизии прикрывали отступавших. В их задачу входила защита основного моста через Иравади у Авы. Соппротивление оборонявшихся частей постоянно возрастало. Постепенно они научились сражаться. Произошли серьёзные изменения в командном составе. Уже имея превосходящие силы, японцы не смогли добиться решающих успехов.

1 мая 215-й японский полк переправился через Чиндуин и занял г. Моуньюа, что позволяло ему занять Калеве раньше армии Александра, поднявшись вверх по реке. Индийские части, располагавшиеся между Авой и Моуньюа, оказались в крайне тяжёлом положении. К ним быстро были переброшены танковая и 63-я индийская бригады, которые смогли задержать японцев. Вскоре сюда прибыли две бригады бирманской дивизии. Противник смог спасти положение только с помощью военной хитрости. По радио открытым текстом от имени Слива был передан приказ 13-й бригаде оставить позиции у Моуньюа и двинуться на север на соединение с другими частями армии. Бригада выполнила приказ. За ней отступили и другие, оставив нижнее течение Чиндуина в руках противника. Всё это заставило Александра думать только о быстром отступлении, чтобы оказаться первым у Калеве и сохранить личный состав армии. Ему удалось сравнительно быстро достигнуть берега Чиндуина напротив Калеве и приступить к переправе. Однако вскоре появились японцы, тут же начавшие обстрел скопления машин и солдат. Было решено сжечь все машины, повозки и танки, расстрелять все снаряды и, отступив вверх по реке, переправиться в другом месте.

Японцы не имели достаточно сил для преследования и позволили остаткам армии Александра переправиться через Чиндуин, которые затем через перевал Таму двинулись в Индию. Для них Бирманская кампания завершилась. Официально британская армия потеряла 13 463 человека, японская (по её данным) – около 5 тыс²⁹.

17 мая, всего через два дня после начала сезона дождей, Александр доложил верховному командованию, что его войска сосредоточились в Имфале³⁰. В официальной английской прессе давались восторженные отклики: «Войска генерала Александра в полном порядке отступили из Центральной Бирмы к дружеским границам Индии. Кампания не закончилась для него провалом или поражением...войска, состоявшие главным образом из индусов, мало отдыхали, так как, когда они не участвовали в боях, они маршировали. В чужой стране, среди отнюдь не дружественного населения, не оказывавшего никакой помощи, эти люди делали своё дело и когда они теряли территорию, то оставляли на ней много убитых японцев...Поведение войск не давало никаких указаний на то, что произошло поражение...»³¹.

Схожую оценку дал и генерал Уэйвелл: «Отступление не является результатом поражения: оно произошло потому, что мы не смогли закончить дорогу доставки снабжения в Бирму до начала муссона. Армия генерала Александера не была разбита, наоборот, она находится в хорошем состоянии. Армия в Бирме сражалась с выдающимся мужеством, не получая помощи и не отдыхая; она спасла Индию от большой опасности – от угрозы японского нападения раньше чем она была подготовлена для защиты».

Несомненно, что в Бирме японцам не удалось одержать такую же блестящую победу как в Малайе. Но всё равно это было поражение, несмотря на то, что союзные войска, в основном представленные индийскими частями, к концу кампании научились воевать и уже не уступали противнику. Среди солдат, защищавших Бирму, насчитывалось около 5 тыс. английских, 10 тыс. индийских и около 20 тыс. из местного населения³². Эти войска потеряли более 13 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, тысячи оказались в госпиталях с тяжёлыми болезнями, из 150 орудий осталось только 28 и только несколько грузовиков из нескольких тысяч. По другим данным, до Индии добралось только 12 тыс. человек, т.е. около трети британских войск, принимавших участие в боях за Бирму³³. Японцы же потеряли всего 4 600 человек ранеными и убитыми³⁴.

Но самой чёрной страницей для индийцев в Бирме стал исход гражданского населения на родину. После оставления Рангуна десятки, а затем и сотни тысяч индийцев потянулись в Индию через северные перевалы. Наиболее известным из них был перевал Таму, до которого можно было добраться из Мандалая, где скопились тысячи палаток и навесов. Чтобы поток беженцев не мешал войскам, власти в день пропускали не более 600 человек. По официальным данным, в начале апреля здесь находилось более 100 тыс. человек, из них 500 ежедневно умирало от холеры³⁵. Всего около полумиллиона индийцев превратились в беженцев, и едва ли не половина из них погибла на «Чёрной тропе» - истинного числа теперь уже никто не знает³⁶. По данным В.С. Десаи, из Бирмы в Индию в основном наземными путями двинулось около 400 тыс. индийцев, 10 тыс. европейцев и 30 тыс. бирманцев, из которых по дороге примерно 15 – 20 тыс. умерло, пропало без вести или заболело³⁷.

К тому же, когда армия Александера и беженцы достигли Ассама, их здесь встретила всего лишь одна бригада малотренированной индийской пехоты. При этом дух отступавших частей, уже воевавших с японцами и научившихся сражаться с ними, был выше, чем у тех, которые слышали только о победах противника.

В это же время к Имфалу подошли остатки китайской 38-й дивизии – единственного соединения, сохранившего оружие. В июле-августе из Северной Бирмы в штат Ассам отошла 22-я китайская дивизия. Эти два соединения послужили основой для создания китайской группы войск под командованием генерала Стилуэлла, которая в последующие месяцы готовилась к наступлению на Бирму³⁸.

Для укрепления стойкости своих солдат командир 23-й индийской дивизии, бригада которой стояла в Ассаме, генерал-майор Реджинальд Савори 6 мая 1942 г. издал свой первый оперативный приказ: «23-я индийская дивизия а) остановит японское вторжение в Индию и б) разгромит их, если они это сделают». Правда, у дивизии и даже у головной бригады не было ни танков, ни артиллерии, ни противотанковых мин, ни укреплений³⁹. Многие ожидали вторжения японских войск в Индию. Однако этого не произошло, хотя в самой Японии такие планы разрабатывались.

¹ Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939 –1945 гг. М., 1956. С. 194.

² Можейко И.В. “Западный ветер – ясная погода”. М., 1984. С. 133.

³ Элдридж Ф. Гнев в Бирме. М., 1947. С. 90.

⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942. М., 1967. С. 349.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ Kirby S.W. The war against Japan. L., 1957. Vol. 11. P. 23.

⁷ Collis M. Last and first in Burma (1941-1948). L., 1956. P. 50.; Можейко И.В. “Западный ветер – ясная погода”. М., 1984. С. 137.

⁸ Элдридж Ф. Гнев в Бирме. М., 1947. С. 29-30.

⁹ Stilwell J. The Stilwell Papers. L., 1945. P. 31-32.

¹⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870-1945). М., 1951. С.536.

¹¹ Каткова З.Д. Внешняя политика гомиьндановского правительства в период антияпонской войны. М., 1978. С. 132.

¹² Васильев В.Ф. Очерки истории Бирмы 1885-1947. М., 1962. С. 248.

¹³ Carew T. The longest retreat. The Burma campaign, 1942. L., 1969. P. 52.

¹⁴ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке (1870 - 1845). М., 1951. С. 536.

¹⁵ Collis M. Last and first in Burma (1941 - 1948). L., 1956. P. 70.

¹⁶ Collis M. Last and first in Burma (1941 - 1948). L., 1956. P. 92.

¹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. Т. 4. С. 382-385.

¹⁸ Kirby S.W. The war against Japan. L., 1957. Vol. 11. P. 73.

¹⁹ Collis M. Last and first in Burma (1941 - 1948). L., 1956. P. 108.

²⁰ Можейко И.В. “Западный ветер – ясная погода”. М., 1984. С. 152-153.

²¹ Попов К.М. Тихоокеанский театр военных действий. Ташкент, 1942. С. 47.

²² Лиддел Г., Б. Вторая мировая война: (очерк). М., 1976. С. 299.

²³ Можейко И.В. “Западный ветер – ясная погода”. М., 1984. С. 167-168; Lewin R. Slim: the Standartbearer. L., 1978. P. 60.

²⁴ Raina B.L. Campaigns in the Eastern theatre. Kanpur, 1964. P.150.

²⁵ Tuchman B.W. Stilwell and the American Experience in China. 1941 - 1945. N.Y., 1971. P. 276.

²⁶ Элдридж Ф. Гнев в Бирме. М., 1947. С. 49.

²⁷ Kesavulu S. The Second World War in retrospect. Ambattur (Madras), 1985. P. 63.

²⁸ Raina B.L. Campaigns in the Eastern theatre. Kanpur, 1964. P.160.

²⁹ Kirby S.W. The war against Japan. L., 1957. Vol. 11. P. 296.

³⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. Т. 4. С. 387.

³¹ The Times. 1942. 25 May; Рован-Робинсон Г. От Окинлека до Александра. Лондон, 1942. С. 156.

³² Desai W.S. India And Burma. A Study. – Bombay-Calcutta-Madras, 1954. P. 75.

³³ См. История второй мировой войны 1939 – 1945. М., 1975. Т. 5. С. 403.; Dupuy T. Military History of World War Two. N.Y., 1963. V. VIII. P. 52.

³⁴ Maule H. The Great battles of World War II. L., 1972. P. 334.

³⁵ Kirby S.W. The war against Japan. L., 1957. Vol. 11. P. 150.

³⁶ Можейко И.В. “Западный ветер – ясная погода”. М., 1984. С. 175-176.

³⁷ Desai W.S. India And Burma. A Study. Bombay-Calcutta-Madras, 1954. P. 75.

³⁸ История второй мировой войны 1939 - 1945. М., 1975. Т. 5. С. 403.

³⁹ Carew T. The longest retreat. The Burma campaign, 1942. L., 1969. P. 1-2.

Пределы и возможности интерпретации исторических событий современной истории

Российское общество, несмотря на все экономические и социальные проблемы, не утратило интереса к отечественной и мировой истории. Достаточно сослаться на дискуссии, что развернулись вокруг идущей с лета 2010 г. на 5 телеканале программы «Суд времени», чтобы убедиться в том, что история «не умерла». «Сторона обвинения» – писатель Л.М. Млечин, и «сторона защиты» – политолог С.Э. Кургинян (передачи шли в жанре «ток-шоу»), прибегая к помощи экспертов, предлагали свои интерпретации различных исторических событий, роли в них той, или иной личности. Желание настоять на своей точке зрения было столь велико, что эмоции оказались главным аргументом в «поисках правды», в которую, как писала журналистка Алла Боссарт, 93 % россиян просто не хотят верить¹. Или другой пример: выход на экраны фильма режиссера П. Лунгина «Царь». В Москве еще до его премьеры прошла акция протеста против «фальсификации народного царя», а в прессе можно было найти не только «хвалебные» отзывы, но и весьма острые упреки в «незнании и непонимании русской истории»².

То, что отечественную историю продолжают трактовать с разных, нередко прямо противоположных позиций, проявилось в ситуации с изданием учебного пособия «История России. 1917 – 2004» А.С. Барсенкова, А.И.Вдовина³. Некоторые члены Общественной палаты РФ весьма «нервно» восприняли авторские интерпретации сталинского периода. Декану исторического факультета МГУ С.П. Карпову и Ученому совету этого факультета пришлось заявить, что обсуждение пособия «вышло за пределы научной дискуссии, ведется в плоскости политизированных, ангажированных оценок...»⁴.

Подобных примеров – не только из российской истории, но и истории других стран, великое множество. Взять хотя бы известные события 11 сентября 2001 г. в США, когда доводы сомневающихся в официальной версии выглядят весьма убедительно, ибо представлены как «независимое расследование»⁵.

Фальсификация истории действительно существует, но историческое сообщество в состоянии отделить полновесные зерна от плевел, хотя в отдельных случаях это требует колоссальных усилий и затрат. Проблема видится в другом: разгадка прошлого может находиться не в самом прошлом, а в том, что и как написал о нем историк. То есть, где заканчивается научная

интерпретация, и начинается «новая трактовка событий» с упором на сенсационность и расцвечивание «белых пятен». На это можно привести высказывание члена-корреспондента РАН В.П.Козлова: «История все больше и больше становится похожей на игральные кости, где автор-сочинитель становится победителем, получив случайно наивысший или большой расклад». Есть просто «прошлое», есть «актуальное прошлое», есть «история» как «прошлое» и есть «реалии и мифы» этой истории. Реалий истории не так уж и много. Это те, что не подвергаются сомнению. Все остальное – интерпретации, реконструкции, домыслы, гипотезы, предположения, а в худшем случае, это не что иное, как мифы⁶.

Да, практически каждое научное исследование является своего рода интерпретацией (интерпретация (с лат.) – буквально толкование, раскрытие смысла, того или иного текста), приближающей нас к объективному осмыслению прошлого. При этом следует учитывать, что само событие и его интерпретатор разделены между собой временем, находятся в разных культурных мирах, то есть «речь идет одновременно и о транстемпоральном, и о трансмировом различии»⁷. С этим суждением, когда речь идет о далеком прошлом, трудно не согласиться. При обращении к новейшей истории подобной «дистанции» может и не быть. Современный мир способен меняться на наших глазах, а последние десятилетия радикально изменили не только политическую карту, но мировоззрения людей.

Освальд Шпенглер писал о необходимости в «общей картине мировой истории рассматривать также и **современность** (выделено нами – Б.П.) – которая является таковой только для одного из бесконечного множества человеческих поколений...»⁸. Осмысление «современности» весьма различно в сфере гуманитарного знания. Философы, социологи, культурологи делают акцент на том, что значимо для их науки и учебной дисциплины. Философское осмысление «современности» может предстать самым «глубоким», ибо философия всегда рассматривала мир под знаком вечности и «современность» таким образом, не может быть отнесена к какой-либо конкретной эпохе. Бытие человека всегда современно. Но для историка прошлое есть прошлое, а античность была современностью только для тех, кто жил в ее эпоху, которая давно завершилась.

В истории современность еще ждет своего завершения. Ее горизонт открыт, но время осязаемо и поддается прочтению. В современности этого нет, или почти нет. Но и в этом случае следует освободить историю от личных предрассудков наблюдателя и избежать того, чтобы «подчинять ее моментальным общественным идеалам и интересам»⁹.

Проблемы познания современности кроются не только в ее неоднозначности и ускорении социального времени, но и отходом от самой истории. Замещение ее рядом других дисциплин, внеисторическая интерпретация используемых терминов и понятий, преимущественно политологических, нередко приводит к искажению реальных событий. При таком подходе, когда, например, российскую современность «укладывают» в заимствованные схемы и конструкции, исторические факты утрачивает свою

значимость. Подчеркнем, что историческая наука не сводится только к исследованию конкретно-частных, индивидуально-кратных фактов и событий. Историк тот, кто за фактами видит глубинные смыслы и облекает их в связанное знание¹⁰.

В чем особенность труда современного историка? В XIX веке историки не без оснований считали, что их работа в установлении фактов будет завершающей. Логика их рассуждений понятна: все основные события прошлого будут научно описаны и какие-то новые источники не окажут существенного влияния. В определенном смысле этот уровень был достигнут. Историкам XX века пришлось перенести свой основной акцент с «научного установления фактов» на научность «интерпретаций». Они должны четко отделять и отличать исторические доказательства от исторической аргументации и видеть объясняющую силу фактов как таковых. Однако в современной истории фактология способна опрокинуть любые теоретические построения, претендующих на истину в последней инстанции. Не потому ли в западном научном мире современностью занимаются политологи, а не историки. Вроде бы выход найден. Заменяем историю чистой политикой. Где тогда начинается и кончается современная история?

Е.П. Бажанов, проректор Дипломатической академии МИД РФ, в журнале «Эхо планеты» пишет: «Двадцать лет в нашей стране не было ни одного политолога, как и не было самой науки политологии. Сейчас политологом называет себя почти всякий, кто выступает по телевидению»¹¹. Политология, по его мнению, очень важная и серьезная наука, которая требует фундаментальных знаний, специализации и постоянного внимания к объекту исследования. В 1990-е гг., после введения политологии в качестве научной специальности и учебной дисциплины, политическая мысль в России преимущественно является отражением западных концепций, идет ли речь о «тоталитаризме», «цивилизации», «гражданском обществе», «правовом государстве», «модернизации» и т. д. Наиболее цитируемыми стали американские политологи и социологи З. Бжезинский, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, И. Валлестайн и другие. Разумеется, сами по себе эти авторы, как и их идеи, заслуживают внимания и изучения, но для России кроме «вестернизации» они ничего не предложили, и предложить не могли¹².

Не потому ли возник вакуум российской истории. Советский период практически полностью исключен из обращения. Дискредитация началась еще во время перестройки, и «за какие-нибудь 4-5 лет, пишет профессор МГУ В.П. Смирнов, образ страны стал совсем другим»¹³. Вместо того, чтобы объективно проанализировать действительно нелегкий и противоречивый период, когда при всех его издержках, СССР был второй державой мира, его стали рассматривать исключительно через призму «тоталитаризма». Российских политологов не смущает то, что в исторической науке, как отечественной, так и зарубежной преобладает критическое отношение к концепции «тоталитаризма», используемой Западом в годы холодной войны

как идеологическое средство в борьбе против СССР и стран восточного блока. Именно политологами была подхвачена эта «концепция» для утверждения тождественности между итальянским фашизмом, германским национал-социализмом и сталинизмом. Как точно подметил историк В.П. Любин: «Чем меньше знаешь о сущности этих режимом, тем легче проводить поверхностные параллели. Когда знания углубляются, начинаешь видеть и многие отличительные признаки»¹⁴.

Да, многие события в современной истории могут быть объяснены стремлением человека к свободе и демократии. Крах реального социализма в странах Восточной Европы действительно произошел в ходе «демократических революций». У них появились и другие названия: «бархатные», «переговорные», «цветные». Насколько серьезно следует воспринимать подобные дефиниции? То, что это были революции – сомнений нет: произошла перемена строя. Коммунистические режимы и соответствующие им экономические системы были демонтированы¹⁵. Но если до недавнего времени к революционерам традиционно относили левых, то в 80-е гг. XX в. в ряду «революционеров» оказались Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган¹⁶. Берлинский историк Доминик Гепперт в своей книге «Консервативная революция Маргарет Тэтчер», считает, что «революционеркой» Тэтчер сделало само время, когда англичане пожелали радикальных перемен в своей жизни, а она своей политикой ответила на этот вызов времени¹⁷. Но как быть с теми, кому «тэтчеризм» принес не процветание, а дополнительные социальные проблемы? Раньше ими занималось государство, но «железная леди» переложила их на плечи самих граждан. Историки, приняв термин «неоконсервативная революция», просто обязаны обосновать новые интерпретации «консерватизма» и «революции»¹⁸.

Проблема не в том, что политику трудно отделить от собственно истории. Как считает В.Козлов, политические мотивы интерпретации истории, которые всегда не пользовались авторитетом и уважением у «неангажированных историков», ныне становятся самодовлеющими. Отсюда – «никто не желает открыть правду истории, через нее – постигнуть истину, и, на ее основе восстановить справедливость»¹⁹. Подобное утверждение можно отнести и к предыдущим векам, но особенно характерно это в отношении XX века. Неслучайно, известный английский историк Эрик Хобсбаум назвал его «эпохой «крайностей» и «коротким веком»²⁰.

Одна из проблем всех дискуссий – отсутствие четких дефиниций. «История» воспринимается нами, прежде всего, как «последовательность событий во времени», хотя в современной литературе встречаются самые разнообразные определения предмета истории, вплоть до диаметрально противоположных (насчитывают до 30 дефиниций предмета истории как науки). Определение предмета истории связано с мировоззрением историка, его философскими взглядами. С политикой сложнее. Буквально с греческого – «искусство управления государством». Если обратиться к прежним

определением, то это сфера отношений между классами, связанная с их борьбой за власть в государстве, это деятельность партий и их лидеров, социальных групп и корпораций, это внутренняя и внешняя, военная, социальная, культурная политика и т. д.

Политика – это еще и форма общественного сознания. Она не совпадает с государством. Политика реализуется через власть, через все имеющиеся у нее средства. Напрямую политика не связана ни с истиной, ни с идеалом – главный объект ее устремлений – субъективные интересы, на что указывал еще Аристотель. Подчеркнем: именно интересы. История, прошлая, современная является тем полем деятельности, на котором можно проводить и закреплять эти интересы.

Известный российский историк из Томска Б.Г. Могильницкий так писал в своей книге по методологии истории: «Подлинное научное решение вопроса о соотношении истории и политики возможно только с классовых позиций». Дальше рассуждения автора шли в привычном для советских времен русле: в «классовом обществе политика всегда является классовой, что и определяет природу ее взаимоотношений с исторической наукой»²¹. Это влияние может быть позитивным, так и негативным. Все зависит от того: о какой политике, и какой истории идет речь. В классовом обществе историческая наука призвана выполнять социальный заказ – защищать и обосновывать политические идеалы и лозунги определенного общественного класса или социальной группы. В буржуазном обществе, разумеется, политика является уделом господствующего класса, а история при этом выступает как действенное орудие этой политики²².

Сегодня эти «выводы» можно отнести на счет доминировавшей в советское время идеологии. И мы будем правы. Но все идеологии всегда ориентированы на историю. И марксизм не был исключением, а историки «пишут историю сообразно своим идеологическим пристрастиям»²³. Крушение системы реального социализма поставило под сомнение научность «линейной интерпретации» развития мировой истории. Смена капитализма коммунистической формацией не состоялась. Рыночная капиталистическая экономика доминирует даже в тех странах, где политическая власть принадлежит коммунистической партии. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми, при капитализме таковыми являлись буржуазия и пролетариат, перестала быть главной движущей силой исторического прогресса. Отметим, что марксистская методология (исторический и диалектический материализм) «не сработала» лишь в отношении современности. Что касается предыдущих периодов человеческой истории, то к ним она вполне применима, хотя и утратила свою исключительность. И все же, вряд ли стоит полностью отбрасывать, предавать забвению марксизм и сформировавшуюся на его основе марксистскую историографию. Возможно, как считают левые интеллектуалы и технократы, планетарное расширение капитализма готовит такой же планетарный переход к новой формации, параметры которой труднопредставимы, ибо «полнота понимания действительности достигается

тогда, когда можно сравнить различные модели описания природных явлений»²⁴.

Вернемся к оценке роли политики в интерпретации событий современной истории. В телепередаче «Суд времени», о которой шла речь в начале статьи, обсуждалось объединение Германии. С точки зрения «защиты», немецкое объединение следует воспринимать как «закономерность» и «необходимость», так как раскол был навязан немцам державами-победительницами, в первую очередь, Советским Союзом. С позиции стороны «обвинения» как «политическое предательство», которое в большей степени вменялось лично президенту СССР М.С. Горбачеву²⁵. Насколько корректно рассматривать произошедшее в 1989-1990 гг. событие в подобной постановке: «или» – «или»? В немецкой истории раскол, отделение, обособление земель занимает значительно больше времени, чем существование единого государства. Поэтому при сохранении определенных условий, ФРГ и ГДР могли и дальше продолжить собственную историю. Пример австрийцев, которые после распада Габсбургской империи добивались единства с Берлином, а в 1938 г. поддержали «аншлюс», тем не менее после Второй мировой войны предпочли свое немецкое государство.

Спустя двадцать лет после объединения Германии, интерпретации этого события не вышли за рамки политических оценок, но политика («германская политика» канцлера Коля; «политика перестройки» Горбачева²⁶) и была определяющей, именно она задавала вектор в решении германской проблемы. Выяснить, почему состоялась именно эта альтернатива, а не какая-то иная, возможно лишь с исследованием всех внутренних и внешних факторов, обусловивших объединение Германии, учитывая и те, что относятся к разряду «случайных»²⁷. Одно из существенных отличий современной истории от предыдущих эпох в многослойности самих событий. Установить причинно-следственные связи, роль и значимость внутренних и внешних факторов затруднительно, а в некоторых случаях просто невозможно. «Чем выше ступень исторического развития, – пишет в своей полемичной книге российский социолог В. Вильчек, – тем сложнее связь разных факторов исторического процесса и тем больше всевозможных «химер»²⁸.

В связи с этим логично обратиться к проблеме многовариантности исторического развития. Почему состоялась та или иная альтернатива? Этот вопрос не может не вызвать определенной доли скептицизма. Чаще приходится слышать, что в действительности происходит то, что и должно было произойти, а рассуждения об альтернативности истории – это не более, чем «умственные упражнения» для историков, которые тем самым пытаются поднять значимость своих изысканий. Отсюда и пренебрежительное отношение к контрфактической истории, как к некому экстравагантному увлечению, не имеющему никакого отношения к науке.

В советской историографии альтернативность трактовалась весьма избирательно. С одной стороны, признавалось существование капитализма, с другой – обосновывалась его гибель и переход к коммунистической

формации, то есть становление новой альтернативы. Но в целом, теория альтернатив считалась «буржуазной» и вредной для самой исторической науки. Весомый вклад в преодолении устаревших подходов внес историк И.Д. Ковальченко. В своих работах автор попытался выйти за рамки исторического материализма, подробно рассматривая соотношения объективных и субъективных факторов в истории, отказавшись от связи проблемы альтернативности с социальной и политической практикой современности. И. Д. Ковальченко критиковал неправомерность и научную несостоятельность искусственного конструирования альтернатив историком, попытки увидеть их там, где их не было. В связи с этим противопоставлялась имитационно-альтернативное и имитационно-контрфактическое моделирование. «Сконструированные исследователем, то есть произвольные исторические ситуации, не только не представляют, – по мнению И. Д. Ковальченко, – познавательной ценности, но и чреватые искажением реального хода исторического развития». Следовательно, в познавательном плане контрфактическое моделирование может иметь смысл только в том случае, если историческая действительность содержала возможность иного исхода, то есть когда объективно существовала альтернатива реально осуществившемуся варианту развития. Основной изъян контрфактического моделирования исторического развития, по его мнению, состоит в субъективизме. Контрфактические модели представляют ход истории таким, каким бы его хотел видеть историк ²⁹.

Свою точку зрения обосновывал Б. Г. Могильницкий утверждая, что историк не может заниматься догадками типа «что было бы, если бы». Однако, рассматривая то, что было, он не должен упускать из виду, что могло происходить и по иному. «Подход к прошлому, основывающийся на убеждении, что все происходило так, как должно было происходить, создает питательную почву для его апологетики» ³⁰. По его мнению, реальность воплощения той или иной альтернативы во многом зависит от субъективного фактора, то есть от деятельности масс, организаций, личностей. При этом эти действия лежат, прежде всего, в политической плоскости.

Сегодня контрфактические работы уже не редкость, о чем пишет в монографическом исследовании доктор философских наук В.А. Нехамкин ³¹. Так появились книги о том, каким был бы мир в случае победы Гитлера во Второй мировой войне. При ином раскладе политических сил в 1939-1941 гг. такая возможность вполне допустима. Потому и не прекращаются дискуссии вокруг советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. («пакт Молотова-Риббентропа»), подписанием которого советское руководство сорвало планы по объединению Запада на антисоветской основе во Второй мировой войне ³². Или, например, известные российские экономисты А.В. Бузгалин, С.Ю. Глазьев, М.Ю. Делягин и др., допуская возможность сохранения СССР, показывают его экономическое развитие в XXI веке, когда наша страна, развиваясь в рамках реального социализма, стала бы мировым лидером. Следует отметить, что сторонники «левой альтернативы», не будучи апологетами неолиберальной рыночной экономики, вовсе не являются

современными «социалистами-утопистами», а выстраивают свои «реалии» путем научного анализа роли и места государства в современной экономике

³³.

Иными словами, нельзя рассматривать прошлое с позиции его обусловленности, так как такой подход создает питательную почву для его апологетики. Важно выявить все существовавшие возможности. В. Нехамкин приводит следующую классификацию таких возможностей: абстрактные (имеющие лишь отдельные предпосылки к реализации); формальные (реализация могла быть обеспечена лишь уникальным стечением обстоятельств); реальные (осуществляемые на основе доминирующих в данной системе законов)³⁴.

Альтернатива представляет собой качественно иное состояние объекта. Она не отражает существующую действительность, она противостоит ей, создавая новую реальность. Для того, чтобы ее сконструировать, требуется не фантазия, а научные средства. Необходимо установить, почему из сложившихся на то время условий состоялся переход именно к этому, а не иному альтернативному варианту. Тем самым, расширяются возможности для интерпретирования исторических событий.

Методология контрфактических исследований, что предлагает В. Нехамкин, позволяет описать другую реальность в решении германского вопроса. Как уже отмечалось, объединение Германии немецкие политологи относят в разряд случайных обстоятельств, которые проявились осенью 1989 г.³⁵. С какого момента ситуация в ГДР стала необратимой? С падения Берлинской стены. Когда очевидцы и свидетели живописно рассказывают о падении Стены, практически никто не говорит о том, что это была не просто «стена» – это была граница ГДР, а границы любого государства, если власти думают о его сохранении, должны быть неприкосновенны. Неприкосновенность границ ГДР, как и ее существование, были закреплены в международно-правовых договорах и актах (Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину (1971); Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ (1972); Заключительный акт Хельсинки (1975) и др.). ГДР являлась полноправным международным субъектом, членом ООН, СЭВ, ОВД, других международных организаций и несла свою долю ответственности в поддержании европейской безопасности. Напоминание об этих положениях, заставляет более пристально отнестись к событиям в ГДР и ФРГ³⁶.

В 2009 г., в Германии с размахом отмечался 20-летний юбилей падения Берлинской стены. Прозвучало немало различных высказываний об этом событии и его значении в судьбах ГДР, немцев и европейцев. Последний коммунистический руководитель ГДР и СЕПГ Эгон Кренц сказал буквально следующее: если бы Стена не пала 9 ноября 1989 г., а сохранилась на день-два, то она бы устояла бы и далее, а значит ГДР продолжила бы свое существование³⁷. Кренц, хотя и стал генсеком всего на пятьдесят дней, он по праву считался преемником Хонеккера, и не собирался «сдавать» ГДР западному соседу. Однако ситуация в республике к тому времени была

хаотична, руководство пребывало в растерянности, полагаясь при этом на подсказки из Москвы.

Падение Берлинской стены связано с курьезом, случившимся 9 ноября 1989 г. на вечерней пресс-конференции в Берлине. Плохо информированный функционер СЕПГ Шабовски зачитал новые правила выезда из ГДР. Документ был «сырой», составлен фактически «на ходу». На вопрос итальянского корреспондента: «Когда это можно сделать?» Шабовски несколько раз повторил, что «положение немедленно вступает в силу»³⁸.

После того, как западногерманское телевидение объявило об этом сенсационном сообщении, жители Восточного Берлина устремились к пограничным переходам, чтобы «спонтанно протестировать новые правила для поездок». К полуночи скопились десятки тысяч людей, и, чтобы снять напряжение, переходы были открыты. Только за ночь в Западном Берлине побывало около 60 тыс. граждан ГДР. 10 ноября восстановить пропускной режим не удалось. Берлинская стена пала. Граница ГДР оказалась открытой.

Как видим, завязкой к решающим событиям стала случайность. 10 ноября новые правила выезда из ГДР должны были появиться в прессе. Возможности выезда расширялись, но визовый режим сохранялся. Решительные действия властей позволили бы установить контроль над ситуацией. Пауза охладила бы канцлера Коля, который не прилетел бы 10 ноября в Западный Берлин, как это произошло в действительности. Исход граждан ГДР в ФРГ уже вызвал недовольство у населения ФРГ, так как на их обустройство уходили немалые средства. Твердые действия властей ГДР заставили бы М.Горбачева выполнять свои обещания, данные Кренцу 1 ноября 1989 г. в Москве. В противном случае, ему могла грозить отставка. В ЦК КПСС, учитывая провалы в политике перестройки, уже обсуждалась вероятность замены М.Горбачева на более ортодоксального марксиста-ленинца. Свою роль сыграла бы при этом и позиция английского премьер-министра М. Тэтчер и французского президента Ф. Миттерана, которые не желали быстрого объединения ФРГ и ГДР, о чем имеются документальные свидетельства³⁹.

Таким образом, дальнейшие события в 1990 г. могли бы развернуться по иному. Состоялся бы иной вариант, без тех издержек, потрясений и трагедий, что испытали народы СССР, Центральной и Юго-Восточной Европы. Разумеется, подобная альтернатива требует более тщательной проработки. Следует непредвзято взвесить и оценить возможности советского и восточноевропейского социализма к модернизации при сохранении жесткой конкуренции со стороны капиталистических государств. Но согласимся, что рассмотрение возможных альтернатив повышает достоверность интерпретации.

В связи с кризисом марксистской концепции истории «абсолютизация идеи многофакторности действительности и многоаспектности знания, пишет в своей статье ведущий научный сотрудник ИВИ РАН К.В. Хвостова, в сущности, означает признание за каждой наукой своей методологии, не

сводимой к единому философскому пониманию мира и способом его изучения». Ею справедливо отмечено, что в подобной формулировке этот вывод не вызывает возражений, но в рамках постмодернизма, приверженцев которого сегодня немало, произошел отказ от специальной и детальной разработки методологических проблем⁴⁰. Попытки объяснить прошлое и настоящее «цивилизационной» или «религиозной» интерпретацией, например: «начало» и «конец» истории с точки зрения христианства, способны добавить нам кое-что в толковании исторических фактов. Но не более того. Подобное можно наблюдать в исследовании истории с позиции гендера. «Концепт гендера, считает И.М. Савельева, может дать глобальное основание для переписывания истории, и основание не меньшее, чем концепт класса». Вместо «пролетариев всех стран», достойными для изучения были признаны «потерянные» и «забытые», которые якобы и оказывали главное влияние на историю⁴¹.

Современный историк в своем стремлении к объективности не может не использовать все многообразие методов и приемов. Возросшая роль информации в качестве «единого первичного основания», лежащего в основе всех возможных интерпретаций, предполагает еще большую ответственность исследователя перед «судом времени».

¹ Новая газета, № 134, 28. 11. 2010.

² Соколов П. Утонувший «Остров»//Литературная газета, № 49, 2-8 декабря 2009 г.

³ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 3-е изд., расшир. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2010.

⁴ См.: Свободная мысль, 2010. № 10. С. 202-206.

⁵ Об этих событиях группой энтузиастов под руководством известного европейского политика, итальянца Джульетто Кьеза был снят документальный фильм «9/11. Расследования с нуля». См.: также книгу: Кьеза Д. Зеро. М. 2008.

⁶ Козлов В.П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого//Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 3.

⁷ Старжинский В.П., Табачков А.С. История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого//Вопросы философии. № 1. 2010. С. 37.

⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 156.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Садыков М.Б. Философия истории: современные подходы//Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Материалы международной научной конференции. Казань, 2007. С. 23.

¹¹ Эхо планеты. № 47-48, 2010. С. 13.

¹² См.: Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация//Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58-69.

¹³ Смирнов В.П. О достоверности исторического знания//Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 179.

¹⁴ Любин В.П. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме. М. 2005. С. 6.

¹⁵ История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М. 2007. С. 16-17.

¹⁶ Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996; Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М. 2008.

¹⁷ <http://www.dw-world.de/dwelle/cda/detail/dwelle.cda.detail.artikel...03.06.03>

¹⁸ Петелин Б.В. Консерваторы без консерватизма: какой поворот произошел в странах Запада в последней трети XX века//история идей и история общества. Материалы VI Всероссийской научной конференции. Нижневартовск. 2007. С. 189-192.

¹⁹ Козлов В.П. Указ. соч. С. 7.

²⁰ См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М., 2004.

²¹ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 124.

²² Там же. С. 125.

- ²³ Савельева И.М. Идеология и история//Памяти профессора И.В.Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004. С. 30-32.
- ²⁴ Капица С.П. Об ускорении исторического времени//Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 9.
- ²⁵ «Горбачев сдает Восточную Германию» - так написал в своей книге известный российский историк А.И.Уткин. См.: Уткин А.И.Измена генсека. Бегство из Европы. М., 2009. С. 79-81; Подобную оценку внешней политике М.Горбачева дают в своей книге авторитетный американский политик С.Тэлботт и историк М.Бешлосс. Бешлосс М. Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М., 2010.
- ²⁶ См.: Петелин Б.В. Германская политика канцлера Гельмута Коля. Вологда, 2004; Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986-1991. М., 2006
- ²⁷ Началом процесса объединения Германии стало падение Берлинской стены. Но ее «падение», как считают некоторые немецкие и российские политологи было вызвано «случайной оговоркой» руководителя берлинской партийной организации СЕПГ Г.Шабовски на пресс-конференции 9 ноября 1989 г. Подробнее см.: Петелин Б.В. «Мы один народ»//Родина, 2010. № 4. С. 112-115.
- ²⁸ Вильчек В.М. Алгоритмы истории. М. 2004. С. 184.
- ²⁹ См.: Ковальченко И.Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии//История СССР. 1986. № 4. С. 82-95; Он же. Методы исторического исследования. М, 1987.
- ³⁰ Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 38.
- ³¹ Нехамкин В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект: Монография. М., 2010. С. 5-6.
- ³² Липинский Я. Секретные протоколы Сталина и Гитлера – нескончаемая история с 1939 г.// Международный кризис 1939-1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции 3-4 февраля 2005 г., Москва. М., 2006. С. 23-44.
- ³³ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мировой экономический кризис: природа и альтернативы будущего (марксистский анализ)//Мировые кризисы XXI века: причины, альтернативы преодоления (Россия в глобальном контексте). Материалы конференции 28-29 марта 2009 г.). М., 2009. С. 3-16.
- ³⁴ Нехамкин В.А. Указ. соч. С. 47.
- ³⁵ Подробнее см. об этом: Петелин Б.В. «Счастье, свалившееся с неба» или был ли план объединения Германии?//Россия и современный мир. 2002. № 4. С.162-170.
- ³⁶ Штуби Г. Международно-правовые аспекты немецкого объединения//Советское государство и право. 1991. № 10. С. 87-98.
- ³⁷ См.: Кренц Э. Осень 1989 года. М., 2009.
- ³⁸ Schabowski G. Der Absturz. Berlin, 1992. S. 306-308;
- ³⁹ См.: Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986-1991. М., 2006. С. 454-465; 478-487.
- ⁴⁰ Хвостова К.В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука//Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 26.
- ⁴¹ Савельева И.М. Указ. соч. С. 57-58.

Н.П. Писчикова

Внешнеторговая деятельность России и США в начале XX века

В начале XX века торговая сфера была наиболее развитой в экономических отношениях между США и Россией. Русско-японская война внесла коррективы во внешнеторговые отношения этих двух стран. С начала боевых действий Дальний Восток стал центром внимания бизнесменов США, занимающихся торговлей, так как на территории велись боевые действия и держать под полным контролем данный регион не представлялось возможным. В связи с этим значительно расширились сибирский и дальневосточный рынки для американских товаров. Объемы торговли между двумя странами постоянно росли.

Необходимо заметить, что годы, выпавшие на период русско-японской войны, складывались более удачно для США. В 1904-1905 годах США переживали подъем в экономической сфере по сравнению с предшествующими годами. Данный период был удачен и для внешней торговли страны. Если сравнить экономическое положение, в котором находилась Россия, то следует упомянуть, что после кризиса 1900-1903 годов в нашей стране только начинался процесс восстановления экономики. Кроме того, не надо забывать, что боевые действия, проходившие на территории Дальнего Востока, также не способствовали быстрой нормализации экономики, война затронула жизнь всего дальневосточного региона, который занимал немаловажное место в системе экономической жизни России. Ухудшение отношений с Китаем закрыли для России рынки этой страны, что повлекло за собой снижение уровня производства легкой промышленности.

Однако хотелось бы возразить ряду ученых, исследовавших русско-американские экономические отношения на рубеже XIX и XX веков, и считавших, что, начиная с 1904 года, ввоз американских товаров в Россию стал падать, резко сократился экспорт из России в США в 1904—1905 годах по сравнению с предвоенным 1903 годом. Приведенный ниже анализ документов и материалов Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики России, а также Обзоров внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895-1905 гг. доказывают, что русско-японская война значительно повлияла на русско-американскую торговлю 1904—1905 годов, а показатели 1904 года по ряду статей товарообмена не только не сокращаются, а наоборот, в несколько раз увеличиваются, по показателям 1905 года торговля России с США вышла на довоенный уровень.

Однако нельзя не заметить, что экономическая политика США во время русско-японской войны по отношению как к России, так и к Японии не была «беспристрастна» и «объективна», как заявляли ученые из США. При тщательной сравнительной характеристике торговых отношений США с Россией и Японией во время войны можно с уверенностью сказать, что, несмотря на заявление США о «строгом нейтралитете»¹, симпатии представителей американского бизнеса были на стороне Японии. Во время русско-японской войны США заняли первое место во внешней торговле Японии, обогнав Великобританию. Особенно большие выгоды получали американские бизнесмены, прибегавшие к контрабандной торговле. Так, с началом войны Россия «объявила съестные продукты контрабандой»². Однако многие американские фирмы, не взирая на запрет, вели контрабандную торговлю в пользу Японии этими товарами.

В японские порты постоянным потоком прибывали из Европы и Америки корабли с военной контрабандой, причем капитаны пароходов снабжались «двойными документами», т.е. по официальным документам грузы назначались в какой-нибудь нейтральный порт, а по другим документам - в Японию.

Борьба против военной контрабанды приняла весьма острые формы во второй половине 1904 года. Русское правительство объявило военной контрабандой ряд товаров, предназначенных для Японии, и русский флот начал проводить систематические операции по захвату нейтральных судов с контрабандным грузом. 22 июля 1904 г. у берегов Японии русскими военно-морскими силами был задержан пароход «Арабия», зафрахтованный американской компанией Portland & Asiatic Steamship Co и направляющийся в Гонконг. По решению Владивостокского призового суда часть его груза (пшеница и железнодорожное оборудование, адресованное коммерческим фирмам в различных японских городах) была признана военной контрабандой и конфискована, после чего корабль с оставшимся грузом продолжил плавание. Решение суда вызвало резко негативную реакцию Госдепартамента, отрицавшего контрабандный характер груза. 20 ноября 1904 г. дело разбиралось в суде Адмиралтейства, который, рассмотрев представленные свидетельства, отменил решение Владивостокского призового суда лишь в отношении части конфискованного груза, в целом признав его действия правомерными³. Захват судов продолжался и в 1905 году (пароходы «Австралия», «Монтара», «Антилопа», «Барракута» и др.).

Данное отношение к «нейтральным» судам вызвало среди правящих кругов Соединенных Штатов большое негодование, ибо, во-первых, они наносили сильный удар по «крупной контрабандной торговле с Японией», которую вели с ней с начала войны «многие американские коммерческие фирмы»⁴, а во-вторых, эти действия могли поставить Японию в весьма тяжелое положение.

Правительство Соединенных Штатов немедленно поспешило на помощь Японии. Своей нотой от 10 июня 1904 года государственный секретарь Хэй США начал энергичное дипломатическое наступление на русское правительство⁵. Кроме этой ноты, США направили России еще ноты⁶ от 1 и 30 августа, 13 и 17 октября 1904 года с целью значительно урезать список товаров, объявленных контрабандными и подлежащих конфискации. Кроме того, в одной из своих последующих нот государственный секретарь США настаивал на том, что эти товары не могут быть захвачены и конфискованы, «если нельзя будет доказать», что они действительно предназначены для сухопутных или морских сил воюющего государства.

Претензии были сформулированы так, что предоставление подобных «доказательств» является практически неосуществимым делом. Зная, что Россия не сможет предоставить доказательства, правительство США, заявляло, тем не менее, русскому правительству «самый серьезный протест»⁷ против захвата товаров.

В одной из своих нот, протестуя против захвата русскими контрабандных товаров, государственный секретарь США обвинял русскую сторону в потере здравого смысла из-за ввода в контрабандные товары угля, горючего, хлопка-сырца. Такое расширенное толкование контрабанды, при котором эти товары «подводятся под категорию военной контрабанды

только из-за того, что они перевозятся нейтральными судами в неблокированный порт воюющего государства, противоречит здравому смыслу и законам нейтральной торговли»⁸.

США начали открыто выступать на стороне Японии. В начале июня в Петербурге было получено сообщение из Пекина, в котором говорилось, что «американская эскадра в южнокитайских водах получила приказание перейти в Чифу и крейсировать в Чжилийском заливе»⁹. В июне морское ведомство США отдало приказ Тихоокеанской эскадре отправиться на север, к берегам Японии¹⁰.

Все эти передвижения американских военно-морских эскадр, преследовали одну цель - оказать помощь Японии, заставить Россию угрозами и шантажом прекратить или, по крайней мере, ослабить борьбу против военной контрабанды в пользу Японии. Правящие круги Соединенных Штатов, осуществлявшие широкую экономическую помощь Японии, с самого начала стремились угрозами заставить правительство России ликвидировать или максимально ослабить эту блокаду. Вопрос о контрабанде сравнительно скоро потерял свою остроту ввиду обозначившегося господства Японии на море, в результате чего блокада японских островов русским флотом стала практически совершенно неэффективной.

Таким образом, данный период внес коррективы во внешнеторговую деятельность между США и Россией. Так, несколько раз вырос экспорт России в США. За первое десятилетие XX в. ценность вывоза России в США значительно возросла по сравнению с другими странами в период с 1891-1900 годы. В 1891-1900 годах вывоз в США составил 2,6 млн. руб., в 1901-1910 годах – 6,0 млн. рублей, за эти же периоды вывоз в другие страны составил соответственно 660,7 и 1073,0 млн. рублей. Следовательно, в 1901-1910 годах вывоз в США возрос более чем в два раза.

Обратим особое внимание на период с 1901 по 1905 годы: вывоз в США тогда составил 4 329 тыс. рублей, а привоз в Россию – 48 360 тыс. рублей. Что же касается конкретно двух лет войны, то в 1904 году вывоз в США составил 4 362 тыс. рублей, привоз 62 926 тыс. рублей; в 1905 году соответственно- 3 546 и 40 836 тыс. рублей¹¹. Итак, за годы войны, как привоз, так и вывоз сократились, однако, по сравнению с периодом 1891-1900 гг., когда вывоз составлял 2 612 тыс. рублей, а привоз – 43 204 тыс. рублей, наметился значительный рост товарооборота между двумя странами.

Заметим, что за рассматриваемые периоды привоз из США в Россию всегда превышал вывоз в США из России, однако, прямое сообщение между двумя этими странами было недостаточно развито, поэтому некоторые товары, предусмотренные для вывоза в США, перегружались в портах Западной Европы (Голландия, Германия, Великобритания) и регистрировались как товары для этих стран. Кроме того, многие страны играли посредническую роль между Россией и США. В годы русско-японской войны большое место отводилось перевозке товаров из России на

иностранных судах во избежание конфискации их японской стороной. По документам департамента таможенных сборов России и департамента торговли США по русско-американской торговле мы можем судить о роли иностранных посредников в русско-американской торговле. Анализ материалов показал ряд расхождений в сведениях двух этих департаментов. Российское ведомство дает следующие данные: в 1904 году вывоз товаров из России в США составил 4,4 млн. рублей, а в 1905 году - 3,5 млн. рублей, привоз 62,9 млн. рублей и 40,8 млн. рублей соответственно ¹². Однако данные американской стороны расходятся с русскими и показывают следующее: в 1904 году привоз товаров из России составил 11,9 млн. долларов, в 1905 году - 11,8 млн. долларов, а вывоз из США - 19,4 млн. долларов, и 17 млн. долларов соответственно ¹³.

Большое место в торговле между двумя странами отводилось Германии, так, шкуры пушных зверей, кожа, шерсть из России попадали сначала в Германию, а затем, уже как германские товары, в США. То же необходимо сказать и про товары из США, которые доставлялись в те же западноевропейские порты, а оттуда, как товары этих стран, поступали в Россию. Особенно это касалось хлопка, который сначала приходил в Великобританию и Германию. Отсюда следует, что как вывоз, так и привоз товаров из России в США был куда больше, чем это отмечалось в статистике обеих стран.

Подводя итог рассмотрению товарообмена между Россией и США, отметим, что их торговые отношения имели большое значение. Однако вскрыть реальные размеры взаимоотношений двух стран сложно вследствие посреднической роли ряда западноевропейских стран и недостаточного развития сообщений между государствами.

Теперь обратимся к рассмотрению основных товаров, вывозимых в США в период 1901-1905 годы в сравнении с периодом 1891-1900 годы. Обратим особое внимание, что в 1901-1905 годах увеличились статьи вывозимых товаров: по статистическим данным новыми видами товаров стали щетина и резиновые отбросы ¹⁴. Особую роль в русско-американской торговле играли кожевенные товары, занимающие значительное место и в вывозе и в привозе. Американская кожевенная индустрия значительно зависела от стран, производящих кожевенное сырье, лидером среди которых была Россия. Немаловажное место в русско-американской торговле отводилось шерсти, особенно донской («Donskol wool»), которая в США шла на изготовление ковров. Из данного сорта шерсти получались лучшие виды ковров. Таким образом, первое место из вывозимых товаров в США занимали продукты животноводства – кожа, шерсть, щетина и т. д. Если в период 1891-1900 годов вывозилось кожи 6,0 тыс. пудов, то в 1901-1905 годах – 28,1 тыс. пудов; шерсть – 103,4 тыс. пудов (1891-1900 годы), 266,4 тыс. пудов (1901-1905 год); щетины – в 1891-1900 годах не вывозилась, в 1901-1905 годах - 0,3 тыс. пудов.

Вторым по объему вывоза был солодковый корень, который занимал существенное место в русско-американской торговле, так как США являлись важнейшим рынком для его сбыта. Вывоз его в США также увеличился в период 1901-1905 годы и составил 803,2 тыс. пудов по сравнению с 666,4 тыс. пудов в 1891-1901 годах. Кроме перечисленных выше товаров, отметим резиновые отбросы, лен, пеньку и марганцевую руду. Особо отметим, что вывоз пеньки, льна и марганцевой руды в отличие от других товаров в рассматриваемый период 1901-1905 годов заметно уменьшился и составил: лен - 34,9 тыс. пудов, пенька – 0,4 тыс. пудов, марганцевая руда – 2481,0 тыс. пудов (1891-1900 годы); лен - 13,0 тыс. пудов, пенька – 0,2 тыс. пудов, марганцевая руда – 899,7 тыс. пудов (1901-1905 годы) ¹⁵. Сведения о вывозе резиновых отбросов, о которых ранее не упоминалось в статистике, мы можем найти именно в период 1901-1905 годы – 113,5 тыс. пудов.

Основными американскими товарами, поставляющимися в Россию, были продовольствие, цветные металлы, промышленное и сельскохозяйственное оборудование, предметы быта, хлопок.

Проанализируем привоз товаров из США в Россию в порядке занимаемой ценности. На первом месте стоял хлопок. США в начале XX века стали наиболее крупной страной по его производству. Кроме того, получаемый хлопок в США отличался высоким качеством и количеством. Поставки хлопка в рассматриваемый период увеличились незначительно: с 4 763 тыс. пудов в - 1891-1900 годах до 4 797 тыс. пудов в - 1901-1905 годах, однако, если проанализировать вывоз в Россию в процентном отношении к общему вывозу, то в предвоенный период и в первый год войны он составлял 2,7 %, а в 1905 год – 1,5 %. Проанализировав соотношение общего ввоза хлопка в Россию из других стран и отдельно из США, мы пришли к следующему выводу: в годы войны происходит уменьшение как общего ввоза, так и ввоза со стороны США - 1903 год - общий ввоз 14 055 тыс. пудов, из США – 6 154 тыс. пудов; 1904 год - 12 022 тыс. пудов и 4 940 тыс. пудов соответственно; 1905 год – 10 473 тыс. пудов и 3 666 тыс. пудов) ¹⁶. Это было связано со снижением уровня работы текстильной промышленности России. Кроме того, до 36% уменьшилась доля США во ввезенном хлопке. Вследствие этого, половину потребности русской текстильной промышленности покрыли за счет отечественного хлопка. Если в 1904 году в России было получено 8,7 млн. пудов своего хлопка и 10,5 млн. пудов ввезено, то в 1906 году эти показатели составили 11,3 и 10 млн. пудов соответственно ¹⁷. Итак, в общем товарном обмене между Россией и США вывоз хлопка в Россию занимал значимое место, кроме того, военные годы кардинально не изменили хлопковую статью товарооборота между США и Россией.

После хлопка лидирующие позиции занимают сельскохозяйственные машины. В 1904 году США (37,1% от общего ввоза) по ввозу сельскохозяйственных машин в Россию догоняют главного ее поставщика -

Германию (38,1% от общего ввоза), а в 1905 году в торговле сельскохозяйственными машинами с Россией выходят на первое место¹⁸.

Среди сельскохозяйственных особое место отводится сложным уборочным машинам, изготовление которых было монополизировано в США. Нельзя забывать и о таких видах уборочных машин, как сенокосилки, жатки, сноповязки, которые наибольшую популярность нашли именно в России. Прослеживается увеличение ввоза сельскохозяйственных машин: 318,2 тыс. пудов (1891-1900 годы), 1261,4 тыс. пуда (1901-1905 годы)¹⁹.

Товарообмен между США и Россией в области металлов не имел особого значения. В привозимые из США металлы входили чугун, железо, жель, сталь, медь и ее сплавы, свинец. Можно отметить среди данных товаров только медь и свинец, меди по значению ввозимых товаров отводилось третье место – 60,6 тыс. пудов, свинец 6,3 тыс. пудов (1891-1900 годы); медь 173,7 тыс. пудов, свинец - 80,1 тыс. пудов (1901-1905 годы). В период 1891-1900 годов из США в Россию ввезли металлов на 43 392,1 тыс. рублей, а в 1901-1905 годы - на 48 359,9 тыс. рублей²⁰. Хотя мы можем проследить рост ввоза металлов, но по сравнению с другими данные товары занимали малое место в товарообороте двух стран. Необходимо заметить, что в период русско-японской войны заметно увеличивается ввоз цветных металлов из США в Россию. В 1904 году США были вторым поставщиком меди, алюминия и никеля после Германии (Германия поставила 42,4%, а США – 19,1% меди, алюминия и никеля в процентном отношении ко всему их ввозу)²¹. В 1905 году ввоз американской меди, алюминия и никеля сократился с 264 тыс. до 194 тыс. пудов, и США отошли на третье место после Германии и Великобритании.

Необходимо упомянуть товары, привоз которых в период 1901-1905 годов по сравнению с 1891-1900 годами также увеличился – мука, сало и масло, семена растений, дубильные вещества, железные и стальные изделия, джут сырец. В 1891-1900 годах: мука – 47,6 тыс. пудов, сало и масло – 69,9 тыс. пудов, растения – 110,7 тыс. пудов, дубильные вещества – 194,8 тыс. пудов, железные и стальные изделия – 30,9 тыс. пудов, джут сырец – 33,8 тыс. пудов; в 1901-1905 годах: мука – 386,3 тыс. пудов, сало и масло – 80,9 тыс. пудов, растения – 159,0 тыс. пудов, дубильные вещества – 850,1 тыс. пудов, железные и стальные изделия – 33,4 тыс. пудов, джут сырец – 38,4 тыс. пудов.

Отметим также товары, вывоз которых в рассматриваемый период сократился - хлеб (в зерне), кожа, гарпиус и галипот, краски и красящие вещества, шерсть. В 1891-1900 годах хлеб – 296,8 тыс. пудов, кожа – 103,1 тыс. пудов, гарпиус и галипот – 893,1 тыс. пудов, краски и красящие вещества – 819,8 тыс. пудов, шерсть – 2,9 тыс. пудов; в 1901-1905 годах: хлеб – 283,3 тыс. пудов, кожа – 89,8 тыс. пудов, гарпиус и галипот – 651,9 тыс. пудов, краски и красящие вещества – 578,9 тыс. пудов, шерсть – 0,9 тыс. пудов²².

Обратим внимание на такую статью товарообмена, как металлические изделия (железные и стальные), а также машины из чугуна и стали, пишущие машинки. Однако в данной области скорее можно говорить только о привозе в Россию из США, о вывозе этих товаров речь не шла. По всем перечисленным выше видам изделий прослеживалась динамика возрастания поставок в 1904 году по сравнению с довоенным уровнем и падение в 1905 году. В 1903 году: железные и стальные изделия – 12 тыс. пудов, машины из чугуна и стали – 53 тыс. пудов, пишущие машинки – 2,1 тыс. пудов; 1904 год соответственно – 14 тыс. пудов, 57 тыс. пудов, 204 тыс. пудов, 1905 год – 8,7 тыс. пудов, 50 тыс. пудов и 1,5 тыс. пудов²³. Что касается других видов металлических изделий, ввозимых в Россию из США, таких как машины для переработки волокнистых веществ, компрессоры, швейные машины, станки для обработки металлов, машины для стирки, чугунные и стальные трубы, домовые приборы, ручной инструмент, то до 1906 года они регистрировались в статистике совместно с другими товарами или сведения о поставках разделялись на поставки в европейскую и азиатскую Россию (отдельно и в долларах).

Рассматривая торговые отношения между Россией и США нельзя обойти вниманием нефтяную статью товарообмена. Наряду с США, Россия обладала крупными залежами нефти. На постоянный рост экспорта нефти из России в начале XX века влияло развитие средств добычи и переработки нефти, а также развитие транспортировки ее продуктов: «добыча, переработка, транспорт и организация русского нефтяного хозяйства служило образцом нефтяного фордизма для других предпринимателей»²⁴. В области добычи и переработки нефти была усовершенствована техника бурения и эксплуатации промыслов с помощью выписанных из-за границы специалистов; повсюду ручная двигательная сила заменена паровой; впервые были поставлены газовые и нефтяные двигатели. Периодическая перегонка нефти заменена непрерывной, и создан переворот в нефтеобрабатывающем деле применения нефтяных остатков в виде топлива. Транспорт нефти тоже был механизирован с помощью нефтепроводов, проложенных от промыслов к заводскому району, и спуском по железной дороге вагонов-цистерн и наливных судов для водного транспорта. Завершением этих начинаний было сооружение по указанию правительства керосинопровода Баку-Батум.

Рост экспорта из России по перечисленным выше причинам привел к острой конкурентной борьбе между нефтепромышленниками России и США, которые в рассматриваемый период времени также занимали ведущие позиции в сфере нефтедобычи и нефтепереработки. Заметим, что перед русско-японской войной лидирующие позиции занимала Россия. Однако впоследствии положение России и США на нефтяном рынке изменилось.

События русско-японской войны, а также последовавшая первая русская революция не могли не отразиться на состоянии нефтяной промышленности и экспорта нефтепродуктов из России. Россия была занята войной с Японией, а в Бакинском районе нефтедобычи волнения

революционные сопровождались армяно-азербайджанскими волнениями. Революционные события в Баку нанесли непоправимый урон нефтяной промышленности России и сокрушительный удар по положению страны на мировом нефтяном рынке. В 1905 году добыча нефти в России упала на треть, а цены на нефть возросли. В итоге Россия потеряла большинство внешних рынков сбыта нефти, впоследствии некоторые из них так и не восстановились. Россия начинает все больше отставать от США, как по темпам роста нефтедобычи, так и по общему уровню развития нефтедобывающей промышленности. Заметим, что лидирующие позиции теперь занимали США, именно американские нефтяные компании получили возможность регулировать цены на нефтепродукты на мировом рынке. Россия к этому вопросу в тот момент отношения не имела.

Однако, несмотря на сложившуюся ситуацию на мировом нефтяном рынке, Россия прочно заняла второе место вслед за США по сбыту нефти и нефтепродуктов на зарубежных рынках. Кроме того, вплоть до Первой мировой войны российские нефтяные предприниматели успешно вели конкурентную борьбу с нефтяными монополиями не только США, но и других стран Запада.

Можно отметить, что на первый год войны с Японией приходится начало вывоза Россией в США нефтяного смазочного масла (очищенное и неочищенное), причем во второй год войны его поставки резко сократились. В 1904 году очищенное нефтяное смазочное масло – 283 тыс. пудов, в 1905 году – 84 тыс. пудов, в свою очередь неочищенное нефтяное смазочное масло - 45 тыс. пудов в 1904 году и 90 тыс. пудов в 1905 году. Заметим, что по статистическим данным привоз в Россию нефтяных и каменноугольных продуктов осуществлялся и до войны. Однако привоз каменного угля в первый год войны явно увеличился. Так, в 1903 году он составлял 542 тыс. пудов, в 1904 году – 1334 тыс. пудов, но в 1905 году упал ниже довоенного уровня – 200 тыс. пудов. Парафин поставлялся до войны в размере 47 тыс. пудов. (1903 год), в 1904 году объем поставок резко снизился - до 2 тыс. пудов, а в 1905 году поднялся до 22 тыс. пудов. Масло (солярка, парафиновое, смазочное) привозилось в Россию в 1903 году в размере 32 тыс. пудов, в 1904 году - 52 тыс. пудов, а в 1905 году – 35 тыс. пудов²⁵, таким образом, по данной статье товарообмена особо резких скачков не наблюдалось.

Необходимо рассмотреть еще одну область в товарообмене между США и Россией - каменноугольную. Обе страны обладали крупными запасами угля. На территории русского Дальнего Востока находились залежи высококачественного каменного угля, поэтому данный регион стал центром внимания бизнесменов США, занимающихся каменноугольной торговлей. Вследствие этого заметим, что именно в годы русско-японской войны начинает возрастать вывоз каменного угля в США, в тот период, когда на территории Дальнего Востока велись боевые действия и данный район был менее контролируемый.

В годы русско-японской войны на русском рынке появляются товары ранее не экспортируемые. В 1905 году партия керосина и около 1/3 всей завезенной из-за границы серы было доставлено из США²⁶. Впервые в Россию стали поставлять из США лекарства и чилийскую селитру. Значительно увеличивался ввоз оружия. Военное время требовало удовлетворения потребностей армии и флота, вследствие чего правительство России сделало ряд выгодных заказов американским промышленникам²⁷. Необходимо сказать несколько слов по судоходству России, которое столкнулось с рядом трудностей. Так, до русско-японской войны большинству судов, прибывавших из США, приходилось останавливаться в Петербургском порту и только во время боевых действий на Дальнем Востоке возрастает значение дальневосточных портов. Так как Транссибирская магистраль была перегружена, американские суда могли доставить товары на Дальний Восток только через Владивосток. В довоенные годы в данный порт не входили суда под американским флагом. И только с 1905 года посещение порта американскими судами становится регулярным.

В итоге подчеркнем, что торговая сфера была наиболее развитой в экономических отношениях между США и Россией. По результатам исследований внешнеторговых отношений России и США можно сделать вывод, что русско-японская война внесла коррективы во взаимоотношения двух стран. По ряду статей торговля между ними увеличилась, появились новые статьи обмена. Однако существовали и противоречия, так как США заняли в период войны не «нейтральную» позицию по отношению к России и Японии, а больше привилегий отдали Японии, к тому же вели контрабандную торговлю на нейтральных судах. После запрета России ряда товаров и продуктов, США открыто поддержали позицию Японии. Проведенный анализ внешнеторговых отношений России и США показал, что США вели двойную политику и действовали сугубо в своих интересах. Прежде всего их интересовали богатейшие земли русского Дальнего Востока. Однако данные земли при сильной России представлялись недостижимыми для США. Поддерживая Японию, также заинтересованную в этом регионе, США, сталкивая два государства, могли беспрепятственно вести неравноправную торговлю с Россией и Японией.

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1903. Д. 114. Л. 13. об.

² Там же. Оп. 470. Д. 129. Т.1. 1904 г. Л. 230-231.

³ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512. 1904. Д. 179. (Копия ноты поверенного в делах США от 16 июля 1904 г.).

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 512. Д. 129. Т. 1. Л. 224—231, 244—245.

⁵ Hershey A. The International Law and Diplomacy of the Russo-Japanese War. - New York, 1906. P. 161—170.

⁶ Ibid. P. 177-181.

⁷ Pichman W.F. Professional Diplomacy in the United States, 1779-1939. Chicago. 1961. P.161-170.

⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512. 1904. Д. 179. Л. 276-276 об. Приложение Л. 277.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1904. Д. 129. Т. 1. Л. 914 (22 мая (5 июня) 1904 г.).

¹⁰ Там же. Оп. 470. 1904. Д. 129. Т. 1. Л. 943.

- ¹¹ Россия и США: торгово-экономические отношения. Сб. архивных документов. М., 1996. С. 12-13 (таблица № 1).
- ¹² Вестник финансов, промышленности торговли. СПб., 1905. № 10. С. 401.
- ¹³ Там же. С. 403.
- ¹⁴ Россия и США: торгово-экономические отношения. Сб. архивных документов. М.: Наука, 1996. С. 20.
- ¹⁵ Там же. С. 21. (Таблица № 3).
- ¹⁶ Там же. С. 51-52 (Таблица № 7).
- ¹⁷ Хромов П.А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 234.
- ¹⁸ Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895-1905 гг. СПб., 1897-1907. За 1904 год. СПб., 1906. С. 43; С.52; За 1905 год. СПб., 1907. С. 53; С. 58.
- ¹⁹ Абрамов А.И. Экономическая история США. Куйбышев, 1965. С. 134.
- ²⁰ Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895-1905 гг. СПб., 1897-1907. За 1904 год. СПб., 1906. С. 23; За 1907 год. СПб., 1907. С. 20.
- ²¹ Там же. За 1904 год. СПб., 1906. С. 43.
- ²² Россия и США: торгово-экономические отношения. Сб. архивных документов. М., 1996. С.25 (Таблица № 5).
- ²³ Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895-1905 гг. СПб., 1897-1907. За 1905 год. СПб., 1907. С. 60.
- ²⁴ Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.-Л., 1931. С. 50.
- ²⁵ Россия и США: торгово-экономические отношения. Сб. архивных документов. М., 1996. С. 69. (Таблица № 15).
- ²⁶ Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1895-1905 гг. СПб., 1897-1907. За 1905 год. СПб., 1906. С. 46, 54, 55, 64.
- ²⁷ В 1904 году Ч. Флинт выполнял поручения морского министерства по закупке для него в США большой партии судов (АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1904. Д. 129. Т. 1. Л. 259 и об.).

Е.В. Попова

К вопросу об особенностях внутренней политики первого правительства Беназир Бхутто (1988-1990 годы)

Неожиданная гибель в авиакатастрофе 17 августа 1988 г. президента Пакистана генерала М. Зия-уль-Хака положила конец фактическому управлению страной военными. Гражданское правительство во главе с премьер-министром М.Х. Джунеджо оказывало возрастающее влияние на принятие внутри- и внешнеполитических решений. 14 апреля 1988 г. Джунеджо подписал от имени Пакистана Женевские соглашения по урегулированию афганского кризиса. Несколько позднее близ Исламабада, в местечке Оджхри, взорвался крупный склад оружия и боеприпасов. Успешный и нераскрытый акт диверсии был особенно сильным ударом по президенту и его окружению, так как оружейный склад принадлежал Объединенной войсковой разведке (ОВР) и использовался для снабжения амуницией и вооружением афганских моджахедов ¹.

Надежды части общественности и политических кругов на то, что процесс демократизации, начатый в 1985 г., носит необратимый характер,

были опрокинуты объявленным 29 мая решением генерала Зия уль-Хака отправить правительство в отставку, распустить парламент и провести новые выборы в него вновь на непартийной основе. Хотя общество привычно подчинилось диктатору, его отчуждение от власти возросло. В стране нарастала напряженность, под вопрос было поставлено выполнение договоренностей, достигнутых в Женеве. Смерть Зия уль-Хака (вместе с ним погибли 13 человек: председатель объединенного комитета начальников штабов родов войск, заместитель начальника Генштаба, 8 генералов пакистанских вооруженных сил, посол Соединенных Штатов Америки в Пакистане Арнольд Раффел и сопровождавший американского посла бригадный генерал армии США)² открыла путь для выхода из тупика.

В отличие от 1969 г. на смену одному военному режиму не пришел другой. Ставший из заместителя начальника штаба армии его руководителем генерал М. Аслам Бег, по согласованию с другими военными, дал возможность председателю сената Г. Исхак Хану занять (в соответствии с конституцией) пост президента. Решение Зия-уль-Хака о роспуске парламента было признано Высшим судом Пенджаба незаконным. Назначенные на ноябрь выборы не отменялись, но проводиться они должны были с участием партий.

Основным претендентом на победу считалась Пакистанская народная партия (ПНП) во главе с Беназир Бхутто. Из всех политических сил она была самой организованной на тот момент и привлекательной для недовольных военным режимом людей. Кроме того, пакистанский народ хорошо помнил З. А. Бхутто, отца Беназир, который был казнен по приказу Зия-уль-Хака. Военные пошли на риск победы ПНП, но постарались укрепить позиции ее противников. В Пакистане сложилось твердое мнение, что руководство армии, в частности ОВР, было причастно к образованию блока партий под названием Исламский демократический альянс (ИДА) и всячески способствовало укреплению его позиций на выборах и после них³. Основу ИДА составила Пакистанская мусульманская лига, к руководству которой на смену М.Х. Джунеджо (крупного помещика из Синда) пришел Миан Наваз Шариф, молодой представитель семьи ведущих пенджабских промышленников.

Победа партии Б. Бхутто на выборах 24 ноября 1988 г. была предсказуемой, но далеко не полной. Впрочем, в Национальном собрании (нижней палате федерального законодательного органа) она получила 48 % мест, а голосовало за нее 39 % избирателей. Хуже обстояли дела для ПНП на выборах в провинциальные ассамблеи. Если на выборах в Синде (родной для Бхутто провинции) партия получила 90 % мест, то в крупнейшей провинции Пенджаб она проиграла ИДА. Лишь в коалиции с местными партиями ПНП смогла сформировать правительства в двух «малых» провинциях - Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Белуджистане.

В результате послевыборных маневров образовавшимся центрам силы и влияния удалось достичь компромисса. Б. Бхутто поддержала Г. Исхак

Хана на выборах президента (его, согласно действовавшим конституционным нормам, избирали депутаты обеих палат парламента и провинциальных законодательных собраний). Она также согласилась сохранить пост министра иностранных дел за выдвигенцем Зия-уль-Хака известным дипломатом, генералом в отставке С. Якуб Ханом. При этом было заявлено, что это делается для обеспечения преемственности во внешней политике, в первую очередь в отношении Афганистана.

Приведенное к присяге в декабре 1988 г. правительство Б. Бхутто просуществовало всего полтора года. Оно было первым кабинетом министров в мусульманской стране, который возглавила женщина. Беназир, получившая современное образование в Англии и США, хорошо владеющая английским языком и прекрасно знакомая с жизнью на Западе, тем не менее, всячески подчеркивала соблюдение ею традиционных обычаев и правил приличия. Семья доставляла ей не только радости, но и политические заботы. Выйдя замуж за представителя богатого и известного в Синде землевладельческого клана Зардари, она столкнулась с критикой закулисных действий своего супруга, Асифа Али, с обвинениями в том, что он использует свое влияние в целях обогащения. За ним даже закрепился титул «мистер 10 процентов». Вне подозрений оставалась ее мать Нусрат, вдова З.А. Бхутто, но ее назначение на ведущий пост в кабинете министров подчеркивало клановость новой исполнительной власти⁴. Ослабляли положение правительства характерные для Пакистана межэтнические противоречия. Главным их центром во второй половине 1980-х гг. стал крупнейший город Карачи. Там под воздействием войны в Афганистане образовалась крупная община беженцев-афганцев, главным образом пуштунов. Одновременно с афганцами в пригородные районы многомиллионного города переселились их соплеменники, пуштуны из СЗПП (отчасти направлявшиеся отсюда в поисках работы на Ближний Восток), а также пенджабцы из бедных, прежде всего, северо-западных округов провинции. Все это создало конкуренцию на рынке неквалифицированного труда и вызвало трения между афганцами, пуштунами и пенджабцами, с одной стороны, и мухаджирами, которые считали себя давними и потомственными жителями мегаполиса.

Конфликты на экономической и бытовой почве переросли в политические. В среде мухаджиров образовалась партия *Мухаджир кауми мувмент* (МКМ, Национальное движение мухаджиров) во главе с бывшим студенческим лидером, красноречивым и авторитарным политиком Алтаф Хуссейном⁵. Противники мухаджиров объединились в свои политические группировки, но значительный численный перевес урдуязычных мухаджиров позволил МКМ одержать на выборах 1988 г. убедительную победу в борьбе за места от Карачи и других крупных городов Синда (Хайдерабада, Суккура).

В ноябре 1988 г. МКМ выступала как союзница Пакистанской народной партии и в течение 10 месяцев действовала заодно с правящей партией, как на федеральном уровне, так и в провинции. Однако отношения между союзниками постепенно осложнились. Одним из спорных стал вопрос о

репатриации мухаджиров, так называемых *бихари*, из Бангладеш (предместий Дакки, где они с начала 1970-х гг. находились в лагерях для беженцев) в Пакистан с предоставлением им возможности поселиться в Синде. Против этого активно выступили не только пенджабцы и пуштуны, но и синдхи, представители коренного населения провинции, опасавшиеся дальнейшего роста численности мухаджиров и успеха их усилий по созданию отдельной провинции. Идеология МКМ действительно основывалась на требовании признать мухаджиров пятой основной национальностью страны и отведения ей как минимум города Карачи. Другие требования МКМ состояли в повышении квот для мухаджиров при наборе в чиновный аппарат провинции и центра и также вступали в прямое противоречие с интересами синдхов.

Усиление синдхских националистических настроений в правящей партии и вне ее не могло не учитываться центральным правительством. Оно опасалось за свою популярность в синдской глубинке и радикализации обстановки в провинции под влиянием националистов из Синдского национального альянса и Движения «да здравствует Синд» (*Джийе Синдх махаз*) во главе с ветераном синдхского национального движения Г.М. Саедом.

В октябре 1989 г. МКМ объявила о разрыве союза с ПНП и блокировалась с Исламским демократическим альянсом в попытке вынесения правительству вотума недоверия. Кроме того, Усама бен Ладен (арабский миллионер, будущий руководитель организации «Аль-Каида», международный террорист № 1) ⁶ выделил средства на подкуп парламентариев с целью вынесения вотума недоверия. Однако на состоявшемся 1 ноября голосовании оппозиция не набрала необходимого числа голосов. Кабинет Б. Бхутто продолжал функционировать, сталкиваясь с серьезными трудностями.

Среди них - резкое обострение ситуации с законностью и порядком. Это явление затронуло в первую очередь Карачи и Синд и получило название разгула *дакойтов* (англоиндийское слово для обозначения разбойников, организованных в банды). Синдские дакойты действовали в городах, скрываясь по завершении операции в сельской местности. По заказу руководителей и покровителей они похищали богатых людей и членов их семей, требуя за освобождение огромный выкуп. Их действия нанесли серьезный удар по бизнесу и предпринимательской активности в Карачи и Синде. На фондовой бирже наблюдалось падение котировок, снижение капитализации ведущих компаний. Неспokoйная обстановка, угроза потери жизни и собственности заставили многих промышленников и бизнесменов бежать из Карачи, переводить средства за границу, либо искать приложения своему капиталу на севере страны, в Пенджабе, главным образом близ Лахора и столичного округа Исламабад ⁷.

Нужно отметить, что победа партии Б. Бхутто на выборах и ее избрание премьер-министром изрядно напугали представителей крупного частного капитала. Они хорошо помнили проводившуюся ее отцом политику

национализации и боялись повторения прежнего опыта. Б. Бхутто пришлось потратить немало усилий, убеждая промышленников и банкиров, что у нее нет намерений прибегать к национализации. Времена изменились, говорила она, и хотя в программе ее партии по-прежнему уделялось много внимания борьбе с бедностью и социальной несправедливостью, но методы достижения этих целей совсем другие. Правительство Бхутто заявило о планах приватизации взятой в государственный сектор собственности, хотя и не предприняло каких-либо заметных шагов в этом направлении. Сказались как краткость пребывания у власти первого кабинета во главе с ней, так и сохранявшееся недоверие со стороны частного капитала.

В социальной сфере правительство выделило фонды на электрификацию деревень, найдя недопустимыми темпы электрификации в 250 сельских населенных пунктов в год, в то время как без электричества в стране вынуждены были обходиться 80 000 деревень. Правительство выделило фонды на строительство новых дорог, на снабжение населения питьевой водой приемлемого качества. Подключения телефона приходилось ждать по двадцать лет, и было поразительно, как можно вести дела без кредитов, без телефона и электричества. В 1989 г. в Пакистане была введена волоконно-оптическая связь. Были разрешены мобильные телефоны, открыв людям глаза на внешний мир, у них дома появилось Си-эн-эн, когда в соседних странах его передачи показывали лишь в отелях ⁸. Бхутто стремилась сделать Пакистан современной страной.

Необходимо отметить, что были достигнуты положительные результаты в отношении эмансипации женщин в обществе. Женщины вошли в кабинет министров Бхутто, она учредила министерство развития женщин. В университетах инициировались учебные и научные программы, посвященные «женскому вопросу». Был облегчен доступ женщин-заклученных к правовой защите.

Правительство основало специальный банк для выдачи кредитов женщинам и облегчило получение ими ссуд в обычных банках, запустило программы планирования семьи и контроля рождаемости, правильного питания, ухода за детьми. Было легализовано участие женщин в международных спортивных состязаниях, принимались меры по развитию женского спорта, фактически запрещенного в годы диктатуры Зии ⁹.

Между тем экономическое положение в стране к концу 1988 г. резко ухудшилось: ускорились темпы инфляции, бюджетный дефицит достиг 8,5 % ВВП, дефицит текущего платежного баланса 4,3 %, выплаты по внешнему долгу увеличились до 28 % объема экспортных поступлений, а валютные резервы сократились до 438 млн. долл., что было достаточно для оплаты импорта менее чем в течение трех недель ¹⁰.

Выполняя согласованную с МВФ и Всемирным банком стабилизационную программу, рассчитанную на использование предоставленных этими организациями кредитов на сумму в 1,2 млрд. долл., администрация добилась на первых порах определенных успехов. Однако развить их не удалось во

многим из-за внешних для экономики обстоятельств - сильных наводнений и ухудшения условий внешней торговли. Завершение программы пришлось отодвинуть на более поздние сроки.

Хотя деятельность правительства Б. Бхутто проходила в обстановке финансового кризиса, сам по себе он не мог подорвать его жизнеспособность. Для этого потребовались другие внутри- и внешнеполитические моменты, часть из которых уже отмечена выше. Стоит указать и на своеобразие самой конфигурации власти, сложившейся после гибели Зия-уль-Хака. Одновременно с выбранным населением парламентом и опиравшимся на него кабинетом министров властью реально располагали еще два института — высшая гражданская бюрократия в лице президента и его окружения, и армия, от имени которой выступал генералитет во главе с начальником штаба сухопутных войск. Образовался, таким образом, властный треугольник.

Тройственность власти была наследием времен погибшего диктатора. Она явилась результатом принятия парламентом 8-й поправки к конституции, которая давала большие права президенту, делала его самостоятельным фигурой на политическом поле, а также сохранения такого положения, когда армия обладает правом вето и выступает третейским судьей в случае разногласий между двумя другими институтами власти. Эта своеобразная система функционировала вплоть до 1998 г. и была вскоре после военного переворота 1999 г. во многом восстановлена. Засилье бюрократии знаменует характерную для политического строя современного Пакистана ущербность, ограниченность демократии, не перечеркивая вместе с тем некоторые ее позитивные аспекты.

К ним можно отнести самостоятельность судов, свободу слова и печати, собраний, политической и общественной деятельности. Придя к власти, правительство Б. Бхутто отменило чрезвычайное положение и распустило чрезвычайный совет, сняло запрет с деятельности студенческих и профессиональных союзов, освободило политических заключенных, осужденных военными трибуналами в правление Зия-уль-Хака.

В то же время, столкнувшись с разгулом беззакония в Синде, чередой межэтнических погромов и кровопролитных столкновений между студенческими организациями, оно уже в начале 1989 г. было вынуждено прибегнуть для наведения порядка к использованию полувоенных формирований, призванных усилить местную полицию, а затем и к помощи армии. Весной 1990 г. в Карачи разместили армейский контингент в 15 тыс. человек.

Правительство Б. Бхутто было отправлено в отставку 6 августа 1990 г. во время иракского вторжения в Кувейт при помощи стандартного обвинения в «неспособности и коррупции». Важно заметить, что в Пенджабе, самой густонаселенной и наиболее развитой в экономическом отношении провинции Пакистана, а также в Белуджистане законодательные собрания и правительства контролировались силами, враждебными ПНП. В верхней палате пакистанского парламента — сенате — ПНП оставалась в

меньшинстве. Между тем, согласно конституции, законы, принятые нижней палатой, должны быть одобрены сенатом.

При расстановке внутривластных сил в тот период правительство располагало крайне ограниченным пространством для маневра и, вынуждено было бороться за выживание на слишком многих направлениях сразу.

---

¹ Yousaf M. and Adkin M. *Afganistan. The Bear Trap. The Defeat of a Superpower.* Barnsley, 2001. P. 220-222.

² Бхутто Б. *Дочь Востока. Автобиография.* СПб., 2009. С. 454.

³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана XX в.* М., 2008. С. 351.

⁴ Там же. С. 352.

⁵ Там же. С. 353.

⁶ Сикоев Р.Р. *Талибы: религиозно-политический портрет.* М., 2004. С. 215.

⁷ Malik I.H. *State and Civil Society in Pakistan.* L., 1997. P. 240.

⁸ Бхутто Б. *Указ. соч.* С. 481.

⁹ Там же. С. 482.

¹⁰ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *Указ. соч.* С. 355.

А.С. Соколов

Советско-германские финансово-экономические отношения в 1922-1928 годах

В отечественной и зарубежной историографии проведены серьезные исследования советско-германских отношений после окончания Первой мировой войны. Российские и немецкие историки опубликовали большое количество монографий, обстоятельных научных статей, посвященных данному вопросу. В последнее время в отечественной историографии предприняты плодотворные попытки освещения различных сторон сотрудничества Советской России и Веймарской Республики ¹. Однако в современной исторической литературе сравнительно мало работ, посвященных специально советско-германским финансово-экономическим контактам, имевшим место в 1920-е гг. В этой связи автор статьи, опираясь на опубликованные источники, поставил перед собой задачу комплексно рассмотреть становление и развитие финансово-экономических отношений между двумя странами в 1922-1928 гг. и показать их роль в формировании политического курса этих стран.

Одним из показателей экономических связей между государствами является уровень кредитных отношений. Можно согласиться с мнением исследователя А.А. Шевякова, что в этом плане из всех стран Запада Германия для Советского государства была лучшим партнером на протяжении всего межвоенного периода ². В апреле 1922 г. в дни работы Генуэзской конференции под нажимом более решительных сторонников соглашения с Россией (канцлер Й. Вирт) и ради смягчений условий договора с государствами – победительницами в Первой мировой войне был подписан договор в Рапалло между советскими республиками и Германией. Его

подписание носило вынужденный характер, вызванный опасениями, что бывшие союзные державы придут к соглашению с Советской Россией за счет интересов Германии. Согласно Рапальскому договору, заключенному 16 апреля 1922 г. между РСФСР и Германией происходил взаимный отказ сторон от возмещения военного ущерба. Германия отказывалась от претензий, вытекающих из национализации собственности немецких подданных в РСФСР. Обе стороны пришли к необходимости «урегулирования взаимных торговых и хозяйственных отношений на основе признания наибольшего благоприятствования»³. Заключение этого договора было расценено в европейских столицах, как попытка подорвать Версальскую систему, которая оформилась в послевоенной Европе. В условиях политической изоляции СССР и Германии тесные экономические контакты были выгодны обеим сторонам. Германии это позволяло обойти ограничения Версальского договора, а Советской России не допустить возникновения антибольшевистского блока европейских держав. В заявлении Наркомата иностранных дел от 29 августа 1922 г. указывалось, что «этот договор заслуживает самого серьезного внимания, так как благодаря ему как Россия со своими естественными богатствами, так и Германия с ее организационными и техническими возможностями найдут силы для взаимного восстановления хозяйства и финансов»⁴. Таким образом, в пользу советско-германского политического сближения и сотрудничества в хозяйственной области на основе принципа компромисса действовали экономические факторы первостепенного значения.

После ратификации Рапальского договора СТО создал комиссию под председательством наркома внешней торговли Л.Б. Красина для выработки текста торгового договора с Германией. Была сформирована также подкомиссия, которая стала заниматься вопросами экономических отношений с Германией. Одновременно подготовкой договора занимались в Берлине. В августе 1922 г. канцлер Й. Вирт создал с этой целью межведомственное совещание. В результате переговоров стороны условились дополнить рапальский договор рядом соглашений: транспортным, таможенным, страховым, концессионным урегулированием. Однако налаживанию экономического сотрудничества препятствовало неудовлетворительное финансовое состояние двух стран.

В октябре 1922 г. в Советской России была начата денежная реформа. Госбанк выпустил в обращение червонец, обеспеченный на 25% золотом и драгоценными металлами. Это событие привлекло внимание немецких экономистов Вольффрама Дэллена и Артура Хенкена. В статье опубликованной в «Deutsche Allgemeine Zeitung», В. Дэллен подчеркивал, что введение в России золотой банкноты представляет не только крупный теоретический интерес, но и является мерой реально практического значения. Автор указывал на то, что Россия вступила на путь здоровой активной валютной политики и что следует с интересом ожидать влияние будущей новой финансовой политики на хозяйственную жизнь России. Его коллега А. Хенкен писал в «Berliner Tageblatt», что мероприятия в области

упорядочения денежного обращения в Советской России могут служить в некоторых отношениях примером для Германии ⁵. В немецких деловых кругах внимательно следили за проведением денежной реформы в Советской России. Интересно отметить, что книга известного советского экономиста Л.Н. Юровского «На путях к денежной реформе» была переведена на немецкий язык и издана в Берлине. В то же время, как свидетельствуют протоколы заседаний различных экономических совещаний, в Москве тщательно анализировали все мероприятия Рейхсбанка, направленные на стабилизацию марки.

Оздоровление денежного обращения в условиях нэпа позволило большевикам приступить к размещению государственных ценных бумаг за границей. Впервые опыт связей с иностранным денежным рынком Советская Россия получила в процессе подготовки и осуществления Первого международного 5% займа, который был выпущен в Берлине в сентябре 1922 г. торгово-промышленным акционерным обществом международной рабочей помощи. Цель данного займа заключалась в организации содействия пострадавшим от голода российским губерниям. Заем являлся долгосрочным и был представлен в виде облигаций на общую сумму 1 миллион долларов, в облигациях номинальной стоимостью 1 доллар. От советского правительства заем был подписан наркомом финансов Г.Я. Сокольниковым. Постановлением от 28 сентября 1922 г. советское правительство гарантировало выкуп облигаций и оплату процентов по займу ⁶. К сожалению, автору статьи не известно о том, насколько успешно этот заем был размещен в Германии. Завершение денежной реформы в 1924 г. позволило нашей стране одной из первых достигнуть финансовой стабилизации.

В начале 1920-х гг. на мировом рынке наблюдалось катастрофическое падение немецкой марки. После французской оккупации Рура инфляционный процесс в Германии достиг своей наивысшей точки. В январе 1923 г. курс немецкой марки упал до 18 тысяч за 1 доллар, 1 июля – 165 тысяч, к 1 августа – до миллиона, а к 1 ноября – 4 миллиардов ⁷. Летом 1923 г., находившийся в Германии американский конгрессмен А.П. Эндрю отметил, что получил 4 000 миллиона марок за 7 долларов. Питание на двоих в ресторане стоило 1 500 миллионов, плюс 400 миллионов чаевых. К ноябрю дневная эмиссия достигла 4 000 квинтиллионов. Банки брали 35% в день за кредит, а выдавали вкладчикам только 18% за год. В результате крестьянка, которая внесла стоимость одной коровы, через шесть месяцев получала столько денег, что не могла купить на них даже одну селедку ⁸. Заработная плата рабочим и служащим выдавалась два раза в день, и после первой выдачи сотрудников отпускали на полчаса, чтобы они могли хоть что-то купить. Немецкая марка в значительной мере утратила роль денег. В обращении находились иностранная валюта, денежные суррогаты, широко использовались сигареты. Расстройство финансов ограничивало инвестиционные возможности Германии в российскую экономику. На это обстоятельство указывалось в письме советского торгпреда в Германии,

направленном в ЦК РКП(б) в феврале 1923 г. В нем отмечалось, что «заключению договоров с германскими фирмами мешает катастрофическое падение германской марки, которое затрудняет чрезвычайно всякие расчеты искателей концессий»⁹. Выступая с докладом на Всесоюзном финансовом совещании в июле 1924 г. Г.Я. Сокольников указывал, что в октябре 1923 г. немецкая буржуазия «доигралась до того, что разрушила на почве валютной катастрофы не только весь товарооборот, но и свою бюджетную и налоговую организацию, увидела совершенно дезорганизованным свое государство, свою организацию власти»¹⁰.

Репарационные платежи обескровили германскую экономику. Гиперинфляция привела к вывозу из Германии недвижимости. Немецкий экономист Шульце в своей работе «Развал мирового хозяйства» отмечал, что в Кельне, Висбадене, Кобленце, Аахене большая часть самой ценной недвижимости перешла в английские и французские руки. По выражению Шульце иностранцы таким образом «высасывали соки из обнищавшей нации». Массовый экспорт немецкой товарной ценности опирался на жестокую эксплуатацию рабочих. По сведениям экономиста, члена Коммунистической академии Ш.М. Двойлацкого в этот период реальная зарплата немецкого рабочего была в 4–7 раз ниже зарплаты американского рабочего. По его мнению, распад денежного обращения поставил германскую буржуазию на край пропасти¹¹.

Правительство Германии преодолев взрывоопасную обстановку осени 1923 г. и осознав, что помощь в стабилизации страны может прийти только с Запада стало настойчиво добиваться поддержки от США и Англии. Весной 1924 г. в Лондоне комитеты экспертов проработали вопрос стабилизации германской марки. Эти рекомендации, получившие название «план Дауэса», предусматривали для прекращения инфляции и стабилизации немецкой валюты предоставление Германии международного займа на 800 золотых миллионов марок. После вступления в силу «плана Дауэса» в Германию хлынул поток американских займов. В 1924 г. при участии президента Рейхсбанка Я. Шахта была проведена денежная реформа. Новая рейхсмарка, обеспеченная на 40% золотом и иностранной валютой обменивалась на 1 триллион старых. Стабилизация марки и жесткая финансовая политика имела и отрицательную сторону. Предприятия, лишённые оборотного капитала увольняли рабочих и служащих. Государственный бюджет подвергся урезке, увольнялись много работников занятых в этом секторе. В результате резко подскочили цифры безработицы. В связи с проведением денежной реформы в Германии Г.Я. Сокольников писал, что немецкая марка перестала быть только внутренней валютой, она получила признание на международном денежном рынке. Вместе с тем он указывал, что германский промышленный и банковский капитал будет дружно бороться на два фронта: против немецкого пролетариата и за новую экспансию немецкого капитализма¹². Денежная реформа и приток кредитов из США привели к стабилизации немецкой экономики, что давало новый импульс в развитии советско-германских финансово-экономических отношений.

На проходивших в Москве в ноябре 1924 г. советско-германских экономических переговорах в центре внимания были коренные проблемы отношений между странами. На открытии конференции нарком внешней торговли Л.Б. Красин подчеркнул, что «обе страны – Советский Союз и Германия – как бы созданы друг для друга, созданы для постоянного сотрудничества»¹³. На переговорах советские представители выдвинули признание монополии внешней торговли и предоставление кредитов. В декабре Берлин согласился признать монополию советской внешней торговли. В период с марта по июль 1925 г. был обсужден вопрос о возможности предоставления кредитов. В период весны Политбюро ЦК РКП(б) несколько раз рассматривало этот вопрос. На заседании 31 марта было принято решение о предоставлении нашей стране кредит в 500 миллионов марок на 3 и 10 лет¹⁴. В октябре, накануне открытия Локарнской конференции, немецкий банковский консорциум в виде обмена письмами между «Дойче Банк», «Рейхскредит-Гезелльшафт» и Госбанком и советским торгпредством предоставил СССР краткосрочный кредит в размере 75 млн. марок на условиях 8,5% годовых для закупки промышленного оборудования в Германии. Затем сумма была увеличена до 100 млн. марок. Тем самым, Берлин продемонстрировал, что не хочет терять партнерство с Москвой и не испытывает иллюзий по поводу примирения с Францией. Советское торгпредство смогло до конца года разместить 65% предоставленной суммы.

12 октября 1925 г. в Москве был подписан договор между СССР и Германией. С советской стороны его подписали М.М. Литвинов и Я.С. Ганецкий, с германской – Брокдорф-Ранцау и фон Кернер. Экономическое соглашение предусматривало развитие взаимных торговых отношений и достижение устойчивости товарообмена. В нотах в связи с подписанием этого договора стороны выразили стремление достичь соглашения по условиям кредита. При этом германское правительство заявило о готовности оказать содействие и поддержку переговорам советских хозяйственных органов с германскими деловыми кругами о предоставлении промышленного кредита¹⁵.

Большевистское руководство, приступившее в это время к осуществлению индустриализации, стремилось получить немецкое промышленное оборудование. Вместе с тем в партийное руководство не было заинтересовано в нарушении иностранцами принципа монополии внешней торговли и допущении германских фирм на внутренний советский рынок. В январе 1925 г. в записке, направленной в Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Красин писал: «Германия добивается допущения своих купцов для торговли на нашей территории. Это было бы уничтожением монополии внешней торговли, и против этого только и направлен мой протест»¹⁶. В то же время германские банковские круги в связи с предоставлением кредитов СССР хотели получить государственные гарантии и назначить высокую процентную ставку. Из-за этого советско-германские переговоры о предоставлении кредита затягивались. В мае 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушав вопрос о германских кредитах отметило, что предпринятая в

результате переговоров между германским и советским правительствами кредитная операция находится в серьезной опасности вследствие саботажа германских чиновников и чрезмерных требований банков и промышленников¹⁷. В апреле 1926 г. в Берлине полпред Н.Н. Крестинский и министр иностранных дел Г. Штресерман подписали договор о дружбе и нейтралитет. Особой статьей оговаривался отказ сторон от участия в любых коалициях, имеющих целью подвергнуть экономическому и финансовому бойкоту одну из сторон. Берлинским договором немецкая сторона пыталась смягчить отношения с Советским Союзом. Германия стала основным торговым партнером СССР, что внесло существенные коррективы в характер международных отношений в послевоенные годы. Уже 10 июля 1926 г. после продолжительных переговоров «Дойче Банк» предоставил СССР долгосрочный кредит в размере 300 млн. марок с 60% государственной гарантией. Кредит был предоставлен на шесть лет под 9,4% годовых. Экономические отношения с Советским Союзом были весьма существенным фактором для германской промышленности, что имело бы следствием создание новых рабочих мест. Для Москвы новый кредит означал повышение своего статуса в международной политике. Этот кредит позволял СССР активизировать торговую деятельность с США и Англией. Кредитное соглашение с немецким консорциумом банков было одним из первых в практике экономического сотрудничества большевиков со странами Западной Европы в 1920-е гг. большая часть кредита была использована для закупки машин, оборудования, в том числе и военного.

В то же время определенным барьером в развитии торгово-кредитных отношений между двумя странами являлось недоверие к большевикам со стороны немецких деловых кругов. Сотрудник германского внешнеполитического ведомства фон Дирксен писал о плане кредитования СССР: «Весь этот план в целом представлял поле для споров, поскольку взаимоотношения между промышленниками и банкирами, между ними и представителями рейха и министерств федеральных земель, и между всеми ними и Советским Союзом мало чем отличались от торговли лошадьми, где каждый готов надуть другого»¹⁸. В 1927 г. в Германии, особенно среди промышленников и банкиров, сильно выросли «сомнения и разочарования» по поводу германо-советских экономических взаимоотношений на основе договора от 12 октября 1925 г. С марта 1928 г. в Берлине шли очень трудные переговоры о получении новых крупных кредитов для народного хозяйства СССР. Чехословацкий представитель в Берлине К. Крофта в своих донесениях отмечал: «Переговоры эти шли очень тяжело и потерпели неудачу главным образом по вопросу о новых кредитах»¹⁹. К 1928 г. немецкие промышленные и политические круги пришли к заключению, что 300-миллионный кредит не привел к желаемому увеличению германского экспорта в СССР. На ухудшение советско-германских отношений в конце 1920-х гг. повлияло начавшееся в Советском Союзе «Шахтинское дело», к которому были привлечены немецкие инженеры. В то же время в Москве осознали дороговизну 300-миллионного кредита. Учитывая это

обстоятельство, советская сторона настаивала на выдаче долговременных государственных займов со стороны стран – торговых партнеров. Так, Наркомат финансов указывал на необходимость изменения советской кредитной политики в контексте повышения «кредитного престижа»: «Мы всегда заботились о кредитах, но не всегда заботились о кредитном престиже. Ради кредитной продуктивности данного момента, мы предавали интересы нашего кредитного престижа; ради интересов сегодняшнего дня мы забывали перспективы, интересы завтрашнего дня. Однако, забвении интересов кредитного престижа не останется безнаказанным»²⁰. Требования, выдвигаемые Наркомфином, включали в себя получение «более квалифицированных форм кредита» и создание достаточных валютных резервов. В феврале 1928 Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрев вопрос об экономических переговорах с Германией постановило добиваться разрешения германского правительства на выпуск в Германии советского займа от имени советского правительства на сумму в 50 миллионов долларов. Отклика со стороны Веймарской республики на это предложение не последовало. Вместе с тем, необходимость репарационных платежей, стремление к стабилизации внутреннего рынка заставили немецкую сторону продолжить переговоры с большевиками в ноябре 1928 г. В декабре Московская экономическая конференция завершилась подписанием протоколом по экономическим вопросам.

Россия и Германия традиционно имели широкие финансово-экономические связи. В 1920-е гг. Германия, серьезно заинтересованная в поставках в СССР сырья и продовольствия, а также в советском рынке для сбыта своей промышленной продукции, постоянно представляла большевикам кредиты для размещения их на германских предприятиях. Финансово-экономические связи имели для обеих стран серьезное политическое значение. С приходом Гитлера к власти, на фоне активных пропагандистских компаний в печати обеих стран – антикоммунистической и антифашистской торговый оборот между СССР и Германией стал быстро снижаться.

¹ Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва-Берлин 1920-1933. М., 1999; Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (19217-1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002.

² Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы //Социологические исследования. 1995. №5. С.13-25.

³ Цит. по: Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (19217-1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 293

⁴ Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения в 1922-1932 гг. // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 44.

⁵ Экономическая жизнь. 1923. 14 сентября.

⁶ Вавилов Ю.Я. Государственный кредит: прошлое и настоящее. М.,1992. С. 33.

⁷ Бокарев Ю.П. Денежные реформы в России и Европе 20-х годов //НЭП в контексте исторического развития России XX века М., 2001. С.136.

⁸ Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Ч.1. М., 1995. С. 158.

⁹ Донгаров А.А. Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 151.

¹⁰ Денежная реформа 1921-1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.. 2008. С. 615.

¹¹ Аникин А. История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000. С. 120.

¹² Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Том второй. М., 2006. С.471.

¹³ Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М., 1970. С. 303.

¹⁴ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения "особой папки". 1923-1939. М., 2001. С. 74.

¹⁵ Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения в 1922-1932 гг. //Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 48.

¹⁶ Хромов С.С. Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920-1926 гг. М., 2001. С. 164.

¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения "особой папки". 1923-1939. М., 2001. С. 122.

¹⁸ Дирксен фон Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001.

¹⁹ Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1921-1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 299.

²⁰ Каширских О.Н. Кризис в советско-германских отношениях 1928 года //Вопросы истории. 2006. № 9. С. 43.

Л.А. Якубова

Социальный вопрос в интерпретации британских лейбористов и консерваторов в 1979-1997 годы (К историографии вопроса)

На протяжении второй половины XX – начале XXI вв., начиная с 1945 г., в Великобритании происходит формирование нескольких подходов к решению социальных проблем британских граждан. Эти подходы позволили сформулировать несколько моделей социальной политики, разработанных внутри политических партии Великобритании.

Первая модель оформилась в рамках традиционного лейборизма. Для этой модели была характерна определяющая роль государства, ставившего своей целью обеспечить всех граждан «от колыбели до могилы» раздачей многочисленных пособий и специальных выплат, провозгласившего итоговой целью создание «государства всеобщего благосостояния». Реализация социальной модели традиционных лейбористов обеспечивала определенную социальную защищенность людей. Но вместе с тем, она привела к спаду гражданской активности в обществе и крупным финансовым отчислениям на социальную сферу. Происходил рост государственных затрат на социальные программы в противовес экономике. Это привело к тому, что население, утратив чувство личной инициативы и ответственности, стало полностью рассчитывать на государство.

В 70 - 90-е гг. XX в. английский неоконсерватизм проводил в жизнь второй вариант решения социального вопроса, на основе которого была сформулирована вторая модель социальной политики. Он предполагал использование накопленных средства на поддержку только самых нетрудоспособных граждан и тех, кто не по своей вине лишен возможности работать; их обозначили как «социально отверженных». Политика тори в социальной сфере, получившая название политики «социального консерватизма», заключалась в снижении государственных расходов на социальные программы, включала курс на широкую приватизацию социального обслуживания, введение в него элементов рынка. Эта политика привела, в частности, к усилению социального неравенства. Наблюдалось снижение

общего уровня жизни, росла безработица, появились проблемы детской бедности. Социальный кризис обозначил необходимость перехода на новую идеологию в социальной политике, которая была предложена «новым лейборизмом».

В историографии Великобритании социально-экономическая концепция консерватизма рассматривается в ряде работ британских исследователей: П. Алкока, Р. Блейка, М. Жака, М. Холмса, С. Дженкинса, Б. Джессопа, Д. Каванаха, С. Летвина, К. Минога, П. Риддела, Р. Скидельски, П. Уитли, Х. Янга и др.¹

Наибольший интерес из исследований 1980-х гг. представляет работа Р.Блейка «Консервативная партия от Пиля до Тэтчер». Автор обстоятельно рассмотрел социально-политическую обстановку в Великобритании - обстановку, в которой пришлось работать правительству М.Тэтчер. По отношению к деятельности М.Тэтчер Р.Блейк настроен был скептически. Он считал, что премьер-министр не проявила себя должным образом в качестве реформатора; основная тяжесть правительственных забот ложилась на ее коллег по правительству, которые активно участвовали в разработке наиболее важных законопроектов. К причинам спада реформаторской активности консервативного правительства Р.Блейк относил невозможность сочетания преобразований в социальной сфере (которые требовали больших финансовых затрат) и одновременного проведения активной внешней политики².

Отдельные аспекты социальной политики консерватизма исследованы в работе Д. Каванаха, который проанализировал некоторые наиболее важные реформы в социальной сфере. Наряду с отображением содержания правительственных мер в этой области, Д. Каванах обращал внимание на сопутствующие процессы - межпартийную борьбу по различным аспектам социальной политики, роль лидера консервативной партии М.Тэтчер в принятии тех или иных решений, политические интриги вокруг законопроектов, затрагивавших наиболее острые проблемы социальной сферы Великобритании³.

Отдельные аспекты социальной политики консервативного правительства М.Тэтчер были изучены в работе Б. Джессопа⁴. Автор рассматривал процесс создания законодательной базы в области здравоохранения, образования, жилищной политики, предлагал краткую характеристику принятых законов, обращал внимание на изменения, которые внесли эти законы в жизнь представителей различных социальных групп британского общества.

Монографическое исследование П. Риддела посвящено рассмотрению и анализу отдельных проблем сферы здравоохранения, положению граждан в городах, условиям их жизни⁵.

Интерес представляют работы Р.Дженкинса, в которых он предпринял попытку комплексно отобразить социальные проблемы, представить состояние дел практически во всех областях социальной сферы британского общества. Автор обращал внимание на процесс формирования

законодательной базы в области здравоохранения, образования, жилищной политики, отмечал заслугу в этом представителей передовой общественности, под нажимом которых была существенно расширена степень государственного вмешательства в решении социальных проблем⁶.

В 1996 г. появилась монография П. Алкока «Social Policy in Britain» («Социальная политика в Великобритании»), которая представляла собой фундаментальное исследование основных социальных институтов британского общества XIX-XX вв. В данной работе подробным образом рассматривается законодательство, принятое в социальной сфере, в том числе и за период деятельности консервативных кабинетов с 1979 по 1997 гг., последствия и значение его проведения в жизнь⁷.

В отечественной исторической литературе изучение проблем британского консерватизма нашло определенное место.

Общий анализ консерватизма проведен в работах А.А.Галкина, С.П. Перегудова, П.Ю. Рахшмира⁸. К вопросам типологизации неоконсерватизма и проблемам эволюции либерализма обращался К.С.Гаджиев⁹. Тема трансформации консервативной партии, перехода британского консерватизма к концепции новых правых, изменения его социальной философии, политической культуры разрабатывалась В.Я.Денискиной, Е.В.Осиповой, Г.С. Остапенко, С.П. Перегудовым, А.М. Салминым, И.Д.Стрижевой, Н.М.Степановой, В.Б. Студенцовым, Е. Хесиним¹⁰.

Изучению различных аспектов социально-экономической политики консерваторов посвящены работы А.П. Науменкова, Е.С. Хесина, Е. Балацкой, В.Сорокиной, Н.В.Трубиной¹¹.

Вместе с этим, проблема влияния социальной политики консерваторов на социальную политику «нового лейборизма» остается до сих пор не изученной в зарубежной и отечественной исторической литературе. Остаются неисследованными, в частности, проблемы влияния консервативной социальной практики на создание программы социальных реформ «нового лейборизма».

В 90-е гг. XX столетия в лейбористской партии Великобритании возникает течение, названное «новым лейборизмом». Ее представители выступили за третий вариант или «третий путь» решения социальных задач, основанный на принципе «от государства всеобщего благосостояния - к обществу всеобщего благоденствия». Эти положения легли в основу третьей модели социальной политики Великобритании изучаемого нами периода. Т.Блэр определил «третий путь» как способ общественного устройства, в основу которого должно быть положено разграничение функций государства и общества в решении социального вопроса. На государство возлагалась деятельность только по основным направлениям социальной политики с целью устранения самых бедных, а общество должно было решать все остальные социальные проблемы путем стимулирования активности граждан.

Главный смысл новой модели социального развития британского общества, предложенной «новыми лейбористами», состоял в обосновании

перехода от идеи «государства всеобщего благосостояния» к идее «общества всеобщего благоденствия». Понятие «общества всеобщего благоденствия» определялось ими как общество, граждане которого достигают социальных благ не только за счет распределительной деятельности государства в социальной сфере, но и путем активизации собственной гражданской позиции.

Именно период 18-летнего политического «забвения» позволил британским лейбористам пересмотреть свои программные установки, сформулировать новые идеологические принципы, которые впоследствии были положены в основу социальной программы «нового лейборизма», ставшей краеугольным камнем победы на всеобщих парламентских выборах 1997 г.

В британской историографии проанализированы вопросы возникновения, развития и теоретического оформления «нового лейборизма» в период пребывания лейбористов в оппозиции. Авторы проводили анализ возникших в Лейбористской партии концепций развития Великобритании. Они утверждали, что все идеи английских лейбористов носили в большей степени теоретический характер. Британская историография пыталась дать анализ этих теорий.

В рамках «нового лейборизма» широко была распространена концепция «общества совладения» и «социального рынка». В работах Д. Маркуэнда эта концепция «нового лейборизма» изучена, ей дана оценка как экономики «совладения общества и государства». Д. Маркуэнд считает, что такая теория «новых лейбористов», в которой право собственности включает признание ряда обязательств перед обществом, является продолжением развития идей либералов¹². Проблема «социальной рыночной экономики» затронута и в работах Р. Скидельски, сыгравшего видную роль в разработке экономической и социальной программы лейбористов¹³.

Э. Гидденс, член лейбористской партии Великобритании и советник Т. Блэра, внес большой вклад в изучение идейной программы лейбористской партии. В работе “Affluence, Poverty and Idea of a Post-Scarcity Society” («Богатство, бедность и идея постдефицитного общества») он анализирует «государство благосостояния», созданное в Великобритании. Э. Гидденс критически анализирует существующую систему оказания социальной помощи и предлагает уточнение ряда позиций по мобилизации возможностей граждан в области социальной политики¹⁴.

В монографии Х. Кеннета и Д. Такера «Giddens and Modern Social Theory» («Гидденс и современная социальная теория») анализируются особенности британского «государства благосостояния», программы его реформирования. Авторы утверждали, что представления Э. Гидденса о «государстве благосостояния» находили отклик во внутренней политике современной лейбористской партии в связи с пересмотром установок традиционного лейборизма¹⁵. В работах этих историков делается вывод, что «новый лейборизм» опирался на концепции коммунитаризма –

демократического, этического, христианского социализма «новых левых».

Исследователями коммунитаризма Д. Маркуэндом, Дж. Греем, А. Макинтером провозглашается зависимость человека от социальной среды, высказывается предупреждение о прогрессирующем разрушении социальной ткани общества вследствие неолиберальной политики. Дж. Грей и Д. Маркуэнд являются ключевыми фигурами, связывающими коммунитаризм с идейной платформой «новых лейбористов»¹⁶.

Постмарксизм в идеологии «новых лейбористов» рассматривается в работе Э. Томпсона. Автор приходит к выводу о том, что идеи христианской демократии оказались близки к традиции либерально-социалистического характера¹⁷.

В работах Р. Тоуни выделяются два широких течения социалистической мысли – марксистская школа и этическая школа, которые, по их мнению, повлияли на теоретическую платформу «нового лейборизма»¹⁸.

П. Мендельсон и Р. Лиддл в исследовании «The Blair Revolution» («Революция Блэра») характеризуют особенности модернизации Лейбористской партии, анализируют ее действия в социальном направлении; большое внимание авторы уделяют анализу конкурентоспособности на рынке труда¹⁹.

Периоду пребывания лейбористов в оппозиции, процессу прихода к власти и причинам победы на парламентских выборах 1997 г. посвящена и статья Р. Блэкберна в журнале «New Left Review». Примечательно, что автор, проводя исторические параллели, называет эту победу «бархатной революцией» Т. Блэра²⁰.

Большой интерес представляет работа Э. Ронсли «Servants of the People. The Inside Story of New Labour» («Слуги народа. История «новых лейбористов» изнутри»). В работе рассматривается в основном деятельность лейбористов с момента их победы на выборах 1997 г., хотя период оппозиции не обделен вниманием автора. Исследование основано на беседах с деятелями правительства и парламента, ближайшим окружением Т. Блэра и самим лидером. Автор показывает механизмы принятия решений «новыми лейбористами» по многим вопросам, в том числе и социальным²¹.

Необходимо особенно отметить биографическое исследование Дж. Сопела, посвященное жизненному пути и политической деятельности Тони Блэра как раз на посту партийного лидера до выборов 1997 г. В данной работе показано становление Т. Блэра как политика, изучены причины обращения лидера к социальным вопросам в истории Великобритании²².

Многие аспекты деятельности британских лейбористов в исследуемый нами период отражены также и в работах отечественных историков Е.В. Ананьевой, Н.А. Байковой, А.А. Громько, Н.М. Капитоновой, Н.Н. Милина, С.П. Перегудова.

Авторитетным исследователем по истории Великобритании 1970 - 1990-х гг. является С.П. Перегудов. Ему принадлежит ряд монографий и

научных статей, посвященных «эпохе» Маргарет Тэтчер, неоконсерватизму, «новому лейборизму» в периоды его пребывания, как в оппозиции, так и у власти²³.

В работах другого известного исследователя А.А.Громыко рассматривается процесс формирования «нового лейборизма» и доказывается тезис о том, что он был призван ответить на вызовы постиндустриального развития в условиях перехода процессов глобализации на новый уровень. Это идеологическое направление, по мнению А.А.Громыко, выступило как движение, оппозиционное «тэтчеризму», которое исчерпало свой потенциал²⁴. «Новые лейбористы» многое восприняли в наследии «тэтчеризма», отмечает А.А.Громыко; но они предложили новую концепцию «третьего пути», основанную на социальной включенности, коммунитаризме, социальных функциях государства.

Байковой А.Н., Капитоновой Н.М., Милиным Н.Н. изучены теоретические основы социальной политики Лейбористской партии Великобритании, о том, как «новые лейбористы» трансформировали идею «государства благосостояния»²⁵.

Е.В.Ананьева анализирует концепцию «третьего пути» как основу «нового лейборизма», рассматривает теоретическую деятельность нескольких «мозговых» центров Лейбористской партии Великобритании по созданию новой идеологии²⁶.

Таким образом, в отечественной и зарубежной исторической литературе, в особенности в британской историографии, проанализированы различные аспекты пребывания Лейбористской партии Великобритании в оппозиции, а Консервативной партии – у власти, исследованы основные механизмы модернизационных процессов внутри партий и создания основных моделей социальной политики Великобритании в исследуемый период.

¹ Alcock P. Social Policy in Britain. N.Y., 1996; Blake R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. L., 1985; Jaques M. The Politics of Thatcherism. L., 1983; Holmes M. Thatcherism: Scope and Limits 1983—1987. L., 1989; Jenkins S. Accountable of None. L., 1996; Jessop P. Thatcherism. A Tale of Two Nations. Cambridge, 1988; Kavanah D, Thatcherism and British Politics: the End of Consensus? Oxford, 1987; Letwin S. The Anatomy of Thatcherism. L., 1992; Minogue K. Thatcherism: Personality and Politics. L., 1987; Riddle P. The Thatcher Decade: How Britain Has Changed During the 1980s. Oxford, 1989; Riddle P. The Thatcher Era and its Legacy. L., 1991; Skidelsky R. Thatcherism. L., 1988; Skidelsky R. Thatcherism. London, 1988; Whitely P. Richardson and True Blues. Oxford, 1994; Young H. One of Us. L., 1990.

² Blake R. The Conservative Party from Peel to Thatcher. L., 1985.

³ Kavanah D, Thatcherism and British Politics: the End of Consensus? Oxford, 1987.

⁴ Jessop P. Thatcherism. A Tale of Two Nations. Cambridge, 1988.

⁵ Riddle P. The Thatcher Decade: How Britain Has Changed During the 1980s. Oxford, 1989.

⁶ Jenkins S. Accountable of None. L., 1996.

⁷ Alcock P. Social Policy in Britain. N.Y., 1996.

⁸ Галкин А.А. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987; Перегудов С.П. Консервативная партия // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №3; Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996. Перегудов С.П. Эра Тэтчер: эволюция или революция? // Мировая экономика и международные отношения. 1992. №8; Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. №1.

⁹ Гаджиев К.С. Либерализм - история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

- ¹⁰ Денискина В.Я. Политический портрет Маргарет Тэтчер; научно-аналитический обзор. М., 1991; Осипова Е.В. Социология политической культуры Великобритании // Социс. 1992. № 9; Перегудов С.П. Консервативная партия // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №3; Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996. Перегудов С.П. Эра Тэтчер: эволюция или революция? // Мировая экономика и международные отношения. 1992. №8; Салмин А.М. Политический портрет Маргарет Тэтчер. М., 1982; Степанова Н.М. Британский неоконсерватизм и трудящиеся (70-е - 80-е гг.). М., 1987; Степанова Н.М. Консервативная партия Великобритании: долгий путь к поражению 1997 года // Россия и Британия. Чтения памяти Н.А.Ерофеева. М., 2000. Вып. 2. С. 158 – 166; Студенцов В.Б. Два течения в социальной философии британского неоконсерватизма // Вопросы философии. 1985. №2; Хесин Е. Великобритания: седьмой год подъема // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8. С. 103 – 10; Хесин Е. Великобритания: снижение темпов экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 8. С. 96 – 98; Хесин Е. Великобритания: шестой год подъема // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 8. С. 97 - 101.
- ¹¹ Науменков А., Хесин Е. Консерваторы и метаморфозы британской экономики // Великобритании: политика, экономика, история. СПб, 1995; Балацкая Е. Монетарные проблемы и безработица // МЭиМО. 1995. № 1; Сорокина В. Великобритания: частная финансовая инициатива // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 1. С. 90 – 95; Трубина Н.В. Экономическая политика тэтчеризма: теория и практика. СПб., 1995.
- ¹² Marquand D. The Ideas That Shaped Post-War Britain. L., 1996. 351 p.
- ¹³ Skidelsky R. Thatcherism. L., 1988. 224 p.
- ¹⁴ Giddens A. Affluence, Poverty and the Idea of a Post Scarcity Society. Geneva, 1995. 140 p.; Giddens A. Beyond Left and Right. The Future of Radical Politics // Polity Press. Cambridge, 1994. 276 p.
- ¹⁵ Kennet H., Tucker J. A. Giddens and Modern Social Theory. L., 1998. 240 p.
- ¹⁶ Marquand D. The Ideas That Shaped Post-War Britain. L., 1996. 351 p.; Gray J. Beyond the New Right. L., 1994. 195 p.; Macintyre A. After Virtue. A study in Moral Theory. Duckworth, 1985. 286 p.
- ¹⁷ Tawney R. H. The Acquisitive Society. L., 1961. 242 p.
- ¹⁸ Tawney R. H. The Acquisitive Society. L., 1961. 242 p.
- ¹⁹ Mandelson P., Liddle R. The Blair Revolution. L., 1996. 274 p.
- ²⁰ Blackburn R. Reflections on Blair's Velvet Revolution // New Left Review. L., 1997. № 223. P. 3 - 16.
- ²¹ Ronsley A. Servants of the People. The Inside Story of New Labour. L., 2001. 568 p.
- ²² Soper J. Tony Blair: the Moderniser. L., 1995. 335 p.
- ²³ Перегудов С.П. Великобритания после выборов 1997 года: обычная смена власти или прорыв в XXI век? // МЭиМО. 1997. №5. С. 74 – 84; Перегудов С.П. Великобритания после парламентских выборов 2001 года: время платить по векселям // Россия и Британия. Памяти академика В.Г. Трухановского / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2002. С. 142 – 163; Перегудов С.П. Западная социал-демократия на рубеже веков // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 6. С. 40 – 46; Перегудов С.П. Западноевропейская социал-демократия: поиски обновления. М., 1998. 164 с.; Перегудов С.П. Политические сдвиги в странах Запада. М., 1989. 247 с.; Перегудов С.П. Тони Блэр // Вопросы истории. 2000. №1. С. 64 – 82; Перегудов С.П. Тони Блэр. М., 1999. 53 с. Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996. 301 с.;
- ²⁴ Громыко А.А. 100-летие британских лейбористов // Современная Европа. 2000. № 4. С. 46-59; Громыко А.А. Британская ситуация // Европа: партии и выборы. ДИЕ РАН № 125. М., 2003. С. 45 – 48; Громыко А.А. Всеобщие выборы в Британии // Независимая газета. 1997. 30 апреля; Громыко А.А. Победы и поражения современной социал-демократической Европы // Полис. 2000. № 3. С. 140 – 143; Громыко А.А. Политический реформизм в Великобритании (1970 -1990 годы). М., 2001. 267 с.; Громыко А.А. Труд и власть: Великобритания в сравнительном контексте // Современная Европа. 2000. № 4. С. 39 – 48.
- ²⁵ Байкова А.Н. Великобритания: о специфике социального равновесия на фоне новолейбористской модели власти. М., 1999. 58 с.; Байкова Н.А. Правительство Энтони Блэра, тред-юнионы и массовая лейбористская партия (принципы взаимоотношений) // Россия и Британия. Чтения памяти Н.А.Ерофеева. М., 2000. Вып. 2. С. 166 – 173; Капитонова Н.К. Великобритания в конце XX - начале XXI века: от консерваторов к лейбористам. М., 2003. 130 с.; Милин Н.Н. «Третий путь» Тони Блэра // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 40 - 54.
- ²⁶ Ананьева Е.В. Великобритания и европейская интеграция (экономические и политические аспекты перехода на ЕЕВ) // Актуальные проблемы стран Европы: Учебное пособие М., 2001. С. 194 – 232; Ананьева Е.В. «Тихая революция» Т.Блэра // Актуальные проблемы стран Европы: Учебное пособие. М., 2001. С. 3 - 37.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболмасов Вадим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Ананьева Наталья Петровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Беляев Михаил Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета.

Глубокова Надежда – аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Жолудов Михаил Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета

Кацай Вячеслав Борисович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Минаев Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Мостяев Юрий Николаевич – доцент кафедры социального управления, права и политологии Рязанского государственного радиотехнического университета.

Петелин Борис Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории культуры Череповецкого государственного университета.

Писчикова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Попова Евгения Вячеславовна – аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Соколов Александр Станиславович – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и культуры Рязанского государственного радиотехнического университета.

Якубова Лала Алиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Научное издание

ВОПРОСЫ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Межвузовский сборник научных трудов

Ответственные редакторы

Жолудов Михаил Валентинович

Лосев Юрий Иванович

В авторской редакции

Подписано в печать 08.11.2011. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 7,90. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 100 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ им С.А. Есенина

с готового макета, предоставленного редакционной коллегией

390023, г. Рязань, ул. Урицкого, д. 22